

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category of academic periodicals recommended by the Higher Attestation Commission for publishing the main findings of PhD and ScD dissertations, included in the core of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Включен в первую категорию Перечня рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по научным специальностям:
5.4.2. Экономическая социология (социологические науки). 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки). 5.5.1. История и теория политики (политические науки). 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки). 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки). 5.5.4. Международные отношения (политические науки). 5.7.2. История философии (философские науки). 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки). 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки).

A journal included in the first category of the List of VAC's peer-reviewed scientific publications (K1) on specialties: 5.4.2. Economic sociology (sociological sciences). 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (social sciences). 5.5.1. History and theory of politics (political sciences). 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences). 5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences). 5.5.4. International Relations (Political Sciences). 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences). 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences). 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences).

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated catalogue "The Press of Russia"

Vol. 13, No. 5, 2023

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор Кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукиянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан факультета массовых коммуникаций, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующая кафедрой современной социологии социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodevskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

НАВСТРЕЧУ 105-ЛЕТИЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В.</i> Традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе жизненных приоритетов молодежи, получающей педагогическое образование в Российской Федерации . . .	6
<i>Митрахович С.П.</i> Концептуально-идейные факторы качества современной государственной политики. . . .	17
<i>Каминская Т.Л.</i> Медиа в структуре метавселенных и контроль цифровой коммуникации.	22

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Алиев Д.Ф., Саркисов В.Э.</i> Общие принципы организации ландшафта политических коммуникаций современной России	27
<i>Хакки А.М.</i> Оценка экономического будущего стран БРИКС.	33
<i>Ли М.</i> Роль русской художественной литературы в восприятии образа России в Китае.	39
<i>Родачин В.М.</i> Цивилизационная безопасность России и ее обеспечение в условиях обострения противоречий с Западом	45
<i>Мельник М.В., Велиханов М.Т.</i> Основные виды государственной поддержки организаций оборонно-промышленного комплекса	53
<i>Лебедев С.В.</i> Психокommunikативные основы политики ядерного сдерживания: проблема рациональности и попытки выйти за пределы равновесия	61
<i>Юдина В.А., Бондаренко В.В., Танина М.А.</i> Трансформация механизмов международного сотрудничества в системе высшего образования Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности	67
<i>Махаматов Т.М.</i> Диалектика экзистенции социального пространства	75
<i>Тен Ю.П.</i> Регулирование рисков в процессе осуществления кросс-культурного менеджмента.	84
<i>Никлаус А.А.</i> Сравнительный анализ политических технологий оптимизации внутрирегионального пространства государства.	88

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Крайнева Р.К., Дробина А.С.</i> Бренд как объект продвижения личности в современном мире	95
<i>Архангельская Л.Ю., Жалнина И.Н.</i> Комплексный структурно-динамический анализ движения численности населения Воронежской области за 2017–2021 годы.	104
<i>Каптарь Д.Л.</i> Неафишируемая политика как часть политической реальности Запада.	114
<i>Кублик Е.И., Лабинцев А.И., Чипчагов М.С., Шилов М.А.</i> Повышение эффективности рекламных кампаний на радио путем интеграции с цифровыми инструментами мониторинга	121
<i>Селезнев П.С., Крамер А.Д.</i> Минархизм как философская основа конвергенции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции в России.	129
<i>Федорищева О.В.</i> Особенности восприятия молодежью образа политического лидера в СМИ	135
<i>Клементьева М.В.</i> Идентичность: виртуальная или реальная?	141

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Печенкин Н.М., Самыловских К.Р.</i> Технологии и принципы формирования мировоззрения студентов на примере Финансового университета при Правительстве РФ	147
--	-----

ИНТЕРВЬЮ

<i>Никипорец-Такигава Г.Ю.</i> «Япония должна быть связана с Россией»: интервью с независимыми японскими экспертами	153
---	-----

TOWARDS THE 105TH ANNIVERSARY OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

- Sklyarova N. Yu., Brodovskaya E.V.** Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the System of Life Priorities of the Young People who Receive Pedagogical Education in the Russian Federation 6
- Mitrakhovich S.P.** Conceptual and Ideological Factors of the Modern Public Policy Quality 17
- Kaminskaya T.L.** Media in the Structure of Metaverse and Control of Digital Communication 22

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Aliyev J.F., Sarkisov V.E.** General Design of Political Communications Landscape in Modern Russia 27
- Hakki A.M.** Economic Future of BRICS Countries. 33
- Li M.** The Role of Russian Fiction Literature in the Perception of the Russia's Image in China. 39
- Rodachin V.M.** Russian Civilizational Security and Its Provision in Terms of Increasing Contradictions with the West. 45
- Melnik M.V., Velikhanov M.T.** The Main Types of State Support for Organizations of the Military-industrial Complex 53
- Lebedev S.V.** Psychological and Communicative Aspects of Nuclear Deterrence: The Issue of Rationality and Attempts to Go Beyond the Equilibrium 61
- Yudina V.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A.** Transformation of the International Cooperation Mechanisms in the Higher Education System of the Russian Federation against the Backdrop of Geopolitical Instability 67
- Makhamatov T.M.** Dialectics of the Social Space's Existence. 75
- Ten Yu.P.** Risk Management in Cross-Cultural Management 84
- Niklaus A.A.** Comparative Analysis of Political Technologies for Optimizing the Intraregional Space of the State 88

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Krayneva R.K., Drobina A.S.** Brand as an Object of Person's Promotion in the Modern World 95
- Arkhangelskaya L. Yu., Zhalnina I.N.** Comprehensive Structural and Dynamic Analysis of the Change in the Population of the Voronezh Region during 2017–2021 104
- Kaptar' D.L.** Unannounced Politics as Part of the Political Reality of the West 114
- Kublik E.I., Labintsev A.I., Chipchagov M.S., Shilov M.A.** Improving the Effectiveness of Radio Advertising Campaigns by Integrating Digital Monitoring Tools 121
- Seleznev P.S., Kramer A.D.** Minarchism as a Philosophical Basis for the Convergence of the Right and Liberal Segments of the Non-Systemic Opposition in Russia 129
- Fedorishcheva O.V.** Peculiarities of Youth Perception of a Political Leader's Image in the Media 135
- Klementyeva M.V.** Identity: Virtual or Real? 141

STARTUP OF A YOUNG SCIENTIST

- Pechenkin N.M., Samylovskikh K.R.** Technologies and Principles of Students' Worldview Formation on the Example of Financial University under the Government of the Russian Federation 147

INTERVIEW

- Nikiporec-Takigava G.Yu.** "Japan must be connected with Russia": Interviews with Independent Japanese Experts 153

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 13, № 5 (65), 2023

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **И.А. Осипова**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 06.12.2023

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 20 п. л.

Заказ № 1191

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,

д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **I.A. Osipova**

Editorial address:

53, Leningradsky prospect, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 06.12.2023

Format 60 x 84 1/8.

Size 20 printer sheets.

Order № 1191

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospect,

Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-6-16

УДК 329:378(045)

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе жизненных приоритетов молодежи, получающей педагогическое образование в Российской Федерации

Н.Ю. Складорова^а, Е.В. Бродовская^б

^{а, б} Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты всероссийского социологического опроса молодежи, обучающейся в психолого-педагогических классах, в педагогических ссузах и вузах. Методология исследования базировалась на неoinституционализме в исторической версии, феноменологическом конструктивизме. Основным эмпирическим методом исследования выступил социологический опрос в формате онлайн-анкетирования. Выборка составила 1800 респондентов. Репрезентативность заложенных квот в выборочной совокупности обеспечивается с учетом таких базовых параметров респондентов, как принадлежность к учебным классам/заведениям педагогического профиля, возраст, пол, федеральный округ проживания. В ходе исследования измерялись переменные, отражающие репрезентацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в системе жизненных приоритетов молодежи, обучающейся в психолого-педагогических классах, педагогических ссузах и вузах.

Ключевые слова: традиционные духовно-нравственные ценности; педагогическое образование; национальная безопасность; молодежь; патриотизм; гражданственность

Для цитирования: Складорова Н.Ю., Бродовская Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе жизненных приоритетов молодежи, получающей педагогическое образование в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-16

ORIGINAL PAPER

Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the System of Life Priorities of the Young People who Receive Pedagogical Education in the Russian Federation

N. Yu. Sklyarova^а, E.V. Brodovskaya^б

^{а, б} Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia;

^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the results of the All-Russian sociological survey concerning young people studying in psychology and pedagogy classes, in pedagogical colleges and universities. The research methodology was based on the historical version of neo-institutionalism and on phenomenological constructivism. The study involved respondents aged 14 to 35 years, representing all federal districts of the Russian Federation. The sampling consisted of 1800 respondents. Sampling characteristic are multi-stage. The representativeness of the quotas in the sampling is ensured by taking into account such basic parameters of respondents as belonging to certain educational classes/educational institutions, age, gender, federal district of residence. The study measured variables reflecting the representation of traditional Russian spiritual and moral values enshrined in the "National Security Strategy of the Russian Federation", in the system of life priorities of young people studying in psychology and pedagogy classes, colleges and universities.

Keywords: traditional spiritual and moral values; pedagogical education; national security; youth; patriotism; citizenship

For citation: Sklyarova N. Yu., Brodovskaya E.V. Traditional Russian spiritual and moral values in the system of life priorities of the young people who receive pedagogical education in the Russian Federation. *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-6-16

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современные условия развития России, ее нацеленность на суверенное и благополучное будущее требуют особого внимания государства, общества, профессионального и экспертных сообществ к процессу формирования ценностной системы будущих педагогов, которые в скором времени станут лидерами мнений для новых поколений россиян.

В 2021 г. была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹, а в 2022 г. — «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². В данных документах определен список традиционных ценностей российской государственности, которые наша страна отстаивает в том числе посредством СВО на Украине. Буквальное поименование традиционных российских духовно-нравственных ценностей является важным сигналом всему обществу и особенно институтам, обеспечивающим социализацию молодежи, о необходимости формирования, удержания, развития мировоззренческого фокуса в образовательной и воспитательной деятельности. Поэтому представленное исследование направлено в первую очередь на диагностику репрезентации традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в системе жизненных приоритетов молодежи, обучающейся в психолого-педагогических классах, педагогических ссузах и вузах.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ

В представленном исследовании мы опираемся на широкий круг теорий и концепций, созданных отечественными и зарубежными авторами. Среди российских ученых особенно значимыми для нас являются результаты научных изысканий таких исследователей, как Л.С. Выготский [1, 2], А.Н. Леонтьев [3, 4], Д.Н. Узнадзе [5, 6], В.А. Ядов [7], Н.И. Лапин [8], Горшков [9] и др.; среди зарубежных — К. Клакхон [10], М. Рокич [11], Ш. Шварц [12], Р. Инглхарт [13] и др.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ

В настоящее время в российской политической науке сложились четыре основные научные школы, исследующие ценности молодежи. Первая из них представлена исследователями МГУ им. М.В. Ломоносова и развивается под руководством профессора Е.Б. Шестопаля (Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева, Н.В. Смутькина и др.) [14–17]. Специфика школы заключается в опоре на политико-психологические концепции и в системном применении преимущественно проективных исследовательских методик.

Вторая основана в Финансовом университете при Правительстве РФ на базе Центра политических исследований под руководством профессора Е.В. Бродовской (А.Ю. Домбровская, А.С. Огнев, Р.В. Парма, А.А. Азаров, М.А. Давыдова, В.А. Лукушин и др.) [18–23]. Исследовательский почерк школы узнаваем благодаря применению методологии и методики больших данных в политических исследованиях наряду с традиционными методами политической социологии, математического моделирования и когнитивной инструментальной диагностики.

Третья научная школа сформирована профессором А.С. Огневым в Российском новом университете (Э.В. Лихачева, Л.П. Николаева, Н.А. Огнева, Н.В. Мизин и др.) [24–26]. Ее уникальность заключается в масштабном применении когнитивной инструментальной диагностики (окулометрия, кардиометрия и т.п.), разработке и внедрении авторских методик (психосоматического тестирования, песочного игрового моделирования и др.).

Четвертая получила свое начало под руководством первого проректора Московского педагогического государственного университета Н.Ю. Складоровой и развивается на базе Всероссийского научно-методического центра «Философия образования» (В.Л. Шаповалов, С.А. Горохов, С.В. Кузнецова, Е.В. Бродовская, О.И. Белоусова и др.) [27–32]. Школу отличает, с одной стороны, яркая междисциплинарность исследований, а с другой — четкий, предельно ориентированный фокус научного поиска.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неоинституциональный подход (в исторической версии)

Исторический новый институционализм концентрируется вокруг ценностей и норм, ценностных трансформаций, факторов и пределов социально-политических процессов. При этом для анализа и сценирования ситуации важны три основных

компонента: актор, контекст и ценности/нормы [33, 34].

Конструктивистский подход (в феноменологической версии)

Феноменологический конструктивизм описывает формирование повседневного мышления как конструируемую систему «наличного знания», передаваемого родителями и учителями и интерпретируемого нами на основе собственного знакомства с этим знанием [35, 36].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным эмпирическим методом исследования выступил социологический опрос в формате онлайн-анкетирования. Целевая группа респондентов выбрана исходя из высокого потенциала влияния молодежи, осваивающей педагогические профессии, на социализацию детей и подростков в РФ. В исследовании принимали участие респонденты в возрасте от 14 до 35 лет, представляющие все федеральные округа РФ. Выборка составила 1800 респондентов.

В качестве единиц отбора первой ступени выступали все федеральные округа России. Помимо этого, в выборочную совокупность вошли респонденты территорий, освобожденных в ходе СВО РФ на Украине (ЛНР, ДНР, Запорожская и Херсонская области). За основу выборки на второй ступени были взяты учебные заведения разных уровней образования (школы с психолого-педагогическими классами, педагогические сузуы и вузы) с применением квотирования по половозрастной структуре.

Репрезентативность заложенных квот в выборочной совокупности обеспечивается учетом таких базовых параметров респондентов, как принадлежность к учебным классам/заведениям педагогического профиля, возраст, пол, федеральный округ проживания. Отбор респондентов на основании заложенных квот подчинен широко применяемому в профессиональных социологических исследованиях принципу типичных случаев (в данном случае — ориентир на освоение педагогической специальности).

При этом выборка определяется в несколько этапов, включающих отбор «в гнезде» (в кластере, вузе), и совмещает репрезентативность по всем типам молодежи (разные уровни образования, все гендеры, все возрастные когорты молодежи) и целевой социальной группе (типичные школьники/студенты — будущие педагоги). Ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 4%. Полевой

этап исследования проходил в ноябре 2022 г. Для статистической обработки данных применялся пакет IBM SPSS Statistics.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование репрезентации традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в системе личных приоритетов молодежи, получающей образование в психолого-педагогических классах, в педагогических сузуах и вузах, опиралось на представления Н.И. Лапина относительно структуры ценностной системы [37].

С его точки зрения, позиция ценности в иерархии и ее общественный консолидационный потенциал связаны между собой. Так, ценности, разделяемые более чем 60% опрошенных, — это консолидирующее «ядро» ценностной системы. Тогда как ценности, разделяемые меньшинством, так называемая «периферия» ценностных предпочтений, наоборот, дезинтегрируют общность.

Мы включили в шкалу ценностных предпочтений позиции, закрепленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «жизнь», «достоинство», «права и свободы человека», «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству», «крепкая семья», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «гуманизм и милосердие», «справедливость», «коллективизм», «взаимопомощь и взаимоуважение», «историческая память», «преемственность поколений», «единство народов России».

Данная шкала дополнена нами рядом позиций, характерных для ценностных предпочтений респондентов, получающих образование: «творчество», «познание». Также в шкалу была включена ценность «индивидуализм», антогонистичная «коллективизму», с учетом условий, в которых проходила социализация опрашиваемых.

В результате исследования мы зафиксировали, что в «ядро» личных предпочтений опрошенных входят такие ценности, как: «жизнь», «права и свободы человека», «крепкая семья», «развитие», «взаимопомощь и взаимоуважение» (см. рисунок).

В «структурный резерв» вошли: «справедливость», «достоинство», «гуманизм и милосердие», «историческая память», «патриотизм». «Периферию» ценностных предпочтений респондентов составили: «преемственность поколений», «единство народов России», «гражданственность», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «служение Отечеству», «коллективизм».

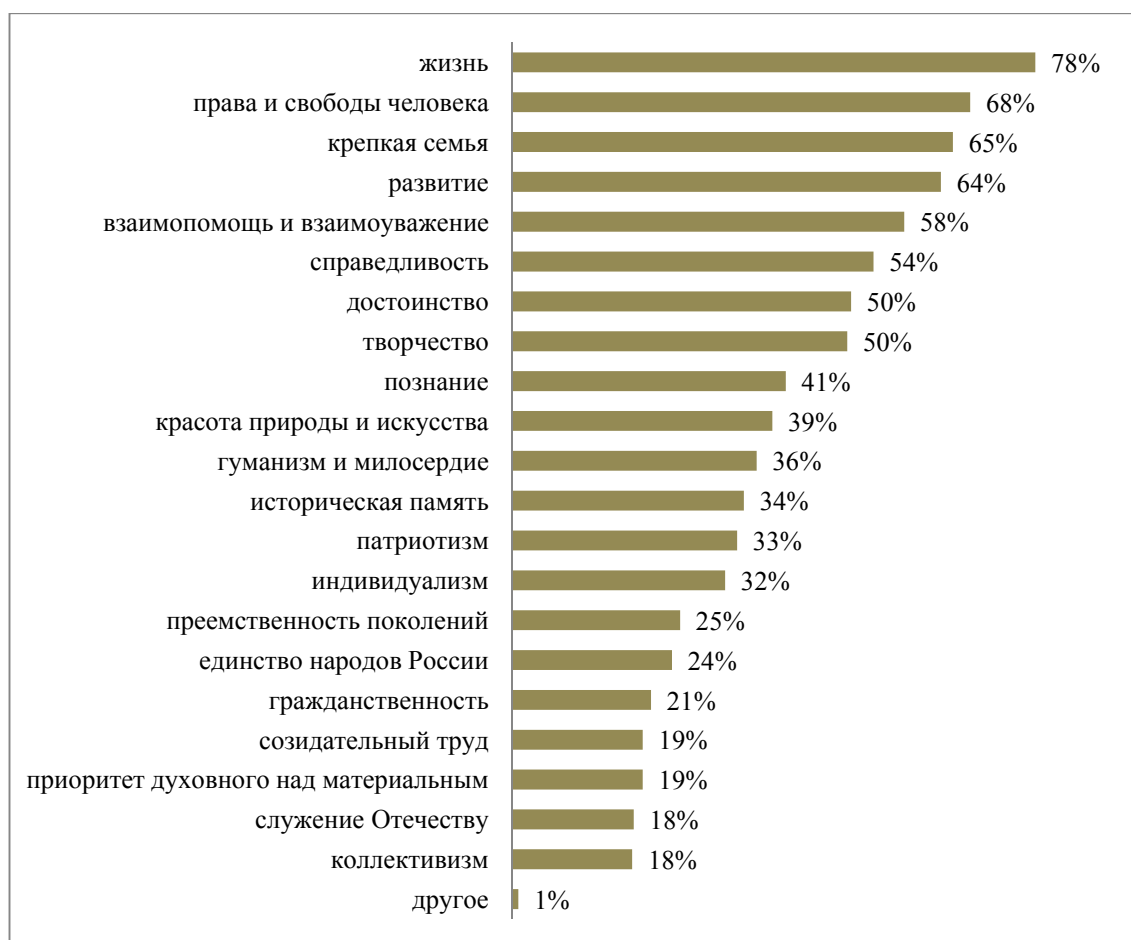

Рис. / Fig. Репрезентация традиционных российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в системе жизненных приоритетов молодежи, обучающейся в психолого-педагогических классах, педагогических сузах и вузах / Representation of traditional Russian spiritual and moral values enshrined in the National Security Strategy of the Russian Federation in the system of life priorities of young people studying in psychology and pedagogy classes, pedagogical colleges and universities

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

О чем свидетельствуют полученные результаты? Во-первых, большинство будущих педагогов объединены базовыми ценностями российской цивилизации. Без воли к жизни нет нравственности, без крепкой семьи нет общества, без взаимопомощи и взаимоуважения нет нации.

Стремление респондентов к развитию, очевидно, отражает, с одной стороны, их характерные поколенческие черты, а с другой — свидетельствует об оптимизме, нацеленности на динамичное и благополучное будущее.

Среди приоритетных ценностей молодые россияне, получающие педагогическое образование, указали «права и свободы» человека, без их обеспечения правовое государство является несостоятельным. Вместе с тем важно будущим

лидерам мнений в образовательных учреждениях важно понимать, что «права и свободы», гарантированные Конституцией, уравниваются обязанностями гражданина в отношении общества и государства. Ситуация в условиях СВО наглядно показала, что часть молодежи руководствуется формулой: «права и свободы — для меня, обязанности — для других».

Полученные данные еще раз подтверждают, что российская молодежь остается крайне чувствительной к правозащитной проблематике и для предотвращения миграции из страны необходимо обеспечивать и создавать все необходимые условия, чтобы граждане были уверены в оптимальной правозащите со стороны государства, гражданского общества.

Важно также учитывать то, что длительное время в публичном дискурсе тема правозащиты была монополизирована иноагентами, культивирующими конфликтную модель отношений между гражданским обществом и государством. Необходимы совместные усилия национальной системы образования и воспитания для преодоления негативных последствий этого и формирования у молодежи установок на гармоничную/партнерскую модель взаимоотношений между гражданским обществом и государством.

Во-вторых, нахождение таких традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как «справедливость», «достоинство», «гуманизм и милосердие», «историческая память», «патриотизм» в структурном резерве ценностной системы молодежи, получающей педагогическое образование, свидетельствует об их динамичном характере. Это значит, что данные приоритеты при определенных условиях могут переместиться в ядро ценностной системы или вовсе стать элементом периферии. Для того чтобы историческая память и патриотизм стали лично значимыми для будущих педагогов, необходимо целенаправленное социализационное воздействие всех акторов, участвующих в этом процессе.

Обращает на себя внимание также то, что в ядре ценностных предпочтений исследуемой молодежи находятся преимущественно микросоциальные ценности, тогда как макросоциальные ценности терминального характера (терминология М. Рокича), т.е. декларируемые ценности-цели, находятся в явном дефиците.

В-третьих, на периферии ценностной системы молодежи, получающей педагогическое образование, оказались многие инструментальные ценности (ценности-средства / способы деятельности), в частности «служение Отечеству», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным». То есть мы зафиксировали конфликт между рядом значимых ценностей в сознании респондентов:

- стремление к «развитию» не дополняется ценностью «созидательного труда»;
- «взаимопомощь и взаимоуважение» стоят особняком от «коллективизма»;
- «патриотизм» не подкреплен «служением Отечеству».

Это является ярким подтверждением долгого отсутствия четкой системы координат, мировоззренческого фокуса в реализации задач национальной системы образования и воспитания, разрозненности усилий институтов образова-

Таблица 1 / Table 1

Какие из перечисленных ценностей вы считаете значимыми лично для вас? (распределение по полу, закрытый вопрос, не более 5 вариантов ответов, % от опрошенных) / Which of the listed values do you consider significant for you personally? (gender distribution, closed question, no more than 5 possible answers, % of respondents)

Ценности / пол	Муж-ской	Жен-ский
Жизнь	73%	80%
Достоинство	54%	49%
Права и свободы человека	64%	70%
Патриотизм	35%	33%
Гражданственность	25%	19%
Служение Отечеству	22%	16%
Историческая память	32%	36%
Преемственность поколений	25%	25%
Единство народов России	29%	21%
Крепкая семья	58%	69%
Созидательный труд	22%	18%
Приоритет духовного над материальным	20%	19%
Красота природы и искусства	29%	43%
Развитие	55%	67%
Творчество	45%	52%
Познание	37%	42%
Гуманизм и милосердие	34%	37%
Индивидуализм	32%	32%
Справедливость	53%	54%
Коллективизм	20%	17%
Взаимопомощь и взаимоуважение	54%	60%
Другое	1%	1%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

тельной, молодежной, информационной политики в стране.

Необходимо также отметить, что периферийные компоненты ценностной системы, как правило, но-

Таблица 2 / Table 2

Какие из перечисленных ценностей вы считаете значимыми лично для вас? (распределение по возрасту, закрытый вопрос, не более 5 вариантов ответов, % от опрошенных) / Which of the listed values do you consider significant for you personally? (age distribution, closed question, no more than 5 possible answers, % of respondents)

Ценности / Возраст	14–17	18–23	24–29	30–35
Жизнь	76%	78%	72%	87%
Достоинство	46%	54%	50%	54%
Права и свободы человека	68%	70%	65%	66%
Патриотизм	31%	30%	33%	46%
Гражданственность	17%	21%	24%	24%
Служение Отечеству	19%	18%	16%	18%
Историческая память	30%	34%	32%	46%
Преемственность поколений	15%	20%	27%	52%
Единство народов России	23%	25%	22%	23%
Крепкая семья	59%	64%	68%	77%
Созидательный труд	14%	19%	24%	26%
Приоритет духовного над материальным	16%	22%	20%	22%
Красота природы и искусства	35%	42%	39%	40%
Развитие	64%	64%	66%	60%
Творчество	49%	52%	46%	50%
Познание	40%	36%	43%	48%
Гуманизм и милосердие	32%	38%	33%	46%
Индивидуализм	35%	32%	31%	26%
Справедливость	54%	58%	49%	49%
Коллективизм	23%	15%	16%	13%
Взаимопомощь и взаимоуважение	58%	55%	58%	64%
Другое	1%	1%	1%	0%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

сят дезинтегративный характер. Это означает, что в сознании молодежи не сформирована положительная коннотация в отношении таких категорий, как «гражданственность». То есть большинство будущих педагогов не имеют четкого представления и личной сопричастности в отношении того, как быть гражданином, как проявлять свою гражданственность. Какими будут их ученики и воспитанники?

Анализ зависимостей выбора вариантов ответа от социально-демографического портрета респондентов позволил выявить следующие особенности:

- респонденты женского пола более, чем респонденты мужского пола, ориентированы на такие ценности, как «жизнь», «права и свободы человека», «крепкая семья», «развитие», «взаимопомощь и взаимоуважение»;
- респонденты мужского пола более, чем респонденты женского пола, ориентированы на такие ценности, как «единство народов России», «гражданственность», «достоинство» (табл. 1).

С точки зрения возрастной дифференциации заметны следующие особенности ценностных предпочтений респондентов:

Таблица 3 / Table 3

Какие из перечисленных ценностей вы считаете значимыми лично для вас? (распределение по федеральным округам, закрытый вопрос, не более 5 вариантов ответов, % от опрошенных) / Which of the listed values do you consider significant for you personally? (distribution by federal districts, closed question, no more than 5 possible answers, % of respondents)

Ценности	Федеральные округа								
	ЦФО	ПФО	СЗФО	УФО	СФО	ЮФО	СКФО	ДФО	НТ РФ
Жизнь	78%	83%	73%	74%	82%	79%	67%	64%	88%
Достоинство	56%	54%	57%	44%	42%	40%	54%	44%	44%
Права и свободы человека	69%	73%	79%	61%	60%	62%	64%	68%	68%
Патриотизм	35%	37%	22%	39%	27%	24%	48%	42%	24%
Гражданственность	21%	21%	20%	28%	20%	11%	24%	28%	18%
Служение Отечеству	23%	19%	13%	29%	15%	8%	19%	12%	14%
Историческая память	37%	36%	33%	31%	26%	29%	51%	32%	36%
Преемственность поколений	28%	22%	32%	29%	32%	16%	32%	14%	12%
Единство народов России	25%	29%	21%	26%	17%	16%	33%	20%	20%
Крепкая семья	65%	74%	56%	58%	63%	62%	73%	62%	66%
Созидательный труд	17%	23%	22%	25%	30%	8%	22%	10%	14%
Приоритет духовного над материальным	21%	15%	24%	28%	21%	16%	27%	6%	14%
Красота природы и искусства	46%	44%	39%	35%	25%	36%	33%	28%	38%
Развитие	66%	71%	67%	63%	47%	62%	70%	56%	58%
Творчество	54%	54%	50%	51%	40%	47%	54%	40%	44%
Познание	46%	43%	37%	43%	35%	43%	43%	24%	34%
Гуманизм и милосердие	42%	37%	42%	33%	32%	33%	38%	18%	36%
Индивидуализм	36%	32%	32%	32%	26%	34%	35%	16%	30%
Справедливость	55%	59%	59%	49%	52%	41%	60%	54%	48%
Коллективизм	19%	25%	13%	21%	14%	11%	21%	16%	10%
Взаимопомощь и взаимоуважение	59%	60%	65%	51%	61%	53%	64%	46%	58%
Другое	2%	1%	0%	3%	0%	1%	0%	0%	0%

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

- чем старше респонденты (группа 30–35 лет), тем больше выражена ориентация на такие ценности, как «жизнь», «патриотизм», «историческая память», «преемственность поколений», «крепкая семья», «гуманизм и милосердие», «взаимопомощь и взаимоуважение», «созидательный труд»;
- чем младше респонденты (группа 14–17 лет), тем больше выражена ориентация на «индиви-

дуализм» (каждый третий в группе) и «коллективизм» (каждый пятый в группе);

- студенческая молодежь (группа 18–23 года) актуализирует приоритетность ценностей «права и свободы человека» и «справедливость»;
- поствузовская молодежь (группа 24–29 лет) актуализирует ориентацию на ценности «крепкая семья», «развитие» (табл. 2).

Представленные данные свидетельствуют о крайней неоднородности ценностных предпочтений различных возрастных когорт и о предпосылках к еще большему увеличению дистанции между ними в будущем (кейс группы 14–17 лет).

Наиболее значимым является анализ результатов опроса в сопоставлении с территориальной принадлежностью респондентов. Акцентируем внимание на ценностях, сформированность которых также необходима российскому учителю, как и добротная предметная подготовка.

Наибольшее отклонение от среднего уровня актуальности ценности «патриотизм» продемонстрировали респонденты из СЗФО, ЮФО и территорий, освобожденных в ходе СВО РФ на Украине; «гражданственность» — ЮФО; «служение Отечеству» — ЮФО, ДВФО, СЗФО; «историческая память» — СФО; «созидательный труд» — ЮФО, ДВФО (табл. 3).

Зафиксированные данные, с одной стороны, демонстрируют проблемное поле оптимизации подготовки будущих педагогов, а с другой — отражают необходимость возвращения к системному формированию мировоззрения учителя будущего — гражданина и патриота — своим примером и трудом прививающего новым поколениям приверженность традиционным российским духовно-нравственным ценностям и готовность в случае необходимости встать на их защиту.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Молодежь, получающая образование в психолого-педагогических классах и в педагогических ссузах и вузах, демонстрирует доминирование

микро-социального ценностного профиля, что вкупе с непониманием и неприятием ценности гражданственности диссонирует с социальным и профессиональным наполнением профессии педагога.

2. В результате исследования выявлены основные линии размежевания между различными группами молодежи: молодые люди демонстрируют более выраженную ориентацию на макросоциальные ценности, чем девушки; у группы 30–35 лет более, чем у других возрастных когорт, выражена ориентация на такие ценности, как «патриотизм», «историческая память», «преемственность поколений», «созидательный труд».

3. Определенный дефицит в сформированности ряда традиционных российских духовно-нравственных ценностей у опрошенной молодежи зафиксирован в таких федеральных округах, как СЗФО, ЮФО, СФО, ДВФО.

4. Обнаружены конфликты между рядом значимых ценностей в сознании респондентов:

- стремление к «развитию» не дополняется ценностью «созидательного труда»;
- «взаимопомощь и взаимоуважение» стоит особняком от «коллективизма»;
- «патриотизм» не подкреплен «служением Отечеству».

5. Учитывая полученные в ходе исследования результаты, необходимо преодолевать негативные эффекты долгого отсутствия четкой системы координат, мировоззренческого фокуса в реализации задач национальной системы образования и воспитания, разрозненности усилий институтов образовательной, молодежной, информационной политики в РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. Т. 1. М.: Педагогика; 1982.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика; 1983.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ; 1981.
4. Леонтьев А.Н. Психология образа. *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*. 1979;(2):3–13.
5. Узнадзе Д.Н. Общая психология. М.: Смысл; СПб.: Питер; 2004.
6. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР; 1961.
7. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука; 1979.
8. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян. *Социс*. 1996;(5):3–23.
9. Горшков М.К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян. *Гуманитарий Юга России*. 2022;(6):32–47.
10. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия; 1998. 352 с.
11. Rokeach M. *Nature of Human Values*. N.Y.; L.: Free Press; 1973. 438 p.
12. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. 1992;(25):1–65.

13. Inglehart R., Welzel Ch. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 2010;8(2):551–567.
14. Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Образы настоящего и будущего россиян в политическом сознании ее граждан. *Общественные науки и современность*. 2022;(6):45–61.
15. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022;(65):278–287.
16. Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки. *Научный результат. Социология и управление*. 2022;8(3):47–60.
17. Смутькина Н.В., Рогач Н.Н. Психологическое состояние россиян разного возраста: политико-психологический анализ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):138–147.
18. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Большие данные в исследованиях политических процессов. М.: МПГУ; 2018. 86 с.
19. Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Синяков А.В. Формирование цифрового гражданства в школе: результаты социологического исследования в Ставропольском крае. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2022;(2):61–70.
20. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Zernov V. A., Lobanova E. V., Likhacheva E. V., Mizin N. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Rudenko M. Y. Cardiometric assessment of the subjective significance of personal strategic goals as components of the image of the desired future. *Cardiometry*. 2022;(24):159–164.
21. Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном обществе. *Вестник Института социологии*. 2022;13(2):31–47.
22. Пырма Р.В. Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России. *Власть*. 2020;28(6):46–54.
23. Домбровская А.Ю., Огнев А.С., Давыдова М.А., Кащенко Т.Л. Технологии и приемы ценностного воздействия на российских пользователей в региональных сетях социального недовольства. *Власть*. 2022;30(4):37–42.
24. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнева Н.А. Проблемы и пути внедрения песочного игрового моделирования в систему современного высшего образования. М.: Спутник+; 2022.
25. Огнев А.С., Николаева Л.П., Лихачева Э.В. Использование элементов проективных рисуночных тестов в окулометрической психодиагностике. *Человеческий капитал*. 2022;10(166):116–124.
26. Zernov V. A., Lobanova E. V., Likhacheva E. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Ogneva N. A., Rudenko M. Yu. The use of cardiometry in development of self-control skills by means of game sand modeling. *Cardiometry*. 2022;(22):95–99.
27. Склярова Н.Ю. Информационная кампания против современной молодежи: проблемы, риски. *ВНЕшкольник*. 2020;1(193):17–20.
28. Склярова Н.Ю. Образовательная логистика как механизм оптимизации работы центров довузовской подготовки (тезисы). Сборник трудов Всероссийской молодежной конференции «Развитие студенческих научных обществ и молодежных инновационных центров для решения задач регионального социально-экономического развития». Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета; 2018.
29. Склярова Н.Ю. Проблемы освоения федерального компонента государственного стандарта общего образования. Ростов-на-Дону: ООП ОблЦТТУ; 2017.
30. Шаповалов В.Л., Никулин Е.Р., Хардинова А.С Трансформация и возрастная дифференциация ценностно-идеологической ориентации и поведенческих сценариев российской молодежи. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2022;(1):58–72.
31. Белоусова О.И., Горохов С.А., Луцкая Е.Е. Особенности системы общего образования Сибирского федерального округа. *Наука и школа*. 2022;(5):44–58.
32. Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Формы участия российской молодежи в политических и электоральных процессах. *Избирательное законодательство и практика*. 2022;(1):18–22.
33. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in *Political Science: The State of the Discipline*. New York: Norton; 2002.
34. Steinmo S. What is Historical Institutionalism? Approaches and methodologies in the social sciences: A pluralist perspective. New York: Cambridge University Press; 2008.
35. Schütz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press; 1973.

36. Шюц А. О множестве реальностей. *Социологическое обозрение*. 2003;3(2):3–34.
37. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян. *Социс*. 1996;(5):3–23.

REFERENCES

1. Vygotsky L.S. The historical meaning of the psychological crisis. Vol. 1. Moscow: Pedagogika; 1982. (In Russ.).
2. Vygotsky L.S. *Sobr. op.*: in 6 volumes. Moscow: Pedagogika; 1983. (In Russ.).
3. Leontiev A.N. Problems of the development of the psyche. Moscow: MGU; 1981. (In Russ.).
4. Leontiev A.N. Psychology of the image. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psihologiya = Bulletin of Moscow State University. Series 14. Psychology*. 1979;(2):3–13. (In Russ.).
5. Uznadze D.N. General Psychology. Moscow: Sense; St. Petersburg: St. Petersburg; 2004. (In Russ.).
6. Uznadze D.N. Experimental foundations of psychology of installation. Tbilisi: Izdatel'stvo Akademii nauk Gruzinskoj SSR; 1961. (In Russ.).
7. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual. Leningrad: Nauka; 1979. (In Russ.).
8. Lapin N.I. Modernization of the basic values of Russians. *Socis*. 1996;(5):3–23. (In Russ.).
9. Gorshkov M.K. Social justice in the mass perception and value orientations of Russians. *Gumanitarnij YUga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022;(6):32–47. (In Russ.).
10. Klakhon K. A mirror for a person. Introduction to Anthropology. St. Petersburg: Evraziya; 1998. 352 p. (In Russ.).
11. Rokeach M. Nature of Human Values. N.Y.; L.: Free Press; 1973. 438 p.
12. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. 1992;(25):1–65.
13. Inglehart R., Welzel Ch. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*. 2010;8(2):551–567.
14. Shestopal E.B., Rogach N.N. Images of the present and future of Russians in the political consciousness of its citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2022;(6):45–61. (In Russ.).
15. Evgenieva T.V., Selezneva A.V. Moral and political in the representations of Russian youth in the context of their socio-political self-identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2022;(65):278–287. (In Russ.).
16. Selezneva A.V. Political morality of modern Russian youth: values, ideas, attitudes. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and Management*. 2022;8(3):47–60. (In Russ.).
17. Smul'kina N.V., Rogach N.N. The psychological state of Russians of different ages: a political and psychological analysis. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):138–147. (In Russ.).
18. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu. Big data in research of political processes. Moscow: MPSU; 2018. 86 p. (In Russ.).
19. Brodovskaya E.V., Lukushin V.A., Sinyakov A.V. Formation of digital citizenship at school: results of a sociological study in the Stavropol Territory. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2022;(2):61–70. (In Russ.).
20. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Y., Zernov V.A., Lobanova E. V., Likhacheva E. V., Mizin N. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Rudenko M. Y. Cardiometric assessment of the subjective significance of personal strategic goals as components of the image of the desired future. *Cardiometry*. 2022;(24):159–164.
21. Parma R. V. Civil activity of generations in modern society. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(2):31–47. (In Russ.).
22. Pyrma R. V. Factors of formation of attitudes and strategies of civic activism among the youth of Russia. *Vlast' = Power*. 2020;28(6):46–54. (In Russ.).
23. Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S., Davydova M. A., Kashchenko T. L. Technologies and techniques of value impact on Russian users in regional networks of social discontent. *Vlast' = Power*. 2022;30(4):37–42. (In Russ.).
24. Ognev A. S., Likhacheva E. V., Nikolaeva L. P., Ogneva N. A. Problems and ways of introducing sand game modeling into the system of modern higher education. Moscow: Sputnik+; 2022.
25. Ognev A. S., Nikolaeva L. P., Likhacheva E. V. The use of elements of projective drawing tests in oculometric psychodiagnostics. *Chelovecheskij kapital = Human capital*. 2022;10(166):116–124. (In Russ.).
26. Zernov V. A., Lobanova E. V., Likhacheva E. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S., Ogneva N. A., Rudenko M. Yu. The use of cardiometry in development of self-control skills by means of game sand modeling. *Cardiometry*. 2022;(22):95–99. (In Russ.).

27. Sklyarova N. Yu. Information campaign against modern youth: problems, risks. *VNEshkol'nik*. 2020;1(193):17–20. (In Russ.).
28. Sklyarova N. Yu. Educational logistics as a mechanism for optimizing the work of pre-university training centers (theses). Proceedings of the All-Russian Youth Conference “Development of student scientific societies and youth innovation centers for solving problems of regional socio-economic development”. Rostov-on-Don: YUzhnyj federal'nyj universitet; 2018. (In Russ.).
29. Sklyarova N. Yu. Problems of mastering the federal component of the state standard of general education. Rostov-on-Don: OOP OBLTSTTU; 2017. (In Russ.).
30. Shapovalov V.L., Nikulin E.R., Hardikova A.S. Transformation and age differentiation of value-ideological orientation and behavioral scenarios of Russian youth. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities*. 2022;(1):58–72. (In Russ.).
31. Belousova O.I., Gorokhov S.A., Lutskeya E.E. Special features of the general education system of the Siberian Federal District. *Nauka i shkola = Science and school*. 2022;(5):44–58. (In Russ.).
32. Tyukov N.A., Shapovalov V.L. Forms of participation of Russian youth in political and electoral processes. *Izbratel'noe zakonodatel'stvo i praktika = Electoral legislation and practice*. 2022;(1):18–22. (In Russ.).
33. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in *Political Science: The State of the Discipline*. New York: Norton; 2002.
34. Steinmo S. What is Historical Institutionalism? Approaches and methodologies in the social sciences: A pluralist perspective. New York: Cambridge University Press; 2008.
35. Schütz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press; 1973.
36. Schutz A. About a multitude of realities. *Sociologicheskoe obozrenie = The Sociological Review*. 2003;3(2):3–34. (In Russ.).
37. Lapin N.I. Modernization of the basic values of Russians. *Socis*. 1996;(5):3–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Юрьевна Складорова — кандидат педагогических наук, первый проректор, директор Всероссийского научно-методического центра «Философия образования», Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Natalia Yu. Sklyarova — Cand. Sci. (Pedagogy), First Vice-Rector, Director of the All-Russian Scientific and Methodological Center “Philosophy of Education”, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>
nu.sklyarova@mpgu.su

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, методолог Всероссийского научно-методического центра «Философия образования», Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena V. Brodovskaya — Dr. Sci. (Politics), Methodologist of the All-Russian Scientific and Methodological Center “Philosophy of Education”, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; Chief Researcher of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
EVBrodovskaya@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 06.08.2023; accepted for publication on 25.08.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-17-21
УДК 32.019.5(045)

Концептуально-идейные факторы качества современной государственной политики

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме влияния востребованных в современных обществах идеологических, концептуальных и идейных факторов на качество государственной политики. Соотношение данных факторов и тех, что учитываются в различных количественных методологиях — важная составляющая дебатов о сущности современных государств, политических режимов, демократизации и модернизации. Политическая эволюция обществ невозможна без концептуально-идейных факторов, соответственно, перспективные подходы и методики оценки качества государственного управления будут зависеть от ценностных определений, лежащих в основе понимания желательности или нежелательности конкретных управленческих шагов. Примером противоречий, которые возникают в процессе влияния концептуальных факторов на эффективность государственного управления, являются споры вокруг ESG (экология, социальная политика и корпоративное управление), сами по себе отражающие кризис популярной концепции политического управления (governance). Рост социальных запросов на базе «модных» леволиберальных трактовок прав человека и гражданского общества, с одной стороны, формирует траекторию развития государственного управления во многих современных странах, а с другой — может приводить к «перегрузке государства», что отталкивает от подобного подхода все большее количество государств незападного типа.

Ключевые слова: государственная политика; качество управления; политическое управление; идеология

Для цитирования: Митрахович С.П. Концептуально-идейные факторы качества современной государственной политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):17-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-17-21

ORIGINAL PAPER

Conceptual and Ideological Factors of the Modern Public Policy Quality

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the issue of ideological and conceptual factors which exert significant influence on the quality of the state policy in modern societies. The ratio of these factors and those taken into account in various quantitative methodologies is currently an integral part of the discussions concerning modern states, political regimes, democratization and modernization. The political evolution of societies is impossible without conceptual and ideological factors. This means that approaches and methods for assessing the quality of public administration will depend on the value definitions which underlying the understanding of the desirability or undesirability of specific management steps. An example of the contradictions that arise in the process of the influence exerted on the effectiveness of public administration by conceptual factors is the debate around ESG, which itself reflects the crisis of the popular concept of “governance.” The growth of social requests based on “trendy” left-liberal interpretations of human rights and civil society, on the one hand, forms the trajectory for the development of public administration in many modern countries, but, on the other hand, the same request can lead to “overwhelming of the state,” which repels an increasing number of non-Western states from this approach.

Keywords: public policy; quality of management; governance; ideology

For citation: Mitrakhovich S.P. Conceptual and ideological factors of the modern public policy quality. *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):17-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-17-21

Качество управления давно является одной из ключевых тем для социальных наук в силу своего очевидного прикладного значения, способности улучшить данный процесс на различных уровнях — от менеджмента фирмы или конкретной отрасли экономики национального государства до политического процесса международной интеграции или даже решения глобальных задач мирового сообщества. При этом управление в больших системах и при участии принудительных механизмов государства неизбежно становится производным от ценностной картины мира людей, принимающих решения — представителей политического класса.

За последние десятилетия появилось большое количество разнообразных количественных методологий, касающихся изучения качества государственного (и политического) управления и факторов подключения к социально-политическим процессам достаточно влиятельных негосударственных игроков [1]. Существенное внимание уделяется вопросам восприятия бизнесом коррупции, населением — качества бюрократических сервисов, бюджетных и медицинских услуг; а также базовым социально-экономическим данным, вроде продолжительности жизни и распространения ряда заболеваний [2].

Однако формализованные оценки, хотя и упрощают сравнение стран и/или периодов их развития, не всегда дают возможность адекватно прогнозировать развитие управленческих процессов как части политической эволюции обществ. Не говоря уже о том, что наиболее раскрученные рейтинги качества госуправления (получившие признание на уровне авторитетных международных организаций и проникшие даже в государственные программы развития ряда стран) на практике могут оказаться формой манипуляции общественным мнением или даже прямым подлогом. Так, в августе 2020 г. Всемирный банк принял решение о приостановлении публикации своего знаменитого рейтинга *Doing Business* о сравнительном качестве государственных регуляторных услуг в различных странах мира. Позже он обнародовал результаты внутреннего расследования, согласно которому топ-управленцы оказывали на исполнительных сотрудников давление, чтобы те завышали места в рейтинге конкретных стран.

Идеологические (идейные) факторы определяют векторы развития государств и международных сообществ. В этом смысле картина мира в сознании принимающих решение людей и количественно

измеряемые параметры, к которым необходимо стремиться, будут весьма разными. Например, без конкретной идеологической базы относительно того, какие признаки успешного социального развития (social) существуют, сложно продвигать концепции вроде ESG. Даже для элиты и публичного дискурса конкретного государства трактовки успеха социального развития могут быть разными — например, в США популярны дискуссии на тему соотношения успехов различных социальных групп для пользы всего общества. Важность разнообразия любой ценой (diversity) неизбежно вступает в противоречие с теми же классическими принципами меритократии, казалось бы, заложенными в базовые представления западных обществ об эффективном государстве и эффективных элитах. Социальный же успех за пределами Запада, на «глобальном Юге», может пониматься совсем в ином ключе и не измеряться общепринятыми единицами.

История с ESG, и в том числе относительное снижение популярности этой концепции в 2021–2023 гг. (когда в число ее публичных и открытых критиков вошел, например, «визионер» Илон Маск), доказывает, сколь велика роль интеллектуально-политических групп, подконтрольных им каналов коммуникаций, да и отдельных знаковых персоналий для формулировок и продвижения идейных базисов для теорий государственного и политического управления. Контролирующие «гуманитарные высоты» и коммуникативные каналы группы вполне могут навязать другой части общества «идейные решения» по интерпретации базовых задач и критериев социального успеха, которого необходимо добиваться. Причем, чем более «постматериальными» и ценностно ориентированными становятся современные общества (парадигма Р. Инглхарта [3]), тем важнее вопросы контроля над центрами создания и продвижения идейных конструкций.

Идейное поле политических и обществоведческих дискуссий в последние годы фокусируется вокруг понятия «governance», то есть сложного управления (или политического/общего управления), когда государственные и негосударственные институты соединены не только и не столько иерархическими отношениями, сколько сотрудничеством, со-управлением, сетевыми структурами с минимизацией при этом механизмов прямого давления и принуждения [4]. Концепция стала настолько популярной, что даже попала в документы ООН, Европейского союза и иных организаций.

По одной из версий, данный тип управления был способом преодоления кризиса легитимно-

сти западных обществ 1970-х гг., описанного еще в классических работах Ю. Хабермаса (противоречия растущих социальных запросов различных слоев общества). При этом на Западе также наблюдался кризис перегрузки (overload) государственных управленческих структур — из-за расширения количества и качества социальных запросов (welfare state, меньшинства, политика идентичностей и т.д.) при формальной готовности политиков «слышать все голоса общества» [5]. Акцентирование групповых идентичностей порождало излишне амбициозные запросы (которые зачастую противоречили друг другу) к государству и к государственному управлению.

Governance как политическое управление и его специфические формы теоретически должны помочь преодолеть кризисные явления, наблюдаемые с 1970-х гг., и ответить на новые вызовы, включая технологический прогресс, цифровизацию, новые социальные расколы и многочисленные конфликты по вопросу идентичностей. Одной из популярных политических формул стала так называемая концепция good governance, в основном применявшаяся к переходным обществам с конца 1980-х гг. и подразумевавшая эффективное использование государственных ресурсов (прежде всего — за счет сокращения «необоснованных» трат), предотвращение использования государственной принудительной силы не по назначению, соблюдение норм правового государства (rule of law).

При этом вся философия good governance предполагает, что суть государственного управления заключается именно в удовлетворении социальных запросов групп общества, но именно всех, а не отдельно взятых (и не только привилегированных). Остается вопрос: какие именно группы должны считаться привилегированными, а какие «недопредставленными» на политическом и социальном уровне? В получившей распространение интерпретации Ф. Фукуямы good governance должно быть «сильным», в том смысле, что оно компетентно осуществляет свои функции, не перегружая бюрократов дополнительными деятельными обязанностями, не подталкивая их к реализации дополнительных мер контроля, а со стороны общества такое государство пользуется доверием [6]. Также часто упоминается такое обязательное качество политико-управленческих институтов при good governance, как беспристрастность (impartiality), т.е. способность реализовывать регуляторные практики по отношению к социальным группам и инди-

видам без предубеждения или ангажированности какими-либо партикулярными интересами.

Концепция good governance, признанная ООН и взятая на вооружение Международным валютным фондом (МВФ), в реальности довольно быстро стала инструментом проведения определенных идеологических тезисов, а не только технократически понимаемых критериев. МВФ на рубеже XX–XXI вв. объяснял свои отказы от шагов навстречу некоторым правительствам зачастую именно «неспособностью» последних соблюдать критерии good governance. При этом политически союзные Западу режимы могли получать помощь через МВФ, несмотря на нередко вопиющее несоблюдение консенсуса между социальными группами и то, что они не учитывают позиции всех стейкхолдеров и т.д. (яркий пример — Украина, где пророссийские политические, социальные и медийные группы сознательно ограничивались, если не подавлялись).

Good governance предполагает, что, если институты бизнеса и гражданского общества вовлечены в большой политико-управленческий процесс, то должна присутствовать широко понимаемая ответственность (accountability) со стороны данных формально негосударственных институтов (по факту же связанных с государством в одну систему). В рамках теорий гражданского общества это дает интересное сочетание L- и M-парадигм (в первой гражданское общество не противопоставляется государству, а во второй — противопоставляется, good governance же, хотя и отводит свои партикулярные роли институтам гражданского общества, но фактически «нагружает» их общегосударственной значимостью). В перспективе подобный феномен создает комплекс теоретических и практических проблем — насколько ответственными перед всем обществом и его интересами являются, например, ключевые технологические компании (от продуктов и платформ которых в буквальном смысле слова зависит повседневная жизнь всех граждан) или якобы авторитетные экологические или правозащитные организации.

Часть исследователей при этом стали признавать, что концепция good governance была слишком «заточена» именно на западные стандарты, попытки навязать которые иным культурам наткнулись на их существенные, имманентные отличия от западных моделей. В данном подходе используются методы политической антропологии для выделения особенностей корневой, культурной системы обществ, которые имеют свои собственные представления о том, что есть «консенсус» или «учет

мнения всех сторон», и как раз через политическую антропологию демонстрируются ограничения концепции good governance [7]. Подобный подход и в академической, и, собственно, в политической среде можно назвать «культурным» («культурной теорией») в противовес универсалистским моделям. В последние годы в ряде стран, в том числе в России, активно звучат предложения и проходят дискуссии по «национализации» интеллектуальной жизни — политической [8], а также, например, в сфере образования [9] и т.д., что можно считать ответвлением «культурного подхода».

Концепция governance имеет и иные ответвления, ставшие довольно многочисленными (hybrid governance, public governance, co-governance, asymmetric governance, participatory governance*). Все они претендуют на построение различных идейно-технических схем, которые могли бы более точно или более оптимально описать желаемые системы соуправления государственных и негосударственных институтов. Часть из них предлагает также свою интерпретацию и развитие «теории элит», особенно в контексте концепции «политического класса», отходящей от привычных для второй половины XX в. меритократических концепций вроде «менеджериальной революции» или постиндустрализма. В меритократии легче измерить «право на занятие должности», есть четко измеряемые кейсы вроде успешного или неуспешного исполнения контактов — а в governance и в концепции «политического класса» зачастую

проводится мысль о принадлежности (либо желаемой принадлежности) к управленческому классу более широкого круга лиц. В число последних могут попасть ставшие заметными на фоне цифровизации и новых поворотов массовой политики социальные активисты, блоггеры, зачастую даже «самопровозглашенные лидеры общественного мнения», которые по старым меритократическим критериям были бы отрезаны от управления на уровне общества. Новые «немеритократические» интерпретации при этом считаются их авторами более экономически прогрессивными и демократичными.

Подводя итоги, отметим, что инклюзивность как черта governance и сходных теорий, выдается за способность ускорить экономический рост, поскольку — в теории — не должно быть отдаленных от экономического успеха страны групп, а этому как раз способствует большая управляемость публичной политики. Для демократической же теории и практики новые концепции, вроде бы, являются продолжением полиархии, где место части бюрократических групп занимают «коллективистски-демократические» [10] формы организации вроде кооперативов наемных рабочих, групп взаимопомощи, коммунальные и муниципальные инициативы, а также международные проекты (по миграции, гендерным вопросам, климату и иным «модным» темам). Правда, в подобной организации полиархии возникают проблемы с согласованием интересов слишком большого числа групп, каждая из которых претендует на индивидуальность и особые гарантии для инклюзии.

* Гибридное управление, государственное управление, совместное управление, асимметричное управление.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

ACKNOWLEDGMENTS

The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клименко А.В., Ларионов А.В., Минченко О.С. Сфера государственного управления и ее основные характеристики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 44 с.
2. Добролюбова Е.И. Оценка качества государственного управления в России и других крупных экономиках мира. *Государственная служба*. 2021;(1):19–27.
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Пер. с англ. М.: Мысль; 2018. 347 с.
4. Михайлова О.В. Концепция «Governance»: политические сети в современном государственном управлении. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2009;(2):40–58.

5. King A. Overload: Problems of Governing in the 1970s. *Political Studies*. 1975;(23):284–296.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак»; 2004. 730 с.
7. Poluha E., Rosendahl M. Contesting 'good' governance: crosscultural perspectives on representation, accountability and public space. Routledge: Psychology Press; 2002. 276 p.
8. Шатилов А. Б. Российская политология: настало время модернизации и национализации? *Власть*. 2022;(4):9–14. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9116>
9. Петросянц Д. В., Митрахович С. П. Коллаборации в современной науке: курс на автаркию? *Власть*. 2021;(6):38–41. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8675>
10. Rothschild J. The Logic of a Co-Operative Economy and Democracy 2.0: Recovering the Possibilities for Autonomy, Creativity, Solidarity, and Common Purpose. *The Sociological Quarterly*. 2016;57(1):7–35.

REFERENCES

1. Klimenko A.V., Larionov A.V., Minchenko O.S. The sphere of public administration and its main characteristics. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki; 2021. 44 p. (In Russ.).
2. Dobrolyubova E.I. Assessing the quality of public administration in Russia and other major economies of the world. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*. 2021;(1):19–27. (In Russ.).
3. Inglehart R. Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world. Transl. from English. Moscow: Thought; 2018. 347 p. (In Russ.).
4. Mikhailova O.V. The concept of "Governance": political networks in modern public administration. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of Moscow University. Episode 21: Governance (state and society)*. 2009;(2):40–58. (In Russ.).
5. King A. Overload: Problems of Governing in the 1970s. *Political Studies*. 1975;(23):284–296.
6. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity: Trans. from English. Moscow: ООО "Izdatel'stvo АСТ": ЗАО НПП "Ермак"; 2004. 730 p. (In Russ.).
7. Poluha E., Rosendahl M. Contesting 'good' governance: cross-cultural perspectives on representation, accountability and public space. Routledge: Psychology Press; 2002. 276 p.
8. Shatilov A.B. Russian political science: is it time for modernization and nationalization? *Vlast' = Power*. 2022;(4):9–14. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9116> (In Russ.).
9. Petrosyants D.V., Mitrakhovich S.P. Collaborations in modern science: a course towards autarky? *Vlast' = Power*. 2021;(6):38–41. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8675>
10. Rothschild J. The Logic of a Co-Operative Economy and Democracy 2.0: Recovering the Possibilities for Autonomy, Creativity, Solidarity, and Common Purpose. *The Sociological Quarterly*. 2016;57(1):7–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior lecturer of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

spmitrahovich@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2023; принята к публикации 11.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2023; accepted for publication on 11.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-22-26
УДК 070(045)

Медиа в структуре метавселенных и контроль цифровой коммуникации

Т.Л. Каминская

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются попытки создания метавселенных и трансформация условий медиа и общества при стремительном переходе в цифровые форматы. Сегодня очевиден тренд на вовлечение правительств в цифровые медиакоммуникации при усилении регулирования цифровых платформ. Однако в мире усложняющегося медийного разнообразия и вовлечения все большего числа людей в создание цифрового контента контроль осуществлять все сложнее, а прогнозы социологов и футурологов в отношении опасностей для социума неутешительны. В статье автор попыталась определить факторы и охарактеризовать наиболее очевидные медийные практики коммуникативной трансформации; выделены медийные тренды в условиях создания метавселенных и перехода большинства социальных практик в цифровой мир. Обобщая анализ практик медиа, автор подчеркивает, что процесс создания цифровых экосистем и метавселенных — не технологический, а в первую очередь культурный, а курс на цифровые технологии меняет не только жизнь отдельного человека, но и политические системы.

Ключевые слова: метавселенная; медиа; технологическая сингулярность; медиаконтент; правительственный контроль; искусственный интеллект

Для цитирования: Каминская Т.Л. Медиа в структуре метавселенных и контроль цифровой коммуникации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):22-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-22-26

ORIGINAL PAPER

Media in the Structure of Metaverse and Control of Digital Communication

T.L. Kaminskaya

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the attempts to create metaverses and the transformation of the media existence conditions and society in terms of the rapid transition of everyday actions into digital formats. Today, there is an obvious trend towards involving governments in digital media communications while increasing regulation of digital platforms. However, in a world of growing media diversity and the involvement of an increasing number of people involved into creation of digital content, it is difficult to exercise control. Moreover, the forecasts of sociologists and futurologists regarding the dangers to society are disappointing. In the article, the author tried to identify the factors and characterize the most obvious media practices of communication transformation. The article identifies the media trends that appeared during the metaverses creation and transition of social practices to the digital world. Summarizing the analysis of media practices, content analysis of media publications on the topic of technological progress and statistical data, the author of the article emphasizes that the process of creating digital ecosystems and metaverses is not a technological process, but primarily a cultural one. In addition, enhancing digital technologies changes not only the life of an individual, but also political systems.

Keywords: metaverse; media; technological singularity; media content; government control; artificial intelligence

For citation: Kaminskaya T.L. Media in the structure of metaverse and control of digital communication. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):22-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-22-26

Три актора — крупный бизнес, правительства и медиа — стремятся стать лидерами в том, что касается создания, контроля и использования технологических платформ коммуникации и по всему миру.

В течение последних нескольких лет мы могли отследить встраивание правительственных коммуникаций в новые технологические платформы, а также неизбежный переход правительств к более строгому регулированию коммуникации технологических компаний. Большая часть дебатов в 2022 г. вокруг данного регулирования у противников контроля была связана с лоббированием корыстных интересов компаний, однако ситуация быстро продвигается на различных «фронтах», таких как: антимонопольное законодательство, конфиденциальность данных, безопасность и др. [1].

Даже в США, провозглашавших независимость технологических компаний, мнение о необходимости их регулирования укрепилось после штурма Капитолия (который был согласован посредством платформ Alt-tech¹) и обнародования бывшей сотрудницей Фейсбука (платформа признана экстремистской на территории России) в октябре 2021 г. внутренних документов компании, касающиеся фейков, политической пропаганды и экстремизма².

Дин Фрилон с коллегами еще в 2020 г. писал, что некоторые социальные медиа специально создаются для использования правыми сообществами и продвижения экстремистских инициатив. В мире, где социальные медиа имеют решающее значение для политического активизма, по утверждению ученых, идеологическая асимметрия между левым и правым активизмом имеет критические последствия для демократической практики, управления социальными сетями и междисциплинарного изучения цифровой политики [2]. Еще одной проблемой в онлайн-коммуникации стала всякого рода киберпреступность, что также требует новых подходов к регулированию digital-среды.

Правительство Китая, известное своей социальной регламентацией жизни граждан посредством

цифровых технологий, стремится максимально контролировать и бытовую коммуникацию в сетях. Пользователям китайской многофункциональной платформы WeChat (более 1,2 млн чел.), в которую встроен мессенджер, платежная система, социальная сеть, с 2014 г. законом запрещено писать что-либо о политике без разрешения правительства. Таким образом, контроль за цифровой коммуникацией в Китае осуществляется прежде всего с очерчиванием границ дозволенного, а их нарушение грозит не только блокировкой аккаунта, но и уголовной ответственностью. При этом интересно, что именно китайские разработки наиболее многонациональны и смогли привлечь огромное число пользователей по всему миру (включая создание бизнес-аккаунтов). Самыми популярными социальными медиа в КНР являются на сегодня Вэйсинь (Wechat), Синьлан Вейбо (XinLang Weibo) и Доуин (Douyin), а в качестве их общей специфической характеристики можно назвать высокую эффективность в распространении краткой информации среди очень большого числа пользователей. Вэйсинь (Wechat) исходит в своем развитии из трех принципов: цифровая стратегия, использование реакций пользователей и децентрализация.

Ко II кварталу 2022 г. WeChat охватила более 94% смартфонов в Китае (число активных пользователей составило 806 млн чел. в месяц), а также людей в более чем 200 странах, говорящих на 20 языках. Кроме того, общее количество публичных аккаунтов WeChat различных брендов превысило 8 млн докстанций мобильных приложений — 85 тыс., доход от рекламы вырос до 3,679 млрд юаней. Многие китайцы просто проживают жизнь на этой платформе: это и чат, и стена новостей от друзей и знакомых (по типу ВКонтакте), и оплата коммунальных услуг, покупка билетов в кино, пополнение баланса телефона и еще множество всяких функций (платформу можно назвать прообразом метавселенной).

Бизнес-сообщество по всему миру сегодня активно стремится к развитию собственных метавселенных для онлайн-взаимодействия субъектов и погружения их в виртуальный мир без отрыва от реального. Метавселенная предполагает, что в виртуальном мире, не отрываясь от коммуникации, можно заказать еду и одежду из мира реального, а взаимодействие с другими пользователями осуществляется посредством уникальных цифровых аватаров.

В октябре 2021 г. Марк Цукерберг объявил о ребрендинге Facebook, которая трансформировалась в Meta Platforms (признана экстремистской на тер-

¹ В 2022 г. газеты The New York Times и The Guardian описали перенасыщенный рынок такого рода платформ и стремление создать параллельную виртуальную реальность платформам-гигантам. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/18/business/trumps-truth-social.html>; <https://www.theguardian.com/us-news/2022/feb/20/trump-truth-social-app-fully-operational-march-devin-nunes>

² Как Фрэнсис Хауген показала миру темную сторону Facebook и попала в рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/448979-kak-frensis-haugen-pokazala-miru-temnuu-storonu-facebook-i-popala-v-rejting-forbes>

ритории России). Однако создать метавселенную у него не получилось: дальше всего, по оценке экспертов РБК, в этом направлении продвинулись ММО (массовые многопользовательские онлайн-игры, позволяющие виртуально объединять игроков)³. Сегодня в условных метавселенных игр (таких, как Roblox, Fortnite) бизнес может размещать рекламу, например, в виде своих брендированных пространств с использованием корпоративных цветов и логотипов.

Крупные компании и правительства периодически делают заявления о создании метавселенных и устройств для погружения в них. Так, в феврале 2022 г. правительство Южной Кореи сообщило о выделении 187 млн долл. на разработку метавселенной Expanded Virtual World, которая, как рассчитывают власти, будет способствовать процветанию бизнеса и промышленности в государстве⁴.

В Европе в последние два года открываются новые лаборатории по созданию метавселенных, бизнес активно вкладывается в эти проекты⁵. Отмечается, что на первом этапе в Европе появятся центры в шести городах, главная цель которых — помочь в создании легких устройств для повседневного ношения, погружающих пользователей в мир иммерсивных технологий.

Метавселенные, возможно, будут использоваться и как мягкая сила для продвижения культуры в другие страны и укрепления национальной идентичности. Так, Япония посредством медиатехнологий продвигает культуру аниме. Таким образом, сегодня очевидно, что метавселенная — это не только идея для развлечения, общения и маркетинга, но и возможный инструмент для управления и трансляции ценностей.

При этом эксперты на протяжении последних двух лет отмечают, что правительствам контролировать метавселенные будет еще сложнее, чем социальные сети⁶. Различные прогнозы в отношении роли коммуникативных технологий в будущем включают в себя аспект невозможности контроля

этих технологий, все большую их автономность от человека. Инвестор и аналитик Азим Ажар [3] (книга которого, по версии Financial Times, признана лучшей в 2021 г.) утверждает, что перемены затронут не только экономику, но и политические системы. Ажар обосновал понятие «экспонентный разрыв», который обозначает развитие технологий по экспоненте (а не линейным способом), в результате чего политические системы не могут за ними угнаться. На взгляд автора, технологии вовсе не нейтральны и не являются инструментами для удобства людей, поскольку созданы по подобию человека, — они воспроизводят ту расстановку сил, которая существует в обществе. Новые технологические продукты дешевеют и их начинают массово использовать (скорость распространения продукта неимоверно возросла, и этот процесс постоянно ускоряется). Считается, что основная неприятность от развития технологий — безработица, но Ажар утверждает, что самая большая опасность — это ухудшение положения работающих и тотальная слежка за их коммуникациями. И, действительно, опубликованные факты подтверждают эту тенденцию: отчет американской исследовательской и консалтинговой компании Gartner за 2018 г. показал, что половина из 239 крупных корпораций отслеживают содержание электронной почты и аккаунтов в социальных сетях своих сотрудников⁷. Также в книге развенчивается миф о глобализации коммуникации, поскольку рекомендательные сервисы в социальных сетях мотивируют людей обособливаться и создавать однородные группы. К обособлению людей мотивируют бренды и медиа, создавая из своей аудитории комьюнити.

Теория Курцвейлла [4], который еще в 2005 г. указал на экспоненциальный рост вычислительных мощностей, представляется Ажару верной. Американский изобретатель и футуролог Рэй Курцвейлл установил «дату сингулярности» — 2045 г. Технологическая сингулярность (technological singularity) — момент, когда технологии перестают быть управляемыми, а технологическое развитие становится необратимым — порождает радикальные изменения самого характера человеческой цивилизации.

На технологические трансформации коммуникации медиаменеджмент мира также реагирует по-своему. Так, его не могут не настораживать такие факты, что, например, у одноминутного обзора ми-

³ Рождение и смерть метавселенных: почему интерес к ним угас за 2 года. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6423e41f9a7947badecd0ec2>

⁴ South Korea to invest \$ 187M in national metaverse project. URL: <https://cointelegraph.com/news/south-korea-to-invest-187m-in-national-metaverse>

⁵ Qualcomm открыла в Европе лабораторию расширенной реальности для развития метавселенных. URL: <https://3dnews.ru/1059975/qualcomm-otkrila-v-evrope-laboratoriyu-rasshirennoy-realnosti>

⁶ URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-15/misinformation-has-already-made-its-way-to-facebook-s-metaverse>

⁷ The Future of Employee Monitoring. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/the-future-of-employee-monitoring>

ровых новостей в TikTok подписчиков больше (более 3 млн, чем у Washington Post и BBC вместе взятых). А также то, что блогеры-одиночки опережают профессиональные редакции в создании эксклюзивных интервью со знаменитостями и онлайн-трансляциях и собирают миллионы просмотров на своих онлайн-аккаунтах⁸. Медиакомпании всех стран заявляют, что они продолжают делать ставку на искусственный интеллект как способ предоставления аудитории все более персонализированной информации и повышения эффективности медиапроизводства.

Сегодня аудитория медиа — это не нечто стабильно-статичное, а скорее всего, заряженный ожиданиями, настроениями, ценностями потенциал, который нужно постоянно тонизировать. В последние годы сложился отчетливый тренд на развитие комьюнити вокруг СМИ (включая вакансии для позиций «комьюнити-менеджер для медиа»). При этом СМИ обращают внимание на личность самого журналиста, который должен быть социально значим в битве с блогерами за умы аудитории. Модели подписки на цифровой медиаконтент стали появляться во время пандемии. К 2022 г. у New York Times, например, было уже 8,4 млн подписок, из которых 7,6 млн — цифровые, что позволит компании достичь показателя 10 млн к 2025 г.

Различные популярные проекты по медиаграмотности⁹ утверждают, что медиаконвергенция и новые правила работы медиа с цифровыми сервисами и аудиторией — это больше культурный, чем технологический процесс: аудитория все активнее переходит к созданию собственного медиаконтента, распадается на группы, погружается в цифровизацию.

Интересен в этом плане возникший в 2022 г. стартап News Movement, «движение хороших новостей», охватывающий пользователей всего мира, которые «не хотят подписываться на негатив и мрак». Движение включает в себя TNM — новостной бренд, ориентированный на поколение Z (основанный в 2020 г.), а также приобретенный в 2023 г. видеосервис The Recount¹⁰, освещающий политику США.

Что касается политической медиакommunikации, то, несмотря на объявленную Томом Николсом в 2017 г. «смерть экспертизы» [5] в цифровом мире, ценность экспертного мнения в отношении политических процессов в условиях увеличивающийся

турбулентности мира повышается, о чем говорят, например, наши наблюдения за медиадискурсом информационного противоборства во время СВО. Именно в 2022–2023 гг. во всем мире увеличилось привлечение экспертов в медиа для комментирования политических событий и процессов. В ситуации информационной войны и политической нестабильности очевиден запрос общества на экспертное знание гуманитариев, удовлетворение которого осуществляется посредством медийных форматов известными личностями. Экспертные мнения по поводу происходящего становятся инфоповодом, занимают в заголовках и лидах сильную позицию, а правительственные структуры создают национальные рейтинги экспертных медийных каналов.

Что касается связанных с этим медийных трендов, то здесь важны две вещи: 1) за онлайн-контент надо платить; 2) журналисты должны себя вести как социально влиятельные лица, поскольку они выстраивают отношения и создают сообщества. Эти тренды воплощаются в новых платформах, например Sudstack [6], которая в ноябре 2021 г. объявила, что у нее 1 млн платных подписчиков. Подобные платформы дают возможность журналистам, блогерам и писателям зарабатывать огромные суммы на рассылке новостей. Уже в 2020 г. многие популярные журналисты ведущих англоязычных медиа бросили работу в редакциях, чтобы зарабатывать таким образом. В ответ на это New York Times и Forbes предложили работающим у них журналистам делать платные рассылки на основе редакционных публикаций. Здесь уместно еще раз вспомнить пророчество Ажара про наемных работников, число которых в ближайшие годы должно сокращаться по экспоненте (массовый переход на самозанятость и удаленный формат). Сегодня тенденцию к гибридной и удаленной работе мы можем наблюдать не только в редакциях, (которые частично после пандемии трудятся в данном формате), но и в запросах выпускников вузов: чаще всего главным аргументом при трудоустройстве является возможность работать дистанционно.

В настоящее время мы видим прогресс медийного разнообразия: экспертные политические комментарии и истории, политические дебаты в режиме реального времени, медиазавтраки и специальные события в редакциях, экологические и политические проекты СМИ. Вероятнее всего, разнообразие и ускоряющаяся технологизация коммуникации означают, что в мире в ближайшем будущем станут происходить культурные, социальные и политические трансформации.

⁸ URL: <https://shazoo.ru/2022/06/28/128650/ispanskii-strimer-ibai-lianos-pobil-rekord-twitch-i-sobral-33-milliona-zritelei-na-translaciui>

⁹ URL: <http://www.newmedialiteracies.org/>

¹⁰ URL: <https://thenewsmovement.com/>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on a state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каминская Т.Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):96–101.
2. Freelon D., Marwick A., Kreiss D. False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*. 2020;369(6508): 1197–1201. DOI: 10.1126/science.abb2428
3. Ажар А. Как быстрое развитие технологий меняет бизнес, политику и общество. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2023. 352 с.
4. Kurzweil R. *The Singularity Is Near*. N. Y.: Viking; 2005.
5. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. URL: <https://knizhnik.org/tom-nikols/smert-ekspertizy/1>
6. Щербак Н. Substack: социальная сеть в вашей электронной почте. URL: <https://bg.ru/bg/city/social-media/9079-substack>

REFERENCES

1. Kaminskaya T.L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space of Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):96–101. (In Russ.).
2. Freelon D., Marwick A., Kreiss D. False equivalencies: Online activism from left to right. *Science*. 2020;369(6508):1197–1201. DOI: 10.1126/science.abb2428
3. Azhar A. How the rapid development of technology is changing business, politics and society. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2023. 352 p. (In Russ.).
4. Kurzweil R. *The Singularity Is Near*. N.Y.: Viking; 2005.
5. Nichols T. The death of expertise: how the Internet is killing scientific knowledge. URL: <https://knizhnik.org/tom-nikols/smert-ekspertizy/1> (In Russ.).
6. Shcherbakova N. Substack: a social network in your email. URL: <https://bg.ru/bg/city/social-media/9079-substack> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Леонидовна Каминская — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatyana L. Kaminskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Mass Communications and Media Business Department, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>

tlkam1@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-27-32
УДК 32(045)

Общие принципы организации ландшафта политических коммуникаций современной России

Д. Ф. Алиев, В. Э. Саркисов

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен авторский взгляд на проблемы организации ландшафта политических коммуникаций (ПК), сформировавшегося в нашей стране на современном этапе ее развития. Предложена оригинальная методика типологизации политических коммуникаций по субъектному основанию, детально раскрыты акторы каждого из типов коммуникации, перечислены их главные цели. Сформулировано понятие «нативность» политической коммуникации как одной из ее ключевых качественных характеристик. Представлена «субъектная матрица политических коммуникаций», выражающая авторский подход к их типологизации в современной России. Для каждого типа определены главные цели, бесконфликтное достижение которых является показателем их успешности.

Ключевые слова: коммуникация; политическая коммуникация; коммуникационная матрица; акторы коммуникации; Россия; нативность

Для цитирования: Алиев Д. Ф., Саркисов В. Э. Общие принципы организации ландшафта политических коммуникаций современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):27-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-27-32

ORIGINAL PAPER

General Design of Political Communications Landscape in Modern Russia

J. F. Aliyev, V. E. Sarkisov

Russian State Social University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents the author's view on the issue of organizing the political communications landscape in modern Russia (PC), which is present in our country at the current stage of its development. An original method of classifying the political communications on a subjective basis is proposed, the actors of each type of communication are analyzed in detail, their main goals are listed. The concept of "nativity" of political communication is formulated in the article as one of its key qualitative characteristics. The author provides the "subjective matrix of political communications". It expresses the author's approach to their classification in modern Russia. For each class or type, the main goals are defined, the conflict-free achievement of which is an indicator of their success.

Keywords: communication; political communication; communication matrix; communication actors; Russia; nativity

For citation: Aliyev J. F., Sarkisov V. E. General design principles of political communications landscape in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):27-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-27-32

ВВЕДЕНИЕ

В наше время, когда происходят серьезные политические, социально-экономические, технологические, культурные и ментальные трансформации, становится реальностью то, что вчера казалось невозможным. В этих условиях все основные акторы политического ландшафта страны в силу специфики своей деятельности стремятся сохранять ста-

бильность и предсказуемость в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Очевидно, что проблема поддержания социального мира в обществе, возможности внимательно следить за «температурой» социума, имея при этом эффективные инструменты и механизмы оперативного влияния на него, становится одной из ключевых. Решение данной задачи столь ценно, сколь и сложности-

жимо. Также понятно, что заинтересованными в эволюционном развитии общества являются представители всех социальных страт, государственные, коммерческие и общественные организации: от рядовых граждан до руководителей страны и ее регионов, от крупных политических партий до самостоятельных политиков, от бизнес-корпораций до средств массовой информации.

В обозначенном контексте политические коммуникации играют роль мощных проводящих «потоков», по которым безостановочно передаются информационные сигналы от акторов коммуникации к ее конечным потребителям. Если сигналы по ним проходят быстро, с минимальным искажением и при этом они своевременны, несут адекватную смысловую нагрузку, просты и понятны, то и общество получает необходимые импульсы нужного содержания и в нужное время. А это, в свою очередь, позволяет относительно спокойно преодолевать периоды социально-политической напряженности.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ТИПОЛОГИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Типологий и моделей политической коммуникации существует столько же, сколько авторов, изучающих этот феномен. Для актуализации представлений о ПК в политической науке считаем необходимым представить свой краткий обобщенный взгляд на типологизацию теорий данного феномена, разделив их на различные группы, объединенные общей методологией. Тема обобщения подходов в изучении политической коммуникации не нова. Самой известной является книга Р. Мидоу «Politics as communication» [1], в которой он выявил шесть основных подходов к изучению ПК. Подробно разбирать данный труд нет необходимости, он не раз был предметом анализа специалистов, например Л. Н. Тимофеевой [2]. Мы выделяем три группы теорий:

1. Информационно-кибернетические. Для данной группы характерен «технический» вокабуляр и системное понимание политической коммуникации. Акцент в теориях смещен в сторону описания политической системы принятия решений и анализа ПК как формы управления. Выделяются два основных направления развития теорий:

- **Кибернетическое.** Его видными представителями являются Н. Винер [3], Д. Истон [4], К. Дойч [5]. Они говорят о политической комму-

никации как о процессе передачи информации («требований») от субъектов политики («окружающая среда») в политическую систему.

- **Кибернетическо-социальное.** Дополнение кибернетической модели Д. Истона инструментальными моделями Г. Алмонда и Дж. Коулмана [6]. В частности, было установлено соответствие между отдельными категориями системно-кибернетического анализа и терминами, традиционно используемыми политическими и правовой науками.

2. Электорально-коммуникационные теории, в рамках которых описывается воздействие политических акторов с помощью коммуникации на объекты на макро- и микроуровнях. Представители этой группы теорий одними из первых начали изучать электоральные предпочтения граждан, активно заимствуя методологию и термины из социологии и психологии. Выделяются три уровня:

- **Макро-коммуникационный.** Представители: Г. Лассуэлл [7] и развивший его идеи Р. Брэдок [8] использовали бихевиористское понимание политических коммуникаций.

- **Микро-коммуникационный.** Включает исследования электоральных процессов, проводившиеся в США в 1930–1950-х гг. П. Лазарсфельдом и Б. Берельсоном [9], а также Э. Кэмпбеллом [10].

- **Медийный,** где Д. Грабер [11], Э. Кац [12], Л. Бартельс [13] и др. выявили наиболее важные феномены, формируемые через СМИ.

3. «Критические» теории, исследования которой обращены, прежде всего, к анализу социальных последствий политической коммуникации. Авторы расширяют представление о последней (так называемая теория «коммуникативного действия»). Представители: Ю. Хабермас [14], М. Эдельман [15], Б. Гинсберг и М. Шефтер [16] и др.

Остановимся подробнее на теориях, рассматривающих ПК с точки зрения акторов, в первую очередь потому, что с ними частично перекликается представленная в данной работе авторская концепция. В данном контексте мы хотим обратить внимание на работу А. П. Чудинова [17], который классифицирует политическую коммуникацию по характеру ее субъектов (политики, журналисты, избиратели), адресатов коммуникации (политики и политические субъекты, читатели и избиратели), а также выделяет различные жанры ПК, описывая их функции.

На наш взгляд, предложенная А.П. Чудиновым трактовка субъектов политической коммуникации излишне персонализирована. Согласно его теории, с одной стороны, «политическая коммуникация» — это коммуникация политиков (но не государственных институтов или политических партий), а ее адресаты (объекты) — «политики и политические субъекты». Этот взгляд, по мнению авторов статьи, неактуален для современной структуры политической коммуникации в России, где субъектами на практике выступает гораздо большее количество акторов, представленных не только персонами, но и различными общественно-политическими, медийными, религиозными, корпоративными и иными институтами. Также мы считаем, что в современных условиях особое значение для формирования ПК приобретает «доминирующий политический субъект» — высшее должностное лицо страны (президент).

В этом плане наша «субъектная матрица» перекликается с представлениями о процессах политической коммуникации А.И. Соловьева [18], который выделяет власть как доминирующий субъект в политической коммуникации, называя это «униполярным» коммуникационным взаимодействием. По теории Соловьева, власть информирует пассивных граждан либо политически «продавливает» решения, реализация которых не ассоциируется в сознании людей с их интересами. Интерпретация же гражданами публичных сообщений и ответ на них не имеют смысла, так как не представляют для власти интерес.

Разделяя тезисы Соловьева о доминировании власти в ПК и «вертикальности» вектора политических коммуникаций, мы считаем, что в данной концепции имеет место определенное упрощение и обобщение всего спектра властных структур и акторов до понятия «власть». Мы применяем более дискретный подход, детализируя акторов каждого типа коммуникации и их перечень, что более полно отображает современную российскую специфику политических коммуникаций.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

В данном разделе в виде субъектной матрицы вертикальной ПК представлена модель организации политического ландшафта (см. таблицу).

Главным основанием, по которому мы разделяем всю совокупность политических коммуникаций на различные типы, является **субъектность** коммуникации: систематизация

проводится в зависимости от того, кто является главным актором коммуникационного воздействия. Исходя из этого, мы выделяем пять типов политических коммуникаций:

1. **Доминирующая**, актором которой является высшее должностное лицо государства.

2. **Государственная**, субъекты которой — органы исполнительной власти федерального, регионального и муниципальных уровней.

3. **Общественная**, где субъектами выступают представители гражданского общества: как общественные институты (политические партии, общественные организации и объединения и т.п.), так и отдельно взятые персоны (депутаты всех уровней, кандидаты в депутаты всех уровней, политики и т.п.).

4. **Медийная**, акторы которой — средства массовой информации: государственные, квазигосударственные и частные.

5. **Корпоративная**, с субъектами в виде бизнес-структур: прогосударственных и квазирывных.

У каждого из представленных типов ПК есть главные цели, бесконфликтное достижение которых — главный показатель их успешности.

Сформулируем понятие «нативность» политической коммуникации. Нативной (органичной) мы называем такую политическую коммуникацию, без реализации которой теряется сам смысл существования ее актора. Коротко этот принцип можно сформулировать так: «Нет коммуникации — нет актора». И поэтому здесь вполне уместно использовать понятие *Modus Vivendi* (образ жизни). Самым ярким примером подобной нативности могут служить политические коммуникации, реализуемые политическими партиями, без чего их деятельность становится практически бессмысленной. «Ненативной» (неорганичной) коммуникацией мы называем ту, без реализации которой смысл существования актора коммуникации не пропадает. Характерным примером ненативной коммуникации может послужить ПК, реализуемая органами исполнительной власти. Вполне понятно, что для федеральных министерств или, скажем, региональных администраций осуществление подобной деятельности отнюдь не является приоритетной задачей и заниматься ею они вынуждены, скорее всего, по необходимости. По этой причине к подобной коммуникации мы применяем понятие *Modus Operandi* (образ действия). Возможен амбивалентный вариант нативности ПК, т.е. когда один

Субъектная матрица вертикальной политической коммуникации / The Subjective matrix of vertical political communication

Тип политической коммуникации	Субъекты ПК	Главные цели ПК	Степень нативности
Доминирующая	Высшее должностное лицо страны (президент)	1. Сохранение целостности государства. 2. Защита конституционного строя. 3. Трансляция ключевых тезисов внутриполитической повестки*	Modus vivendi (образ жизни)
Государственная	Органы исполнительной власти федерального уровня	Территориально-отраслевая адаптация федеральной повестки сохранения целостности государства, защиты конституционного строя и ключевых тезисов внутриполитической повестки	Modus operandi (образ действия)
	Органы исполнительной власти регионального уровня	Региональная адаптация повестки сохранения целостности государства, защиты конституционного строя и ключевых тезисов внутриполитической повестки	
	Органы исполнительной власти муниципального уровня	Исполняемая минимизация рисков публичного проявления общественного недовольства (уровня социальной температуры)	
Общественная	Политические институты и персоны (электоральная)	Завоевание и удержание власти	Modus vivendi
	Общественные институты и персоны (социальная)	Максимизация общественно-политического влияния	Modus operandi**
Медийная	Государственные СМИ	Транслируемая минимизация рисков публичного проявления общественного недовольства	Modus operandi
	Квазигосударственные СМИ	1. Транслируемая минимизация рисков публичного проявления общественного недовольства. 2. Максимизация минимальных продаж	Modus vivendi / Modus operandi
	Частные СМИ	Максимизация минимальных продаж	Modus vivendi / Modus operandi
Корпоративная	Прогосударственные бизнес-структуры	1. Реализация государственной политики в соответствующей отрасли. 2. Исполняемая минимизация рисков публичного проявления общественного недовольства (уровня социальной температуры) в регионах присутствия	Modus operandi
	Квазирыночные бизнес-структуры	1. Максимизация минимальных прибылей. 2. Исполняемая минимизация рисков публичного проявления общественного недовольства (уровня социальной температуры) в регионах присутствия	

Примечание: * — в определенном смысле третья цель доминирующей ПК полностью поглощается первыми двумя, и правильнее было бы выделить ее в качестве субцели. Мы делаем на ней акцент, так как объем политической коммуникации, транслирующей ключевые тезисы внутриполитической повестки, как правило, весьма существенен, а порой полностью превалирует в информационном поле; ** — в данном контексте возможна амбивалентность modus operandi/modus vivendi. Здесь мы дали бы толкование этого логического правила как «образ следствия».

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

и тот же тип коммуникации для одного и того же актора может быть нативным в одних условиях реализации и неорганичным — в других.

Предложенная авторами методика типологизации политических коммуникаций может уточняться, например, путем расширения перечня субъектов коммуникации внутри каждого типа. Возможно, имеет смысл ввести понятие «коллективный субъект политической коммуникации», так как вокруг каждого из указанных акторов практически всегда формируются группы влияния, состоящие как из персон, так и из организаций либо институтов, которые, пользуясь своей близостью к главному субъекту, пытаются лоббировать собственные интересы внутри ПК. Вероятно, может расширяться и целеполагание внутри каждого типа коммуникации, если к основным целям добавить второстепенные или субцели (см. *таблицу*).

Представленная нами в данной работе матрица — систематизация информационных политических воздействий, направленных на внутреннего потребителя, и на этом основании она может быть классифицирована как «внутристрановая». Все ее объекты находятся внутри национально-общественно-политического пространства, а ее главные цели состоят в гармонизации этого

пространства. Однако представляется очевидным, что некоторые из описанных акторов ПК осуществляют свои информационные воздействия не только на внутреннего, но и на внешнего потребителя, находящегося вне пределов страны. И поэтому для исчерпывающей презентации всего ландшафта политических коммуникаций важно описать еще одну систему — «международную».

ВЫВОДЫ

Понимая все вышесказанное, мы, тем не менее, уверены, что предложенная нами модель типологизации исчерпывающе описывает базовые рамки сложившегося в современном обществе ландшафта политических коммуникаций, и ее дальнейшее уточнение и детализация не поставят под сомнение ключевые принципы и основания, положенные авторами в основу ее разработки. Данная статья — лишь первый шаг к подробному описанию и систематизации национальных коммуникационных практик, сложившихся за последние десятилетия. Вопрос этот столь объемный и интересен, что требует продолжения изучения, а его результаты мы непременно представим в будущем на суд экспертов и заинтересованных читателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Meadow R. G. Politics as communication. Norwood: Ablex publ. co.; 1980. 269 p.
2. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции. *Политическая наука*. 2016;(2):74–100.
Timofeeva L. N. Political communication studies: world and Russian projections. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2016;(2):74–100. (In Russ.).
3. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер; 2001. 288 с.
Wiener N. Managing Man. St. Petersburg: Piter; 2001. 288 p. (In Russ.).
4. Easton D. A framework for political analysis. Chicago: University of Chicago Press; 1979. 142 p.
5. Deutsch K. The nerves of government: models of political communication and control. New York: The Free Press; 1963. 316 p.
6. Almond G., Coleman J. The politics of the development areas. Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1960. 591 p.
7. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. Пер. с англ. М.: ИНИОН РАН; 2021. 237 с.
Lasswell G. D. Propaganda techniques in world war. Transl. from Eng. Moscow: INION RAN; 2021. 237 p. (In Russ.).
8. Braddock R. An extension of the “Lasswell formula”. *Journal of Communication*. 1958;8(2):88–93. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1958.tb01138.x
9. Лазарсфельд П., Берельсон Б., Год Х. Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании. Пер. с англ. Ульяновск: УлГУ; 2018. 151 с.
Lazarsfeld P., Berelson B., God X. People's choice: how a voter makes a decision in a presidential campaign. Transl. from Eng. Ulyanovsk: UUGU; 2018. 151 p. (In Russ.).
10. Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The american voter. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press; 1976. 573 p.

11. Graber D.A. Mass media and american politics. Washington, D.C.: CQ Press; 2002. 441 p.
12. Katz E. Communication research and the image of society convergence of two traditions. *American Journal of Sociology*. 1960;65(5):435–440. DOI: 10.1086/222746
13. Bartels L.M. Presidential primaries and the dynamics of public choice. Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1988. 374 p.
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация. Пер. с нем. М.: Весь Мир; 2022. 880 с.
Habermas Yu. Theory of communicative activity. Volume one. Rationality of action and social rationalization. Transl. from Herman. Moscow: Whole World; 2022. 880 p. (In Russ.).
15. Edelman M. Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press; 1988. 137 p.
16. Ginsberg B., Shefter M. Politics by other means: politicians, prosecutors, and the press from Watergate to Whitewater. 3rd ed. New York: Norton; 2002. 266 p.
17. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2012;2(40):53–59.
Chudinov A.P. Discursive characteristics of political communication. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2012;2(40):53–59. (In Russ.).
18. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. *Полис. Политические исследования*. 2002;(3):5–18. DOI: 10.17976/jpps/2002.03.02
Soloviev A.I. Political communication: to the problem of theoretical identification. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political studies*. 2002;(3):5–18. DOI: 10.17976/jpps/2002.03.02 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вартан Эрнестович Саркисов — аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Vartan E. Sarkisov — Postgraduate Student of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian State Social University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-6732-0440>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
vartan1809@gmail.com

Джомарт Фазылович Алиев — кандидат экономических наук, Первый проректор, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Jomart F. Aliyev — Cand. Sci. (Economics), First Vice-Rector, Russian State Social University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-0127-9414>
kharchenkodd@rgsu.net

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.08.2023; принята к публикации 14.09.2023.
Автор прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 19.08.2023; accepted for publication on 14.09.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-33-38
УДК 32(045)

Оценка экономического будущего стран БРИКС

А.М. Хакки

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются экономические перспективы стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) на фоне текущей международной политической обстановки. В последние годы мировая экономика претерпела значительные изменения, а появление новых политических и экономических предпосылок нарушило традиционный баланс сил. Страны БРИКС стали значимыми игроками в мировой экономике, представляя более 40% населения планеты и обеспечивая почти четверть мирового валового внутреннего продукта (ВВП). Однако глобальный политический ландшафт становится все более сложным: напряженность в торговле, политическая нестабильность и геополитические конфликты угрожают подорвать экономический рост этих стран. Влияние пандемии COVID-19 и военной операции России на Украине еще больше усугубило эти проблемы, вызвало широкомасштабные экономические сбои и изменило ход мировой торговли. В работе анализируется экономическая политика и стратегии, макроэкономические показатели и тенденции, влияние глобальных событий (таких как торговая война между США и Китаем и рост протекционизма) на экономические перспективы стран БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС; экономика; политика; международная политика; международная экономика; геополитика; нестабильность

Для цитирования: Хакки А.М. Оценка экономического будущего стран БРИКС. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):33-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-33-38

ORIGINAL PAPER

Economic Future of BRICS Countries

A.M. Hakki

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article examines the economic prospects of the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) against the backdrop of the current international political climate. The global economy has undergone significant changes in recent years, and the emergence of new political and economic powers has disrupted the traditional balance of power. BRICS countries have emerged as significant players in the world economy, representing over 40% of the world's population and accounting for nearly a quarter of the world's GDP. However, the global political landscape is becoming increasingly complex, with trade tensions, political instability, and geopolitical conflicts threatening to derail the economic growth of these nations. The impact of COVID-19 pandemic, and the Russian special military operation in Ukraine has further exacerbated these challenges, caused widespread economic disruptions and altered the course of global trade and investment. Thus, the article explores the economic policies and strategies adopted by the BRICS countries to navigate this shifting geopolitical landscape. The author examines the macroeconomic indicators and trends of these nations, highlighting their strengths, weaknesses, opportunities, and threats. We also discuss the impact of global events such as the US-China trade war and the rise of protectionism on the economic prospects of these countries. Overall, this article provides a comprehensive analysis of the economic future of BRICS countries and offers insights into the challenges and opportunities that lie ahead. The findings of this study can inform policymakers, investors, and businesses on how to navigate the current international political situation and tap into the potential of these emerging economies.

Keywords: BRICS; economy; politics; international politics; international economic; geopolitics; instability

For citation: Hakki A.M. Economic future of BRICS countries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):33-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-33-38

ВВЕДЕНИЕ

В 2001 г. британский экономист Джим О'Нил ввел термин «БРИК» для обозначения четырех самых быстрорастущих развивающихся экономик того времени: Бразилии, России, Индии и Китая. Инвестиционный фонд Goldman Sachs прогнозировал, эти четыре страны потенциально могут превзойти Европейский союз по размеру рынка к 2050 г. Первый саммит стран БРИК состоялся в 2006 г., а в 2011 г. к ним присоединилась Южная Африка — так образовался БРИКС.

На эти пять стран приходится 43% мирового населения, 46% мировой рабочей силы и 25% мирового ВВП. По данным Международного валютного фонда, на Китай приходится более 70% экономики группы, на Индию — 13%, на Россию и Бразилию — по 7%, на Южную Африку — 3%. Члены БРИКС также являются основными поставщиками ресурсов для развитых стран, а благодаря их быстрому экономическому росту происходит процесс смещения глобальной экономической мощи из Европы и США.

Однако эти страны имеют мало общего в культурном или политическом плане, а уровни их развития значительно отличаются. Учитывая, что прежде они не имели экономических связей, образование БРИКС рассматривается как значительный шаг на пути к иному глобальному экономическому ландшафту.

БРИКС — ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

В первом десятилетии XX в. у стран БРИКС наблюдался устойчивый экономический рост. С 1990-х гг. происходили кардинальные изменения в их политической и экономической структуре — государство активно вмешивалось в торговую политику, закупки, стимулировало общественный спрос и оказывало финансовую поддержку [1].

Роль государства в развитии стран БРИКС принимала различные формы. Например, интервенционистская партийно-государственная политика Китая и инвестиции в технологический потенциал привели к тому, что Китай стал независимой неиндустриальной державой [2]. «Встроенный партикуляризм» Индии благоприятствует определенным отраслям промышленности, инвестициям в тяжелое производство, а также центрам высшего образования в области информационных технологий [3]. Выступая «опекуном» для определенных частных игроков, государство в Бразилии, особенно в послевоенный период,

продemonстрировало невероятный генеративный потенциал в содействии развитию таких секторов, как электроэнергетика, автомобильная промышленность, авиация и нефтехимия.

Доля стран БРИКС в мировом производстве в период с 2000 по 2011 г. увеличилась с 8 до 19%. Финансовый кризис 2008 г. сказался на них по-разному. С точки зрения роста внутреннего производства Россия пострадала больше всех, но к 2010 г. частично восстановилась. Восходящие траектории роста Бразилии и Китая пошатнулись, несмотря на то, что до кризиса у Китая положение было значительно лучше, чем у Бразилии. Индия восстановилась достаточно быстро и к 2010 г. превзошла докризисные темпы роста. В целом, экономики стран БРИКС обогнали развитые западные страны, особенно те, которые долгое время доминировали в сфере международного финансового кредитования.

По мере того, как традиционные промышленные державы Запада оправлялись от последствий мирового финансового кризиса, Всемирная торговая организация была значительно ослаблена, и возникли новые двух- и многосторонние торговые соглашения. Оптимизм западных стран на данном этапе повысил их экономический и геополитический потенциал. В то же время страны БРИКС твердо следовали собственной экономической повестке, состоящей в инвестировании в долгосрочные инфраструктурные проекты, предоставлении кредитов и заключении торговых соглашений по всему глобальному Югу, а изменения в механизмах экономического управления придали группе дополнительный импульс.

Растущая легитимность БРИКС как блока «стремления» и альтернативы западному кредитованию после кризиса 2008 г. проявилась в открытии в 2014 г. Нового банка развития (далее — НБР), с капитализацией в 100 млрд долл. США (примерно в два раза меньше, чем у Всемирного банка) [4].

Основатели утверждали, что этот новый институт обеспечит развивающимся странам более широкое представительство и сосредоточится на развитии инфраструктуры, оставив геополитику вне сферы кредитования и финансирования [5].

НБР институционализировал финансовые потоки внутри БРИКС и сделал так, что страны-члены стали важными и жизнеспособными направлениями для инвестиций в глобальном масштабе.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ НА БУДУЩЕЕ КОАЛИЦИИ СТРАН БРИКС

Изменение экономико-географического ландшафта после COVID-19

Резкий экономический подъем стран БРИКС с начала 1990-х гг. стал предметом множественных исследований. Большая часть этих работ была посвящена появлению новой географии товарного производства, цепочек создания стоимости, инвестиций, распределения, циркуляции и потребления. В них утверждалось, что эти новые отношения производства и потребления постепенно заменили преимущественно евро-американскую глобальную экономику на более полицентричную [5].

Страны БРИКС по-разному реагировали на эпидемию COVID-19. Китай придерживался политики сдерживания. Индия и Южная Африка использовали промежуточные стратегии на разных стадиях эпидемии. Бразилия и Россия смягчали последствия эпидемии, чтобы снизить нагрузку на свои системы здравоохранения.

В исследовании [6] изучалась эффективность профилактики COVID-19, а также опыт сотрудничества стран БРИКС в борьбе с эпидемиями.

Больше всего подтвержденных случаев заражения было зафиксировано в Индии — 18,76 млн за ней следуют Бразилия — 14,45 млн, Россия — 4,81 млн и ЮАР — 1,58 млн меньше всего — в Китае — 0,10 млн. По состоянию на 30 апреля 2021 г., в Южной Африке был самый низкий показатель доз вакцины среди стран БРИКС — 0,18 млн.

Кривые «воздействие-ответ» выявили, что, когда индекс жесткости варьировался от 0 до 45, наблюдалось быстрое увеличение количества ежедневных случаев заражения COVID-19. Когда он составлял от 46 до 80, рост числа заражений происходил медленнее и уменьшался, когда индекс превышал 80. Кроме того, ежедневные новые случаи COVID-19 (все $P < 0,001$) коррелировали с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (–1,61%), крайней бедностью (8,95%), индексом развития человеческого потенциала (–0,05%), ВВП на душу населения (–0,18%), распространенностью диабета (0,66%), долей населения в возрасте 60 лет и старше (2,23%), количеством больничных коек на тысячу человек (–0,08%), долей населения, имеющего доступ к улучшенной питьевой воде (–7,40%), распространенностью открытой дефекации (0,69%).

Сильные политические меры, такие как эффективное сдерживание и фиксирование случаев заболевания, имеют решающее значение для

борьбы с пандемией. Для более эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации также важно сокращение социально-экономического неравенства и укрепление устойчивости системы здравоохранения [7].

Страны БРИКС после конфликта на Украине

Специоперация России на Украине и реакция Запада придали новый импульс сотрудничеству БРИКС. Россия видит в этом возможность избежать полной международной изоляции, а остальные члены хотят противостоять давлению Запада. Китаю БРИКС дает возможность улучшить отношения с Индией путем возрождения старых антизападных настроений и проявления солидарности развивающихся стран.

В странах БРИКС СВО воспринимается как результат расширения НАТО, прокси-конфликт между США и Россией или как региональный европейский вопрос. В то же время давление Запада с целью осуждения России и принятия санкций отвергается из-за его лицемерия (нарушение международного права в виде интервенции в Ирак в 2003 г.; закупки странами ЕС российской нефти). Главной проблемой для членов БРИКС в связи с проведением СВО является рост цен на энергоносители и продовольствие, который они связывают с западными санкциями, а не с российской агрессией.

Озабоченность по поводу экономических и социальных последствий односторонних ограничений вызвала у Индии и Китая опасения касательно того, что Запад «вооружает» торговлю и финансовую систему, основанную на долларе, и это может быть использовано против них. Поэтому вновь возникли давние дискуссии о повышении устойчивости стран БРИКС к давлению Запада путем снижения зависимости в критически важных секторах. На встрече 8 апреля 2022 г. министр финансов России Антон Силуанов призвал членов группы перейти на национальные валюты для экспортно-импортных операций и создать собственную платежную систему, а также систему передачи финансовых сообщений и независимое рейтинговое агентство.

БРИКС представляют собой мощный блок в экономическом, военном, технологическом, социальном и культурном планах. Его совокупное население — 3,23 млрд чел., что составляет более 40% от общемирового. Страны альянса расположены на трех континентах и занимают более четверти площади Земли. На них приходится более 25% мирового ВВП — 23,53 трлн долл. [8].

Таблица 1 / Table 1

ВВП паритет покупательной способности (ППС) по странам БРИКС в 2021 г., млрд долл. США / GDP purchasing power parity (PPP) by BRICS countries in 2021, USD billion

Китай	Индия	Россия	Бразилия	ЮАР
27 206	10 219	4 490	3 436	866

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

Таблица 2 / Table 2

Рост номинального ВВП по странам БРИКС в период с 2015 по 2021 г. / Nominal GDP growth for the BRICS countries in the period from 2015 to 2021

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	6,97%	7,88%	10,90%	9,69%	10,06%	2,54%	12,57%
Индия	10,99%	10,46%	11,76%	11,03%	10,51%	7,75%	-2,97%
Россия	5,13%	3,04%	7,27%	13,09%	5,53%	-2,02%	22,00%
Бразилия	3,75%	4,56%	5,04%	6,36%	5,50%	1,06%	16,23%
ЮАР	6,94%	7,66%	6,69%	5,50%	4,62%	-1,50%	12,41%

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

Таблица 3 / Table 3

Средние показатели уровня номинального ВВП по странам БРИКС в период с 2015 по 2021 г., текущие цены в млрд долл. США / Average indicators of the nominal GDP level for the BRICS countries in the period from 2015 to 2021, current prices in billions of US dollars

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	11 078,88	11 231,16	12 295,41	13 877,18	14 300,17	14 770,76	16 862,98
Индия	2 117,98	2 293,17	2 642,42	2 721,19	2 876,98	2 661,74	2 946,06
Россия	1 361,22	1 278,07	1 574,51	1 655,89	1 688,32	1 481,86	1 647,57
Бразилия	1 801,49	1 796,00	2 063,52	1 916,93	1 880,55	1 444,73	1 645,84
ЮАР	336,93	314,47	370,59	392,54	375,74	324,31	415,32

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

Новая геополитическая реальность, где так много неопределенности, создает пространство для появления множества нарративов, например, члены БРИКС могут стать следующей потенциальной целью кампании Запада в тотальной экономической войне против России. Нынешняя ситуация идеально подходит для переосмысления отношений между странами объединения, особенно в том, что касается их спорных отношений с Западом. БРИКС и их единомышленникам давно пора всерьез задуматься о создании параллельного экономического блока, который не будет зависеть от руководства США или доллара.

Ожидается, что партнеры по БРИКС поддержат Россию перед лицом санкций, ухудшив свои

отношения с США и ЕС. Это будет противоречить национальным интересам отдельных членов, которые хотят избежать конфликта, например у Индии, Бразилии, Южной Африки и Китая многое зависит от их отношений с Западом. Пока Запад не рассчитывает, что страны БРИКС будут в равной степени следовать санкциям, но ожидать, что они сохранят такое отношение, наивно и нереалистично.

Индия и Китай — экономически успешные и сильные государства, и их сотрудничество имеет решающее значение для успеха любого начинания объединения.

Галванский инцидент вызвал в Индии недоверие к Китаю. В отличие от Китая, Индия не является членом Совета Безопасности ООН, и у нее

Таблица 4 / Table 4

Доля ВВП стран БРИКС в мировом ВВП в период с 2015 по 2021 г. / The share of the BRICS countries' GDP in world GDP in the period from 2015 to 2021

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	14,79%	14,76%	15,20%	16,14%	16,37%	17,42%	17,76%
Индия	2,83%	3,01%	3,27%	3,17%	3,29%	3,14%	3,10%
Россия	1,82%	1,68%	1,95%	1,93%	1,93%	1,75%	1,74%
Бразилия	2,41%	2,36%	2,55%	2,23%	2,15%	1,70%	1,73%
ЮАР	0,45%	0,41%	0,46%	0,46%	0,43%	0,38%	0,44%

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

Таблица 5 / Table 5

Доля ВВП стран БРИКС / Share of BRICS countries' GDP

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай	66,35%	66,41%	64,90%	67,48%	67,70%	71,41%	71,70%
Индия	12,69%	13,56%	13,95%	13,23%	13,62%	12,87%	12,53%
Россия	8,15%	7,56%	8,31%	8,05%	7,99%	7,16%	7,01%
Бразилия	10,79%	10,62%	10,89%	9,32%	8,90%	6,98%	7,00%
ЮАР	2,02%	1,86%	1,96%	1,91%	1,78%	1,57%	1,77%

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

Таблица 6 / Table 6

Рост номинального ВВП по странам БРИКС с 2001 по 2021 г. / Nominal GDP growth in BRICS countries from 2001 to 2021

Китай	Индия	Россия	Бразилия	ЮАР
931,61%	806,84%	1364,91%	559,66%	432,30%

Источник / Source: URL: <https://prognostica.info/news/nominalnyj-vvp-top-10-stran-briks-2000-2021-gody/>

достаточно хорошие отношения с Западом. Пекину и Нью-Дели следует пересмотреть свои подходы к двусторонним отношениям и сгладить противоречия для достижения общих целей.

Макроэкономические показатели и тенденции стран БРИКС

Системы денежно-кредитной политики стран БРИКС действуют по-разному. ЮАР и Бразилия ориентируются на режимы инфляционного таргетирования, в то время как Китай, Россия и Индия используют другие механизмы.

В 2008 г. развитые страны пережили глобальный финансовый кризис, который оказал значительное влияние на мировую экономику. В это же время страны БРИКС столкнулись с более серьезными проблемами, поэтому всем им крайне важно изме-

нить свои стратегии, чтобы добиться устойчивого экономического развития [9].

Модели экономического развития США, Европы и Японии совсем не такие, как у стран БРИКС. Экономический рост последних основан на изобилии минеральных ресурсов, дешевой рабочей силе и технологических инновациях [9].

В табл. 1–6, представлена информация по валовому внутреннему продукту.

**СЦЕНАРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
НОВЫХ ДЕРЖАВ: ВЫЗОВЫ, БУДУЩЕЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В прошлом году число государств, планирующих присоединиться к БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), увеличилось до 20 — об этом заявил министр иностранных дел

России Сергей Лавров 27 февраля 2023 г. на встрече с руководителями территориальных органов и представителями Министерства иностранных дел в российских регионах.

Среди претендующих на членство в БРИКС и ШОС — Аргентина, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Турция и ряд африканских стран.

К примеру, Иран и Аргентина, имея совокупное население около 129 млн чел., могут многое дать организации в плане энергетической и продовольственной безопасности: Иран обладает вторыми по величине в мире запасами газа и огромными

запасами золота, а Аргентина является крупным экспортером сои, пшеницы и кукурузы. Когда эти предложения будут рассмотрены на саммите БРИКС, альянс увеличится на 349 млн чел.

ВЫВОДЫ

Данная статья представляет собой комплексный анализ экономического будущего стран БРИКС и предлагает понимание проблем и возможностей, которые ждут нас впереди. Выводы исследования могут помочь политикам, инвесторам и бизнесменам сориентироваться в текущей международной ситуации и использовать потенциал этих развивающихся экономик.

REFERENCES

1. Chatterjee M., Naka I. Twenty years of BRICS: political and economic transformations through the lens of land. *Oxford development studies*. 2022;50(1):2–13.
2. Amsden A. The Rise of “The Rest”: Challenges to the West from Late-Industrializing Economies. New York: Oxford University Press; 2001.
3. Herring R. The developmental state. New York: Cornell University Press — Ithaca & London; 1999.
4. Steel P. International institute for environment and development. URL: <https://www.iied.org/brics-summit-opportunity-lead-fairer-more-sustainable-world>.
5. Roren P., Beaumon P. Grading greatness: evaluating the status performance of the BRICS. *Third World Quarterly*. 2018;40(1):1–23.
6. Jiao J. & others. Core policies disparity response to COVID-19. *International journal of equity in health*. 2022;21(9):2–17.
7. Zhu. J., Yan. W., Zhu L. et al. COVID-19 pandemic in BRICS countries and its association with socio-economic and demographic characteristics, health vulnerability, resources, and policy response. *Infectious Diseases of Poverty*. URL: <https://idpjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40249-021-00881-w#citeas>
8. Saqib M. The policy times — India’s Policy & Business Media. URL: <https://thepolicytimes.com/russia-ukraine-conflict-brics-at-the-crossroad/>.
9. Babu R. G. Macroeconomic trends in BRICS countries: a theoretical analysis. *International Journal of Advance and Innovative Research*. 2018;5(4):51–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Аднан Мухаммад Али Хакки — доцент департамента математики, Финансовый университет, Москва, Россия
Adnan Muhammed Ali Hakki — Associate Professor of the Department of Mathematics, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0245-9061>

hakki.adnan@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-39-44
УДК 82(045)

Роль русской художественной литературы в восприятии образа России в Китае

М. Ли

Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется процесс формирования образа России и русских людей средствами русской художественной литературы. Влияние русской художественной литературы и трансформация ее миссии в Китае прослеживается на протяжении пяти периодов: русская литература XIX в., советская «красная классика», русская литература 1960-х гг., русская литература 1980-х гг., русская литература после распада СССР и до настоящего времени. Роль русской литературы значима для Китая, поскольку без нее невозможно понять национальный менталитет россиян и познать Россию.

Ключевые слова: Россия; Китай; культурный образ; русская художественная литература

Для цитирования: Ли М. Роль русской художественной литературы в восприятии образа России в Китае. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):39-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-39-44

ORIGINAL PAPER

The Role of Russian Fiction Literature in the Perception of the Russia's Image in China

M. Li

Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

ABSTRACT

The article analyzes the process of forming the image of Russia and Russian people by means of Russian literature. Russian literature perception in China, the transformation of the Russian literature mission in China can be traced over five periods: Russian literature of the XIX century, Soviet "Red Classics", Russian literature in the 1960s, Russian literature in the 1980s, Russian literature after the collapse of the USSR to the present time. Currently the amount of publication as well as the number of those who read modern Russian literature in China are gradually declining, this leads to the fact that its influence on Chinese society is decreasing. However, the influence of modern Russian literature in China will last for a long time, it is simply observed in the literature itself, not concerning other factors, because without understanding Russian fiction, it is impossible to understand the national mentality and to form the image of Russia.

Keywords: Russia; China; cultural image; Russian literature

For citation: Li M. The role of Russian fiction literature in the perception of the Russia's image in China. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):39-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-39-44

Современное литературоведение в китайском социально-гуманитарном познании — это направление имагологии, поскольку оно исследует литературные образы не только своей, но и «чужой» культуры. Данный подход позволяет понять суть уникального феномена, без которого образ России в Китае никогда бы не был таким, каковым является сейчас.

Художественная литература есть одно из средств познания мира, она помогает понять, «что такое

хорошо и что такое плохо», способна указать на истоки общечеловеческих конфликтов. Китайская тайваньская исследовательница Лю Синь-Хуа пишет, что «художественная литература помогает нам увидеть внутреннюю красоту человека, научиться понимать и ценить ее. Художественная литература — это мощный источник воспитания духа, личности. Посредством раскрытия художественных образов литература дает нам понятия о добре и зле, правде и кривде, истине и лжи» [1].

Известный российский синолог и литературовед В.М. Крюков отмечает, что в России связь между литературой и жизнью была более глубокой, чем в других странах. Автор подчеркивает, что слово писателя обладало очень большим весом, а литературное произведение зачастую оказывало огромное влияние на ход развития российского общества в переломные моменты истории [2].

Русская художественная литература и ее роль в русской культуре являются одной из важнейших составных частей восприятия России в культуре Китая. В силу ряда географических и исторических обстоятельств русская литература играла немаловажную роль в процессе модернизации Китая на протяжении всего XX в. Более того, она также невольно закрепила типичный образ России в китайской культуре.

Ученые круги в Китае стали знакомиться с русскими литературными произведениями во времена «Движения за новую культуру» («Движение 4 мая»)¹, которое, как указывает Лю Синь-Хуа, имело целью отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии [1]. Гао Ман полагает, что русская художественная литература XIX в. передает искреннюю любовь к бедным людям и сильную ненависть к эксплуататорам [3]. В русской литературе XIX — начала XX в. преобладал гуманизм и патриотизм, что вызвало у китайцев глубокое стремление к пониманию России.

Основоположник современной китайской литературы Лу Синь писал: «И вот тогда мы начали познавать русскую литературу во всей ее силе. С самого начала мы увидели в ней руководителя и друга. В ней мы увидели отраженный дух угнетенного народа, его горе и его борьбу...» [4]. Русская литература отвечала политическим и культурным требованиям китайского общества, элита видела в ней «похищенный с неба огонь», помогающий найти верный путь развития [5].

В XIX в. в русской литературе на смену романтизму постепенно приходит реализм. Появляются известные на весь мир писатели: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов и другие, чьи произведения в китайских культурных кругах вызвали огромную симпатию, так как в них уделяется внимание проблеме «маленького человека», говорится о несчастьях низших слоев общества.

На фоне крепостничества, существовавшего в России, в русской литературе возникает образ «лишнего человека»: Евгений Онегин в романе А.С. Пушкина, Печорин в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, Бельтов в романе «Кто виноват?» А.И. Герцена, Обломов в романе И.А. Гончарова и др. Данный образ также был признан в Китае и широко использовался китайскими писателями. Все «лишние люди» — дворяне, они получили хорошее образование, честны, умны, но недовольны пустой и пошлой жизнью и не могут найти выход из сложившейся ситуации. Они ни в коем случае не сотрудничают с правительством, но и не близки к народу, а в силу своего экономического или психологического превосходства над другими становятся ленивыми и не могут осуществить свою мечту.

Позже в русской литературе появляется образ «нового человека» — интеллигента с сильной волей и высокими моральными принципами, способного на какие-либо действия. В этом смысле первоходом стал И.С. Тургенев, описавший данный образ в произведениях «Накануне» и «Отцы и дети».

Будущее русской аристократии связано с русским народом, поэтому возникает образ «раскаившегося дворянина» — хорошо образованного, гордого человека. Лев Толстой в своем произведении «Воскресение» через образ Нехлюдова говорит о том, что в России дворяне должны покаяться в грехах ради искупления, отказаться от диктатуры и насилия, паразитической роскошной жизни, сблизиться с народом, любить людей и сострадать им [6].

Как справедливо замечают С.В. Петухов и А.Е. Горковенко, все счастье и невзгоды, радости и горе обычных людей в России впитал в себя Китай, потому что все это было близко китайскому народу [7]. Лу Синь рассматривал произведения этого времени как литературу «для жизни», рассказывал о ней в Китае, чтобы просвещать народ с устаревшим мышлением в интересах дела революции.

Заметим, что в современном китайском учебнике истории для средней школы, изданном в 2004 г., описана биография Льва Толстого и дана оценка его произведению «Война и мир», что говорит об огромном влиянии русской художественной литературы XIX в. на китайскую художественную литературу.

Победа Октябрьской революции 1917 г. дала народу Китая надежду на освобождение. Чжоу Ян считал, что китайский народ обретал веру в победу, вдохновляясь советской литературой, где были даны примеры нравственности и благородства представителей нового общества [8].

¹ Массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае-июне 1919 г.

Советская художественная литература в Китае называется «красной классикой». Это особое культурное явление. Красный — цвет огня и крови, символ революции.

В XX в. советская «красная классика» издавалась в Китае в большом количестве в разных типах публикаций. В том же учебнике истории 2004 г. есть рубрика «Характерное произведение пролетарской революционной литературы, где описан роман М. Горького «Мать» и дана биография писателя. Согласно Ли Юецзиню, советская литература стала для китайского народа «учебником жизни» и «практическим руководством», она повлияла на эстетическую ориентацию «новой народной литературы», проникла в категорию ценностей и мировоззрение китайского народа [9].

Основными произведениями «красной классики» считаются «Мать» А.М. Горького, «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Разгром» и «Молодая гвардия» М.А. Фадеева и др. [10].

«Мать» М. Горького — эпохальный фундаментальный труд революционной эпохи, который открыл новую эру пролетарской литературы. Литературный критик Бянь Чжилинь полагал, что данное произведение социалистического реализма впервые показало народную борьбу и это придало китайцам сил и позволило настроиться на революционную работу [11].

Слова «Пусть сильнее грянет буря!» в поэме «Песня о буреветнике» стали официальным девизом эпохи, призывая рабочих к активным действиям.

В течение всех трех этапов китайско-российских отношений — *Дружбы, Конфронтации и Нормализации* — только произведения Горького не были запрещены к публикации в Китае, более того, они всегда оставались в китайских учебниках. Мао Дунь считает, что произведения, написанные М. Горьким, смогли пробудить китайцев, вселить в них уверенность в завтрашнем дне [12].

В романе «Молодая гвардия» советского писателя М.А. Фадеев показал свой идеал «прекрасного, сильного, добродушного нового человека». В произведении все молодые люди имеют общие черты: они деятельны, добросердечны, строги и щедры. Кэ Цзимин отмечает, что вот эти, казалось бы, несовместимые качества составили своеобразный образ того поколения молодежи [13]. Ли Минбинь полагает, что «Молодая гвардия» стала мощным оружием, которое вдохновило китайских военных добровольцев в период Корейской войны [14].

«Повесть о Зое и Шуре», написанная их матерью, Л. Космодемьянской, рассказывает о жизни

легендарных брата и сестры и подводит читателя к мысли о том, что героями становятся не случайно — они оба отлично учились, были честными, не боялись трудностей и сформировали правильные взгляды на жизнь.

«Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой была написана в 1954 г. Главная героиня являет собой пример стойкости — она смело борется с догматизмом руководства и в итоге механизированная станция становится передовой [12].

Книга Н. Островского «Как закалялась сталь» повлияла на целое поколение китайских писателей [15]. И образ героя, и сам автор, его создавший, оказали значительное влияние на становление личности нескольких поколений китайцев. После гражданской войны в Китае (1945–1949 гг.) медицинские работники часто вслух читали больным книгу «Как закалялась сталь», укрепляя их дух. Была даже создана боевая рота имени Павла Корчагина [16]!

Ответственный редактор журнала «Русская литература и русское литературоведение» Ся Чжунсянь рассказывает о том, что ее читателю роман Островского и его герой Павел Корчагин помогли преодолеть паралич — он левой рукой написал произведение, за которое в 2006 г. получил премию Союза китайских писателей.

Мао Дунь отмечает, что такие романы, как «Как закалялась сталь», «Повесть о Зое и Шуре», «Молодая гвардия» и др., блестящими художественными образами и великой духовной силой своих героев глубоко тронули китайскую молодежь [17].

Таким образом, советская «красная классика» стала оружием идеологии. Борьба старого с новым, вера в победу, показ передового мировоззрения и революционного духа — все это было передано со всей полнотой советской художественной литературой.

В 1960-х гг. китайско-советские отношения ухудшились. Мао Цзэдун важным направлением в идеологической сфере считал борьбу против ревизионизма, и в Китае осуждали советскую «литературу оттепели».

По мнению большинства китайцев, так называемая «Культурная революция» 1966–1976 гг. была «периодом смуты» и на деле представляла собой уничтожение культуры. В эти годы советская литература подвергалась острой критике, большинство произведений запрещались, а исключение составляли лишь «Мать» и «В людях» И. Горького, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского и т.д.

Советский писатель М.А. Шолохов считался в Китае основоположником советской ревизионистской литературы. Утверждалось, что его произведение «Тихий Дон» приукрашивает русский сельский быт, автор выступает против пролетарской революции, восхваляя контрреволюционно настроенных богатых крестьян; а в «Поднятой целине» отрицается пролетарская диктатура, искаженно показана коллективизация сельского хозяйства.

В 1980-е гг. в Китае, с началом политики реформ и открытости и по мере изменения политической идеологии и отношения к советской культуре, литературные произведения, раньше считавшиеся ревизионистскими, стали пользоваться популярностью. Литературный обмен между Россией и Китаем был восстановлен. Начиная с 1986 г. ежегодно проводится Пекинская международная книжная ярмарка, где читателям предлагается множество российских художественных произведений, что свидетельствует о сохраняющемся к ним интересе у китайцев. Произошла переоценка ценностей: герои произведений М.А. Шолохова обрели в Китае новое признание, особенно популярными стали книги «Тихий Дон» и «Судьба человека».

В XXI в. в Китае интерес к русской литературе, свободной от идеологии, вновь возрос. В настоящее время прослеживаются два направления: 1) реалистическая литература о страданиях человека и проблемах общественного прогресса; 2) литература постмодернизма, где повествуется о сомнениях в духовных ценностях [18].

Немаловажным является и тот факт, что в 2002 г. крупнейшее китайское издательство «Народная литература» и Китайское общество изучения иностранной литературы учредили премию «Лучший зарубежный роман года», и за десятилетие 10 российских произведений получили эту награду: «Замыслил я побег» Ю. Полякова (2002 г.); «Господин Гексоген» А. Проханова (2003 г.); «Дочь Ивана, мать Ивана» В. Распутина (2004 г.); «Искренне ваш Шурик» Л. Улицкой (2005 г.); «Венерин волос» М. Шишкина (2006 г.); «Санька» З. Прилепина (2007 г.); «Библиотекарь» М. Елизарова (2009 г.); «Легкая голова» О. Славниковой (2011 г.); «Метель» В. Сорокина (2012 г.); «Мой лейтенант» Д. Гранина (2013 г.). По этим книгам можно определить, какие темы привлекают внимание китайских переводчиков: терроризм, заговор против власти, современная русская

революция, радикальная молодежь, беженцы из России, судьба интеллигенции и постсоветской культуры, царящие в обществе насилие и жестокость, разрушение семьи, деградация русского духа, перипетии российского бизнеса в 1990-х гг. и др. По мнению российского исследователя С.В. Петухова, так выглядит в литературном варианте образ современной России для китайского издателя и немногочисленного читателя [19].

В настоящее время публикации современной русской художественной литературы в Китае, а также ее влияние на китайское общество постепенно снижаются. Причины этого заключаются в следующем:

- Во-первых, из-за наличия множества развлечений (интернет, мультимедиа и т.д.), относительно серьезные содержание и форма традиционной русской художественной литературы стали не популярны.
- Во-вторых, под влиянием глобализации и плюрализации европейско-американская культура постепенно занимает лидирующее место в китайской культуре, английский язык стал международным, и русская литература теперь относится к «литературе ограниченного языка».
- В-третьих, распад СССР снизил мощь российского государства. Международная сила воздействия не такая, как во времена СССР, что также влияет на распространение литературы.
- В-четвертых, большинство классических русских литературных произведений уже переведено на китайский язык. Однако современная русская художественная литература еще не достигла уровня классики [20].

Таким образом, влияние современной русской литературы в Китае не ослабло. Китайские ученые и преданные читатели по-прежнему следят за ней. Можно без преувеличения сказать, что русская и российская литература оказала сильное влияние на жизнь нескольких поколений китайцев и на восприятие ими образа России. Она была в роли главного наставника, являлась духовной пищей для китайцев. Ее герои указали Китаю направление, пробудили волю, «отравили» идеологию и позволили переосмыслить развитие классической и новой литературы. Без понимания русской художественной литературы невозможно понять национальный менталитет русских людей и познать Россию.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при поддержке гранта Фонда общественных наук г. Чунцина KHP № 2020BS 05 «Исследование образа России в современной китайской культуре в рамках имагологии».

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared with the support of a grant from the Chongqing Social Science Foundation of the People's Republic of China No. 2020BS 05 "Study of the image of Russia in modern Chinese culture within the framework of imagology."

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лю Синь-Хуа. Воображаемая Россия: русская литература в Китае и на Тайване. *Профессиональное образование в современном мире*. 2017;7(3):1301–1313.
2. Крюков В.М. Неумолимый червь познания. М.: Памятники исторической мысли; 2009.
3. Гао Ман. Книга для знакомства с русской художественной литературой. Пекин: Издательство Пекинского технологического университета; 2012.
4. Лу Синь. Лу Синь Цюань Цзи. М.: Народное литературное издательство; 1982.
5. Ван Цзунху. О переводе и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х годов XX века). *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2015;2(20):66–69.
6. Цзэн Сии. Лекции по русской литературе: классические писатели и произведения. Т. 2. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета; 2015.
7. Петухов С.В. Русская литература в информационном пространстве Китая: к вопросу межкультурного взаимодействия. *Педагогическое образование в России*. 2013;(4):170–174.
8. Чжоу Ян. Социалистический реализм — путь китайской литературы. Избранные исторические труды по современной китайской литературе (1948–1975 гг.). Пекин: Издательство Пекинского университета; 1995.
9. Ли Юецзинь. Влияние русской советской литературы на современную китайскую литературу. *Вестник Хэнь-янского педагогического института*. 2007;(1):113–117.
10. Юй Цзя. Русская советская «Красная классика» под критическим взглядом Китая. Дис. ... канд. филол. наук. Шанхай: Восточно-китайский педагогический университет; 2005.
11. Бянь Чжилинь. Изучение и перевод иностранной литературы за 10 лет. *Литературные рецензии*. 1959;(5):41–77.
12. Чэнь Цзяньхуа. Русские гуманитарные идеи и Китай. Чунцин: Издательство провинции Чунцин; 2011.
13. Кэ Цзимин. Быстрое чтение всемирно известной классики. Т. 3. Чанчунь: Издательская корпорация провинции Цилинь; 2013.
14. Ли Минбинь. Культурный обмен между Китаем и Россией и Советским Союзом. Шанхай: Народное издательство провинции Шанхай; 1998.
15. Чэнь Юй. Советская «Красная классика» в Китае: на примере романа «Как закалялась сталь». Магистер. дис. Шанхай: Шанхайский педагогический университет; 2010.
16. Вэнь Цзидун. Советско-китайские культурные обмены с 1949 по 1966 г. Харбин: Издательство Хэйлунцзянского университета; 2011.
17. Мао Дунь. Советская литература — хороший друг и учитель китайского народа. Пекин: Пекинское издательство книжного магазина «Синьхуа»; 1960.
18. Чжан Цзяньхуа. Новый образ постсоветской литературы и современные духовные ценности. Плюрализм и разнообразие современной русской литературы. Пекин: Издательство обучения и изучения иностранных языков; 2010.
19. Петухов С.В. Современная русская литература в Китае: проблемы восприятия и интерпретации. *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2015;1(1):111–116.
20. Лю Вэньфэй. Мы и современная русская литература. Плюрализм и разнообразие современной русской литературы. Пекин: Издательство обучения и изучения иностранных языков; 2010.

REFERENCES

1. Liu Xin-Hua. Imaginary Russia: Russian literature in China and Taiwan. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2017;7(3):1301–1313. (In Russ.).
2. Kryukov V.M. The inexorable worm of knowledge. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; 2009. (In Russ.).
3. Gao Man. A book for getting acquainted with Russian fiction. Beijing: Beijing University of Technology Press; 2012. (In Chinese).
4. Lu Xun. "Lu Xin Quan Ji." Moscow: Narodnoe literaturnoe izdatel'stvo; 1982. (In Russ.).

5. Wang Zonghu. On the translation and dissemination of Russian literature in China over the past 30 years (since the 80s of the twentieth century). *Human Science: Humanistic Studies*. 2015;2(20):66–69. (In Russ.).
6. Zeng Siyi. Lectures on Russian literature: classical writers and works. Vol. 2. Beijing: Beijing Normal University Publishing House; 2015. (In Chinese).
7. Petukhov S.V. Russian literature in the information space of China: on the issue of intercultural interaction. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Teacher education in Russia*. 2013;(4):170–174. (In Russ.).
8. Zhou Yang. Socialist realism is the path of Chinese literature. Selected historical works on modern Chinese literature (1948–1975). Beijing: Peking University Press; 1995. (In Chinese).
9. Li Yuejin. The influence of Russian Soviet literature on modern Chinese literature. *Bulletin of the Hengyang Pedagogical Institute*. 2007;(1):113–117. (In Chinese).
10. Yu Jia. Russian Soviet “Red Classics” under the critical gaze of China: Dis. ... cand. philol. sciences. Shanghai: East China Normal University; 2005. (In Chinese).
11. Bian Zhilin. Study and translation of foreign literature for 10 years. *Literary reviews*. 1959;(5):41–77. (In Chinese).
12. Chen Jianhua. Russian humanitarian ideas and China. Chongqing: Chongqing Provincial Publishing House; 2011. (In Chinese).
13. Ke Jiming. A quick read of world-famous classics. Vol. 3. Changchun: Jilin Province Publishing Corporation; 2013. (In Chinese).
14. Li Minbin. Cultural exchange between China and Russia and the Soviet Union. Shanghai: People’s Publishing House of Shanghai Province; 1998. (In Chinese).
15. Chen Yu. Soviet “Red Classics” in China: using the example of the novel “How the Steel Was Tempered.” Master. dis. Shanghai: Shanghai Normal University; 2010. (In Chinese).
16. Wen Zidong. Soviet-Chinese cultural exchanges from 1949 to 1966. Harbin: Heilongjiang University Press; 2011. (In Chinese).
17. Mao Dun. Soviet literature is a good friend and teacher of the Chinese people. Beijing: Beijing Xinhua Bookstore Publishing House; 1960. (In Chinese).
18. Zhang Jianhua. A new image of post-Soviet literature and modern spiritual values. Pluralism and diversity of modern Russian literature. Beijing: Foreign Language Teaching and Learning Publishing House; 2010. (In Chinese).
19. Petukhov S.V. Modern Russian literature in China: problems of perception and interpretation. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. YAzyk. Literatura. Kul’tura = Bulletin of Buryat State University. Language. Literature. Culture*. 2015;1(1):111–116. (In Russ.).
20. Liu Wenfei. We and modern Russian literature. Pluralism and diversity of modern Russian literature. Beijing: Foreign Language Teaching and Learning Publishing House; 2010. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Минда Лу — старший преподаватель Института русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, Китайская Народная Республика

Mingda Li — Senior Lecturer, Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Sichuan International Studies University, Chongqing, PR China

<https://orcid.org/0009-0006-3382-8308>

limingda212@163.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 21.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 21.04.2023; accepted for publication on 16.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-45-52
УДК 327(045)

Цивилизационная безопасность России и ее обеспечение в условиях обострения противоречий с Западом

В.М. Родачин

Российский новый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается актуальная проблема обеспечения цивилизационной безопасности России как государства-цивилизации в условиях осуществляемой коллективным Западом и беспрецедентной по масштабам политики русофобии, отмены русской культуры, гибридной войны, преследующей цель нанесения стратегического поражения России. Автор анализирует имеющиеся подходы к определению сущности цивилизационной безопасности как самостоятельного вида безопасности, дает собственную дефиницию цивилизационной безопасности, выделяет ее основные объекты.

Ключевые слова: цивилизация; локальная цивилизация; мировой цивилизационный процесс; межкультурные противоречия; цивилизационная безопасность; угрозы цивилизационной безопасности; цивилизационная безопасность России

Для цитирования: Родачин В.М. Цивилизационная безопасность России и ее обеспечение в условиях обострения противоречий с Западом. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):45-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-45-52

ORIGINAL PAPER

Russian Civilizational Security and Its Provision in Terms of Increasing Contradictions with the West

V.M. Rodachin

Professor of the New University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the actual issue of ensuring the civilizational security of Russia as a civilization-state in terms of unprecedentedly large-scale policy of Russophobia exerted by the western countries, "cancelling Russian culture", and hybrid warfare aimed at inflicting strategic defeat on Russia. The article analyzes the existing approaches to determining the essence of civilizational security as a separate form of security; it gives the author's definition of civilizational security, points out its main objects.

Keywords: civilization; local civilization; world civilizational process; intercultural contradictions; civilizational security; threats to civilizational security; civilizational security of Russia

For citation: Rodachin V.M. Russian civilizational security and its provision in terms of increasing contradictions with the West. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):45-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-45-52

ВВЕДЕНИЕ

Актуальное теоретическое и практическое значение в современных условиях приобрела проблематика обеспечения цивилизационной безопасности локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), к числу которых относится и тысячелетняя российская цивилизация. Оправдывается прогноз профессора Гарвардского университета

С. Хантингтона (1927–2008 гг.), провозгласившего новую эру мировой политики и перспективу столкновения цивилизаций. По его оценке, «самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями (понимаемыми как локальные человеческие цивилизации), которые являются линиями будущих фронтов» [1].

ПОНЯТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

«Цивилизация» — многозначное понятие, употребляемое в различных смыслах. Римляне термином «цивилизация» (от лат. *civilis*) называли гражданский, городской уровень жизни, подчеркивающий их превосходство в бытовом и политическом отношении над примитивными, по их мнению, племенами (варварами). Позднее сформировались три основных значения термина «цивилизация»: 1) уровень, ступень общественного прогресса, качественного изменения способа производства и технико-технологического уклада общества (древнекитайская, древнеегипетская, античная, средневековая, новоевропейская и др. цивилизации); 2) ступень общественного развития, следующая за варварством (Л. Морган, Ф. Энгельс); 3) тип социальной общности людей, организованной на основе определенной культуры — «культурно-исторический тип», по Н. Я. Данилевскому [2], «социально-культурная целостность наивысшего ранга», по С. Хантингтону [3], — надэтническое, надгосударственное образование, связанное универсальными культурными чертами, общностью языка общения, религиозной веры, совокупностью устойчивых духовных ценностей, традиций, ментальности, образа жизни.

МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ТЕНДЕНЦИИ

Усиление влияния локальных цивилизаций на ход мировой истории (и, прежде всего, европейской цивилизации на другие локальные цивилизации), ставшее заметным международным фактором с эпохи Великих географических открытий, придало межцивилизационным отношениям качество *мирового цивилизационного процесса*. «До этого историческая жизнь проходила преимущественно в рамках отдельных цивилизаций и цивилизационных ойкумен. Контакты между соседними цивилизациями, бесспорно, имели место (в виде товарообмена, культурного влияния, войн), однако они играли преимущественно второстепенную роль по сравнению с событиями в рамках отдельных цивилизационных миров. И то, что происходило, к примеру, на Руси или в Северной Африке (не говоря уже о Новом Свете), практически никак не отражалось на судьбах Китая или Индии» [4].

Современный мировой цивилизационный процесс де-факто приобрел глобальный характер и имеет несколько основных измерений.

У сторонников технократического подхода сложилось представление о мировом цивилизационном процессе как о *движении по ступеням (волнам) прогресса от аграрного и индустриального общества к постиндустриальному (информационному)* [5], и на его основе — к «универсальной цивилизации» (термин ввел в оборот В. С. Найпал) [6, р. 20]. «Цивилизационный процесс может рассматриваться как движение к всечеловеческой планетарной интеграции, к созданию (уже фактически свершившемуся) и усовершенствованию (если на будущее смотреть оптимистически) глобальной макроцивилизационной системы» [7, с. 3]. Концепция универсальной цивилизации является характерным продуктом западной модели глобализации («вестернизации»), рассчитанной на распространение западных стандартов образа жизни и ценностей массовой культуры. Однако практика межцивилизационных отношений показала, что западная цивилизация не способна поглотить все другие и стать универсальной. Тем более, что в мире (в противоположность ей) набирает силу тенденция к сохранению культурной самобытности незападных цивилизаций и движение к полицивилизационному миру.

В социокультурном плане мировой цивилизационный процесс, как считают сторонники цивилизационного плюрализма, есть не что иное как *динамика развития и взаимосвязей локальных цивилизаций* [8, с. 21], «*межцивилизационного взаимодействия*» (понятие ввел Бенджамин Нельсон) [9, с. 115]. С этих позиций С. Хантингтон определяет мировой цивилизационный процесс как «неустойчивый баланс сил между Западом и незападными цивилизациями» [10, р. 91], хотя, по мнению представителей последних, имеет место стремление к цивилизационной гегемонии и экспансии Запада.

Современная практика подтверждает конфликтный характер Западной цивилизации, стремящейся к сохранению мировой гегемонии, с другими цивилизациями. В отношении Российской Федерации как государства-цивилизации и всего русского мира со стороны «коллективного Запада» осуществляется враждебный политический курс, доведенный в феврале 2022 г. до крупномасштабной гибридной войны с участием 50 стран, в которой преследуется цель «всемерного ослабления России, включая подрыв ее созидательной *цивилизационной роли*, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и вну-

тренней политике, разрушение территориальной целостности»¹.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня эта научная и практическая проблема приобрела чрезвычайно острый и неотложный характер. Не случайно, в Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2020–2030 гг.) к числу основных научных задач, решаемых российскими философами, относится «философское обоснование цивилизационной безопасности Российской Федерации»².

Необходимость обеспечения цивилизационной безопасности России обосновывается западной практикой «цивилизационного геноцида» в последние 30 лет в отношении России [11, с. 66], в том числе — средствами экономического удушения, включая полный запрет на ввоз российских энергоносителей в страны Запада, заморозку, а по сути, кражу 300 млрд долл. золотовалютных резервов Банка России, запрет на продажу высокотехнологичных товаров и пр. «Эти меры фактически означают, — отмечает бывший сотрудник Минфина США П. Пятецкий, — финансовую ядерную войну, стремление превратить Россию в финансового изгоя» [12].

Как отметила председатель Совета Федерации Российской Федерации В. Матвиенко, тревогу вызывает тенденция сужения ареала распространения русского языка. Если к концу советского периода общее число носителей русского языка в мире составляло около 312 млн чел., 265 млн из которых проживали в самом СССР, то к началу 2010 г. их осталось около 260 млн (сокращение на 1/6). По ситуации на июнь 2023 г., в мире около 258 млн человек владеют русским языком, а в 15 из 23 основных международных организаций русский язык является официальным или рабочим [13]. В самой России в некоторых ее регионах до 10% населения не знают русского языка. К 2050 г., по прогнозу замдиректора Центра социологических исследований Минобрнауки Российской Федерации А. Арефьева, численность владеющих русским языком сократится до 130 млн если не

будут предприняты необходимые меры противодействия [14].

Обращает на себя внимание еще одна опасная тенденция, требующая неотложных мер по укреплению цивилизационной безопасности России: число русских в России в промежутке между переписями населения 2002 и 2010 гг. уменьшилось на 4,9 млн и составило 111 млн (78% от всей численности населения). Данные Росстата за 2021 г. зафиксировали дальнейшее сокращение численности русского населения до 105,5 млн чел. (71,7%)³. Прогнозируется, что к 2040 г. оно уменьшится до 90 млн а к 2055–2060 гг. его будет меньше 50% от общей численности населения страны, в пользу других национальностей, главным образом — южных⁴. В этом случае встанет вопрос о существовании самой российской, русской и православной в своей основе цивилизации.

Не удастся преодолеть и деструктивную тенденцию процесса убыли населения России, обусловленную практикой прерывания беременности. С 2000 по 2021 г. Россия потеряла от абортот 27 млн чел., что сопоставимо с потерями страны в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [15].

Несмотря на объективный характер потребности в цивилизационной безопасности России, ее научное осмысление ведется у нас пока недостаточно целенаправленно и активно. При общем понимании назревшей необходимости высказываются различные взгляды на сущность и специфику данного вида безопасности. Для его характеристики применяются понятия «безопасность цивилизационного развития» [16], «духовная безопасность в контексте культурно-цивилизационного развития» [17], «культурно-информационная безопасность, предотвращающая утрату уникальных цивилизационных качеств» [18], «цивилизационная составляющая национальной безопасности» [19], собственно «цивилизационная безопасность» [20]. Последний термин, на наш взгляд, является предпочтительным, поскольку точно выражает самостоятельный вид безопасности, взаимосвязанный с национальной, духовной, информационно-культурной безопасностью, но не сводимый к ним.

Сам термин «цивилизационная безопасность» не стал пока достаточно устоявшимся и общепотребимым, хотя «в последнее время все чаще встречается в научных публикациях, как в Рос-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3684-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400070256/?ysclid=lnucwu1y1v693684951>

³ URL: <https://dzen.ru/a/Y7a-z1HuW0Yfn41m>

⁴ URL: https://tsargrad.tv/articles/rossija-perestanet-byt-russkoj-k-2060-godu_209427?ysclid=lnud5m1rby722479039

сии, так и за рубежом» [21, с. 272]. Отсутствует и общепринятое определение цивилизационной безопасности вообще, и цивилизационной безопасности России в частности, в отношении которой сказывается еще существующая неопределенность в трактовке цивилизационного выбора.

Определенную надежду на глубокое осмысление феномена цивилизационной безопасности России вселял реализуемый с 2011 г. в Институте философии РАН исследовательский проект под названием «Стратегия цивилизационной безопасности России: философско-политологический анализ». Однако ни сам проект, ни его результаты общественности пока не представили.

Под «цивилизационной безопасностью» вообще доктора социологических наук А. В. Верещагина и С. И. Самыгин, а также кандидат социологических наук С. И. Имгрунт понимают «такой способ функционирования цивилизации, который обеспечивает сохранение целостности, устойчивости и жизнеспособности в полицивилизационном мире, позволяя эффективно противостоять внешним и внутренним угрозам» [21, с. 39]. При этом не раскрывается ни суть понятия «способ функционирования цивилизации», ни неопределенно выраженная его разновидность — «такой». Как следствие, совсем не ясно, за счет чего и каким образом обеспечивается сохранение целостности, устойчивости и жизнеспособности цивилизации в полицивилизационном мире. Кроме того, выделяемые авторами угрозы цивилизационной безопасности имеют общечеловеческий характер (насилие, угнетение, экологические и техногенные риски и т.п.) и не выражают специфику деструктивного воздействия на те или иные локальные цивилизации, в том числе российскую [22, с. 41].

Неубедительной является попытка сотрудников Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН во главе с доктором технических наук, профессором Ю. В. Пазюком дать общее определение цивилизационной безопасности как «способности народа (системообразующей нации локальной цивилизации) удовлетворять потребности, необходимые для ее самосохранения, самовоспроизведения и самосовершенствования с минимальным риском ущерба для генетического цивилизационного кода и базовых цивилизационных ценностей ее нынешнего состояния» [23, с. 85]. Дело в том, что любая без-

опасность обусловлена соответствующим классом опасностей, как внутренних, так и внешних, о которых даже не упоминается в определении. Видимо поэтому те же авторы, осознавая слабость своей первоначальной позиции, применительно к России скорректировали дефиницию цивилизационной безопасности, трактуя ее как «гарантированную конституционными, законодательными и практическими мерами защищенность и обеспеченность жизненно важных интересов человека, общества и России как государства-лидера *Евразийской локальной цивилизации* от воздействия внешних и внутренних вызовов и угроз» [24, с. 31]. Однако и это определение не вполне удовлетворительно. Во-первых, помимо «способности народа удовлетворять потребности с минимальным риском для ущерба» (не понятно — какие конкретно, а также — каким образом), для обеспечения безопасности требуется обстановка доверия и сотрудничества субъектов мирового цивилизационного процесса (МЦП), совокупность охранительных и защитных действий и мер компетентных органов безопасности. Во-вторых, для категории цивилизационной безопасности, как и для национальной безопасности «стержневой страны», на наш взгляд, первостепенное значение имеют не риски какого-либо ущерба, а экзистенциальные угрозы самому существованию локальной цивилизации, а также угрозы ее жизнеспособности.

Представляется целесообразным предложить следующее *определение цивилизационной безопасности*: это самостоятельный вид безопасности больших надгосударственных культурно-исторических общностей или *локальных человеческих цивилизаций* (ЛЧЦ), взаимосвязанный с международной и национальной безопасностью, прежде всего с национальной безопасностью «стержневых стран», нацеленный на предотвращение и устранение экзистенциальных угроз их физическому существованию (военных, геополитических, климатических, экологических и др.), а также угроз жизнеспособности ЛЧЦ, подрывающих и ослабляющих потенциал ее экономических, демографических, межнациональных, межконфессиональных, духовно-идеологических, других составляющих. Основными объектами обеспечения безопасности ЛЧЦ являются:

- *экономические ресурсы* цивилизационного развития;
- *язык межкультурного взаимодействия народов* цивилизационной общности, «сшиваю-

щий» ее в единое социокультурное пространство, *ареал его распространения*;

- *государствообразующий народ* как наиболее влиятельная и многочисленная этно-национальная опора государства — институциональное политическое ядро ЛЧЦ, а также *межнациональное единство* всей семьи равноправных народов ЛЧЦ;

- *религиозные учения и верования*, формирующие освещенное божественными истинами и нравственными нормами мировоззрение людей, характерное для духовного облика цивилизационной общности;

- *материальные и духовные святыни ЛЧЦ* — большая и малая Родина, семья, святые места, уникальные природные заповедники, музейные фонды собраний шедевров, памятники архитектуры, атрибуты воинской славы и воинские мемориалы, сакральные архетипы и символы и др.;

- *историческая память* (как хронотоп⁵ и неотъемлемый источник преемственного цивилизационного развития) о важнейших вехах и истинном содержании пройденного народом пути, выдающихся событиях и достижениях, трагических временах и датах, понесенных потерях, национальных героях, народных обычаях и традициях и т.д.;

- *национальная идея и традиционные духовные ценности*, выражающие привлекательный для народов проект общественного устройства и развития, идеалы и нормы социального общежития.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

К сожалению, осознание необходимости обеспечения цивилизационной безопасности России не получило еще своего логического завершения в официальном признании данного термина на высшем политическом уровне, а также его закрепления в законодательстве и в документах стратегического планирования Российской Федерации, относящихся к сфере обеспечения безопасности страны. Если понятия «российская цивилизация», «Россия — государство-цивилизация»

стали широко применяться Президентом страны, государственными деятелями и политиками, то термин «цивилизационная безопасность России» практически ими не используется, несмотря на возросшие угрозы самому существованию Русского мира, проводимую странами коллективного Запада государственную политику отмены русской культуры (*cancel culture*) и всего русского.

Эта противоречивая ситуация требует скорейшего разрешения правовой коллизии и включения в закон «О безопасности», в Стратегию обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в Военную доктрину и другие документы стратегического планирования термина «цивилизационная безопасность России», что узаконит данный вид безопасности. Тем более, что отдельные задачи и меры деятельности органов государственной власти, относящиеся к вопросам информационной и духовной безопасности, национальной, конфессиональной, языковой и культурной политики, но, по сути, влияющие на обеспечение цивилизационной безопасности России, уже получили нормативное правовое закрепление в государственных документах. Так, действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации установила «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» в качестве первого стратегического национального приоритета из девяти выделенных в перечне⁶. Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года предусматривается «расширение ареала изучения и распространения русского языка в мире»; «обеспечение государственной охраны 100% объектов культурного наследия путем утверждения границ их территории и предметов охраны»⁷.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что «современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации». Соответственно, к основным направлениям национальной политики отнесены «сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного насле-

⁵ Хроното́п (от др.-греч. χρόνος — время и τόπος — место) — закономерная связь пространственно-временных координат. Термин, введенный А.А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований и затем (по почину М.М. Бахтина) перешедший в гуманитарную сферу.

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁷ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/?ysclid=lnucmektt9519989152>

дия и потенциала многонационального народа Российской Федерации (российской нации)»; «предупреждение попыток фальсификации истории России»; «сохранение и развитие культуры межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» и др.⁸

В целях «противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации в части, касающейся защиты традиционных ценностей», осуществляется «государственная политика Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁹.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сформулировать несколько основных выводов.

Во-первых, важное значение в условиях кризиса однополярного мирового порядка и доминирования западной цивилизации имеет развитие теории и практики обеспечения цивилизационной безопасности незападных локальных цивилизаций, включая российскую, против которой коллективным Западом развязана беспрецедентная по масштабу гибридная война, преследующая цель уничтожения России и Русского мира.

Во-вторых, осознание необходимости следования исконному цивилизационному пути

с одновременным обеспечением своей цивилизационной безопасности произошло в Российской Федерации во второй половине первого десятилетия XXI в., когда стала очевидной не-околониальная политика США и других стран западной цивилизации, проводимая в отношении России.

В-третьих, сам термин «цивилизационная безопасность» пока недостаточно устоявшийся и общеупотребимый в отечественной науке. Отсутствует и общепринятое определение цивилизационной безопасности Российской Федерации, основанное на понимании сущности российской локальной цивилизации и цивилизационной идентичности России.

В-четвертых, под цивилизационной безопасностью следует понимать самостоятельный вид безопасности больших надгосударственных культурно-исторических общностей или локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ), взаимосвязанный с международной и национальной безопасностью, прежде всего — «стержневых стран», нацеленный на предотвращение и устранение экзистенциальных угроз их физическому существованию (военных, геополитических, климатических, экологических и др.), а также угроз жизнеспособности ЛЧЦ, подрывающих и ослабляющих потенциал их экономических, демографических, межнациональных, межконфессиональных, духовно-идеологических и других составляющих.

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М.: АСТ; 2005.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М.: Книга; 1991.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? *Полис*. 1994;(1):33–48.
4. Павленко Ю.В. Цивилизационное развитие человечества как целостный процесс. *Философия и общество*. 1998;(3):155–189.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Пер. с англ. М.: Academia; 1999.
6. Naipaul V.S. Our Universal Civilization. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/06/07/specials/naipaul-universal.html>
7. Карадже Т.В. Тенденции мирового цивилизационного процесса. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 22.00.06. М.: МПГУ; 1998. 40 с.
8. Левченко Е.Н. Россия в современном цивилизационном процессе: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М.; 2007. 163 с.
9. Арнасон Й. Понимание межкультурного взаимодействия. *Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2015;(5):109–123.
10. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York; Simon and Schuster; 1996.
11. Лещенко В.В. О цивилизационной безопасности России. *Материалы XXX международной конференции «Проблемы управления безопасностью сложных систем»*. 2022;(1):66–72. DOI: 10.25728/icss.2022.26.70.004

12. Злобин А. Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее санкций. *Forbs*. URL: <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij>
13. Аграновский Д. Возвращение русского. Он снова становится всемирным языком свободы, прогресса и будущего! Московский комсомолец. 6 июня 2023 г.
14. Шустов А. Ареал русского языка в мире сокращается. *Эксперт. Евразия*. URL: <https://eurasia.expert/areal-russkogo-yazyka-v-mire-sokrashchaetsya/>
15. Сажнева Е. Хотят ли русские рожать? Депутаты предлагают методы решения демографического кризиса сродни статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Московский комсомолец. 2 июня 2023 г.
16. Феофанов К.А. Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: политологический анализ. Дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М.: ПА ФСБ России; 2005.
17. Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития. *Социодинамика*. 2023;(2):10–19.
18. Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс; 2001.
19. Киршин Ю. Цивилизационная составляющая национальной безопасности. Независимая газета. 1 февраля 2008 г.
20. Ходаковский Е.А. Цивилизационная безопасность и ее специфика в условиях российского государства. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.12. М.; 2000.
21. Топчиев М.С. Цивилизационная безопасность: различие интерпретаций в российском и западном дискурсе. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015;3(44):271–275.
22. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность? *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016;(6–7):38–43.
23. Пазюк Ю.В., Кобрина В.А., Ефимова В.П. Закон жизнестойкости локальных цивилизаций. *Труды ИСА РАН*. 2018;68(4):84–95.
24. Пазюк Е.В., Ефимова С.Н., Осипов С.Н. Актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России. *Труды ИСА РАН*. 2022;72(3):26–36.

REFERENCES

1. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Transl. from Eng. Moscow: AST; 2005. (In Russ.).
2. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world*. Moscow: Kniga; 1991. (In Russ.).
3. Huntington S. *Clash of Civilizations? Polis = Policy*. 1994;(1):33–48. (In Russ.).
4. Pavlenko Yu. V. Civilizational development of humanity as a holistic process. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 1998;(3):155–189. (In Russ.).
5. Bell D. *The Coming Post-Industrial Society*. Transl. from Eng. Moscow: Academia; 1999. (In Russ.).
6. Naipaul V.S. *Our Universal Civilization*. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/98/06/07/specials/naipaul-universal.html>
7. Karaje T.V. Trends in the world civilization process: author's abstract. Dis. ... Dr. Phil. Sciences: 22.00.06. Moscow: MPGU; 1998. 40 p. (In Russ.).
8. Levchenko E.N. Russia in the modern civilizational process: socio-philosophical analysis. Abstract. dis. ... cand. Philosopher Sciences: 09.00.11. Moscow; 2007. 163 p. (In Russ.).
9. Arnason J. Understanding intercivilizational interaction. *Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin = Moscow yearbook of works from social science disciplines*. 2015;(5):109–123. (In Russ.).
10. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York; Simon and Schuster; 1996.
11. Leshchenko V.V. On the civilizational security of Russia. *Materialy XXX mezhdunarodnoj konferencii "Problemy upravleniya bezopasnost'yu slozhnyh system" = Proceedings of the XXX international conference "Problems of security management of complex systems"*. 2022;(1):66–72. (In Russ.). DOI: 10.25728/icss.2022.26.70.004
12. Zlobin A. Russia has become the world leader in the number of sanctions imposed against it. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij> (In Russ.).

13. Agranovsky D. Return of the Russian. It is once again becoming the world language of freedom, progress and the future! Moscow's comsomolets. June 6, 2023 (In Russ.).
14. Shustov A. The area of the Russian language in the world is shrinking. *Expert. Eurasia*. URL: <https://eurasia.expert/areal-russkogo-yazyka-v-mire-sokrashchaetsya/> (In Russ.).
15. Sazhneva E. Do Russians want to give birth? Deputies propose methods for solving the demographic crisis akin to the articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow's comsomolets. June 2, 2023. (In Russ.).
16. Feofanov K.A. Security of civilizational development of Russia in the context of globalization: political science analysis. Dis. ... Dr. Polit. Sciences: 23.00.02. Moscow: PA FSB of Russia; 2005. (In Russ.).
17. Popov E.A. Spiritual security in the conditions of modern cultural and civilizational development. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2023;(2):10–19. (In Russ.).
18. Arin O.A. Twenty-first century: a world without Russia. Moscow: Alliance; 2001.
19. Kirshin Yu. Civilizational component of national security. Independent newspaper. February 1, 2008. (In Russ.).
20. Khodakovskiy E.A. Civilizational security and its specificity in the conditions of the Russian state. Dis. ... cand. Philosopher Sciences: 09.00.12. Moscow; 2000. (In Russ.).
21. Topchiev M.S. Civilizational security: difference in interpretations in Russian and Western discourse. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura = Caspian region: politics, economics, culture*. 2015;3(44):271–275. (In Russ.).
22. Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt S.I. Civilizational security of the modern world in the context of the actualization of civilizational identity: social utopia or promising reality? *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2016;(6–7):38–43. (In Russ.).
23. Pazyuk Yu.V., Kobrina V.A., Efimova V.P. The law of vitality of local civilizations. *Trudy ISA RAN = Proceedings of ISA RAS*. 2018;68(4):84–95. (In Russ.).
24. Pazyuk E.V., Efimova S.N., Osipov S.N. Current problems of ensuring civilizational security of Russia. *Trudy ISA RAN = Proceedings of ISA RAS*. 2022;72(3):26–36. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия

Vladimir M. Rodachin — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

Rodvm@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 02.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 02.05.2023; accepted for publication on 20.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-53-60
УДК 338(045)

Основные виды государственной поддержки организаций оборонно-промышленного комплекса

М.В. Мельник, М.Т. Велиханов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается необходимость развития и модернизации форм государственной поддержки предприятий оборонно-промышленного комплекса с учетом усиления санкционного давления. Проведен анализ и группировка форм поддержки, установленных нормативными правовыми актами и реализуемых специально созданными организациями. Результаты анализа показали, что по-прежнему основным направлением поддержки предприятий ОПК является финансовое. Для повышения эффективности данного направления предлагается усилить контроль за целевым использованием выделенных средств. Но для прорыва в области военной промышленности и обеспечения технологического суверенитета страны существенно большее внимание следует уделить информационной поддержке и контролю за укреплением связей предприятий ОПК с ведущими научно-исследовательскими институтами и промышленными предприятиями. Авторы также предлагают усилить работу по повышению квалификации кадрового состава предприятий и дают рекомендации по совершенствованию направлений развития хозяйственных связей оборонно-промышленных предприятий с другими отраслями.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс; государственная поддержка; гособоронзаказ; промышленная политика; механизм финансового обеспечения; стратегическое планирование; пространственное развитие

Для цитирования: Мельник М.В., Велиханов М.Т. Основные виды государственной поддержки организаций оборонно-промышленного комплекса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-53-60

ORIGINAL PAPER

The Main Types of State Support for Organizations of the Military-industrial Complex

M.V. Melnik, M.T. Velikhanov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article substantiates the need for the development and modernization of state support forms for the military-industrial complex enterprises due to the growing sanctions pressure. Such tasks as the analysis and grouping of state support forms, which are established by regulatory legal acts and implemented by specially created organizations, were carried out. The results of the analysis showed that, as before, the main direction of support for the defense industry enterprises is the financial one. In order to increase the effectiveness of this direction, the authors propose strengthening control over the targeted use of allocated funds. However, in order to make a breakthrough in the field of military industry and securing the technological sovereignty of the country, much more attention should be paid to information support and control over the strengthening of connections between defense industry enterprises and leading research institutes or industrial enterprises. The authors propose to enhance efforts to improve the qualifications of enterprise personnel and provide recommendations for improving the development directions of economic relations between military-industrial enterprises and other industries.

Keywords: military-industrial complex; state support; state defense order; industrial policy; financial support mechanism; strategic planning; spatial development

For citation: Melnik M.V., Velikhanov M.T. The Main types of state support for organizations of the military-industrial complex. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):53-60. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-53-60

ВВЕДЕНИЕ

Развитие оборонно-промышленного комплекса является одним из приоритетных и стратегически важных направлений в рамках государственной промышленной политики. В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации (далее — Военная доктрина) основной задачей развития оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК) является «обеспечение эффективного функционирования как высокотехнологичного многопрофильного сектора экономики страны, способного удовлетворить потребности Вооруженных Сил, других войск и органов в современном вооружении, военной и специальной технике и обеспечить стратегическое присутствие Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичной продукции и услуг»¹.

В данном контексте ОПК стоит рассматривать как в качестве «фундамента безопасности государства, играющего системообразующую роль в социально-экономическом развитии страны и обеспечивающего России статус великой державы» [1], так и в качестве двигателя экономического развития страны. Несмотря на то что определение ОПК нормативно не закреплено в действующем законодательстве, предлагается понимать под этим совокупность экономических субъектов, деятельность которых направлена на создание и поставку высокотехнологичной продукции военного и двойного назначения.

Независимо от влияния внешних факторов, оборонно-промышленный комплекс характеризуется большей гибкостью и адаптивностью, что обусловлено слаженной системой и эффективными механизмами его управления. Исследования организационно-экономических аспектов и современных видов государственной поддержки организаций ОПК отражены во множестве научных работ [2–6]. Стратегические приоритеты промышленной политики могут различаться в зависимости от экономического состояния страны и ее концептуальных принципов, находящихся свое отражение в национальных целях развития. Однако можно выделить основные:

- Развитие инноваций и технологического прогресса. Именно инновации способствуют

росту конкурентоспособности продукции на мировом рынке, расширению экспорта и созданию новых рабочих мест.

- Поддержка представителей малого и среднего предпринимательства. Данные экономические субъекты закладывают основу для создания новых рабочих мест и развития инноваций посредством производства и внедрения новых технологических продуктов.

- Улучшение инфраструктуры для сбыта продукции и логистического доступа к внутренним и внешним рынкам. Транспорт (автомобильные и железные дороги, порты, аэропорты и др.) играет важную роль в развитии промышленности, способствуя обеспечению доступа к международным рынкам.

- Защита окружающей среды и обеспечение экологической безопасности с учетом глобальной повестки по устойчивому развитию² и положений Стратегии по экологической безопасности Российской Федерации³.

- Развитие кадрового потенциала. Необходимо способствовать организации профессионального обучения, повышению квалификации специалистов и созданию условий для непрерывного образования, так как кадровые ресурсы ОПК выступают в качестве связующего звена в интеграции с иными ресурсами [7].

Таким образом, для выполнения целей и задач в рамках достижения стратегических приоритетов Военной доктрины в области развития ОПК применяются следующие меры государственной поддержки, установленные нормативными правовыми актами⁴:

- финансовая поддержка (предоставление субсидий и налоговых льгот);

- информационно-консультационная поддержка (создание государственных информационных систем);

- поддержка научно-технической и инновационной деятельности в сфере промышленности (стимулирование спроса на инно-

² Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

³ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/

⁴ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/

вационные технологии, создание условий для координации деятельности субъектов в сфере промышленности и их кооперации и т.д.);

- поддержка развития кадрового потенциала (для образовательных организаций и др.);
- поддержка внешнеэкономической деятельности (оказание содействия в продвижении отечественной продукции на зарубежные рынки и т.д.);
- поддержка предоставления государственных и муниципальных преференций (создание условий, запретов и ограничений на импортную продукцию; приоритетность отечественной промышленной продукции при осуществлении государственных и муниципальных закупок).

Геополитическое воздействие и повышенный спрос на отечественную инновационную продукцию военного и двойного назначения обуславливают высокий уровень актуальности рассматриваемого вопроса. При этом трансформация в национальном секторе экономики, ускоренное научно-технологическое развитие в интересах обороноспособности государства вызывают дополнительную необходимость в создании новых направлений и совершенствовании имеющихся механизмов поддержки предприятий ОПК.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для эффективного выполнения государственных программ развития оборонно-промышленного комплекса необходимо сформировать комплексный и согласованный механизм их поддержки. В современных условиях основное внимание уделяется развитию финансового направления поддержки действующих организаций, а также научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ по созданию новых видов продукции ОПК. Вместе с тем целесообразно рассматривать разнонаправленные формы поддержки, которые характерны для разных периодов жизненного цикла организаций — от создания до модернизации соответствующих бизнес-процессов, необходимых для повышения эффективности их деятельности. В этой связи целесообразно выделить следующие направления:

1. Информационно-коммуникационная поддержка, которая необходима в первую очередь при открытии новых производств и формировании новых корпоративных структур.

Она связана с четким информационным обеспечением подразделений перспективного развития и технического оснащения производства (НИР, НИОКР и т.д.). Это позволяет оценить правомерность поставленных задач и выбор программ их реализации для достижения инновационных целей, определенных в государственных и корпоративных документах — стратегиях развития отдельных отраслей ОПК, региональных программах развития и т.д.

Раздел информационного обеспечения включает научно-техническую информацию, данные об уровне разработок в определенных направлениях в России и за рубежом, достижениях ведущих организаций соответствующего профиля. Таким образом можно оценить целевую направленность новых видов продукции и их конкурентоспособность относительно технических характеристик.

Вместе с тем регулярные знакомства с информацией о лучших достижениях компаний, имеющих соответствующую специализацию в области использования современных технологий и методов организации бизнес-процессов и производственных структур, способствуют своевременному включению в текущее производство модернизированных процессов и организационных мероприятий. Это касается привлечения современных информационных технологий, автоматизации процессов контроля на основе использования современных приборов и механизмов, непрерывного наблюдения за ходом производства и прогнозирования необходимых изменений с учетом имеющихся и вероятных рисков.

На основе риск-ориентированного контроля со стороны центра управления (руководства предприятия, определяющего финальные процессы, материнской или управляющей компании) над всеми участниками проекта дается объективная оценка приоритетности планируемых мероприятий, распределения капитальных вложений и изменения форм организационного и финансового взаимодействия учетно-контрольной структуры.

Коммуникационные системы способствуют постоянной и устойчивой связи между участниками цикла разработки, производства и продвижения готовой продукции на основе регулярного получения необходимой информации, ответов на запросы организаций. То есть в рамках корпоративной структуры формиру-

ется документооборот, ориентированный на устойчивые связи и позволяющий оперативно наладить получение разной, как правило, риск-ориентированной информации.

Можно подчеркнуть три уровня документооборота: между отдельными участниками — исполнителями определенной стадии совокупного бизнес-процесса производства конечной продукции; между самостоятельными в разной степени организациями (подразделениями, филиалами, юридическими лицами), реализующими соответствующий проект и связанными с центральными организациями управления корпоративной структурой; внешний документооборот с основными стейкхолдерами (заинтересованными лицами), включая вышестоящие организации управления, заказчиков, поставщиков и постоянных партнеров.

2. Информационная поддержка ОПК, базирующаяся на установлении активного взаимодействия корпоративной структуры с органами территориального управления, на территории которых функционирует предприятие корпоративной структуры. Эта связь носит многонаправленный характер — от создания благоприятных условий функционирования предприятий ОПК до рекомендаций о включении в состав корпоративной структуры конкретных предприятий региона или устойчивого предоставления услуг предприятиям ОПК. Это относится в первую очередь к организациям вспомогательного и обслуживающего производства. Первостепенное значение имеет транспортное обслуживание деятельности предприятий ОПК — от обеспечения качественного состояния дорог (включая местные дороги), до непосредственного подведения их к территории предприятия ОПК, что предполагает разработку рациональных логистических схем, ориентацию на использование дорог регионального и местного назначения и оценку их достаточной пропускной способности в рамках структуры ОПК. Эти услуги способны обеспечивать как внутрирегиональные, так и глобальные перевозки на территории страны и за ее пределами. В данный процесс могут быть включены услуги коммунальных предприятий и специальные организации, занимающиеся складированием и хранением сырьевых ресурсов и готовой продукции предприятий ОПК. При этом необходимо четко выделять требова-

ния, предъявляемые к перевозке и хранению стандартных материалов и специфической продукции ОПК (для последних корпорация может создавать специализированные, вспомогательные и обслуживающие подразделения).

Большую роль для комфортного функционирования предприятий ОПК имеет привлечение спортивно-культурных и культурно-просветительных организаций, создание релаксационных зон для работников предприятия и т.д. Это, с одной стороны, позволяет решать задачу социальной ответственности данных предприятий без увеличения непрофильных активов, а с другой — активизировать региональные органы управления в целях формирования социальной инфраструктуры с привлечением средств ОПК. Возможно также прямое участие в финансировании конкретных организаций либо увеличение загруженности таких учреждений и ускорение окупаемости вложений, осуществляемых региональными органами управления. Кроме того, следует отметить, что данные учреждения могут стать местом работы членов семей работников предприятий ОПК. Таким образом, соответствующее сотрудничество будет способствовать не только повышению эффективности работы ОПК, но и улучшению использования бюджетных средств в регионах и в целом по стране.

Предприятия ОПК, выполняя крупные задачи, могут в значительной мере способствовать развитию экономики регионов, привлекая местные предприятия — как государственные, так и коммерческие, к выполнению определенных процессов производства (чаще всего — вспомогательных и обслуживающих). Однако это могут быть и основные процессы, касающиеся оживления базовых отраслей производства: машиностроения, строительства и др. В данном случае предприятия принимают на себя обязанность выполнять часть гособоронзаказа, одновременно возрождая традиционные отрасли промышленности региона. Таким образом, устойчивое взаимовыгодное сотрудничество может быть налажено и в целях двойного использования новых технологий — для выполнения заказов ОПК и для собственных нужд.

При обсуждении вопросов развития малого бизнеса часто говорится об обязательной передаче работ по государственному

заказу в определенном объеме от крупных предприятий — малым. Это реально может содействовать повышению загруженности местного населения, созданию новых рабочих мест и укреплению муниципальных и региональных бюджетов. Особое значение данное направление сотрудничества имеет для малых предприятий — стартапов. В дискуссии о повышении эффективности деятельности предприятий ОПК часто ставится вопрос о необходимости диверсифицированных технологий, разрабатываемых ими, на гражданских предприятиях. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что некоторые технологии, созданные малыми предприятиями, могут использоваться в определенных процессах предприятий ОПК. Малые предприятия, особенно в рамках создания и реализации стартапов, могут играть ключевую роль в данном направлении, а ОПК — формировать специальные заказы в целях совершенствования производственных и управленческих процессов, связанных с использованием современных информационных технологий, разработкой программных продуктов, созданием информационных систем и т.д. Это можно рассматривать как новое направление рационализации и сотрудничества, как продолжение традиционного изобретательства в рамках крупных советских предприятий в период индустриализации и проведения экономических реформ в 60–70-х гг. XX в. Именно в это время создавались отраслевые институты по организации, которые провели весьма интересные исследования в части стратегии развития определенных отраслей производства, прежде всего в электронной промышленности, приборостроении. Важным результатом такой работы стало формирование проектов «предприятий будущего», в которых учитывалось создание новых видов продукции, имеющих лучшие потребительские свойства, что стало основой привлечения прогрессивных технологий и использования методов организации производственного процесса.

Подобное взаимное обогащение и обмен опытом могут обеспечить повышение эффективности деятельности предприятий ОПК и ускорение решения ряда задач, стоящих перед базовыми отраслями производства.

3. Консультативная поддержка также является важным направлением. Как правило, она

связана, прежде всего, с проведением независимой экспертизы управленческих решений, принимаемых на стадии реализации традиционных задач и выбора прогрессивных программ для их достижения. Консультационные фирмы обладают большими массивами данных, что позволяет определить приоритеты конкретных объектов в решении технических, организационных и экономических задач. При этом специалисты используют разнообразные аналитические методики и модели, формируют систему показателей, характеризующих качественные параметры разных видов продукции, определяют факторы, влияющие на формирование и результаты эксплуатации продукции в разных условиях для подтверждения экономической эффективности, надежности и устойчивости в рамках предприятия. Консультационные организации могут обосновать плюсы и минусы выбора разных видов продукции аналогичного назначения, выбрать экономичные методы их производства и рекомендовать основных партнеров для кооперации при выполнении выбранных программ. Последнее имеет особое значение. Так, в ряде проведенных исследований приведены примеры выбора лучших партнеров, которые добились достаточно высоких характеристик готового продукта при экономичности затрат и сокращении сроков достижения поставленных целей, т.е. практически — варианты формирования корпоративной структуры на основе включения в нее лучших исполнителей определенных бизнес-процессов и изготовителей отдельных элементов готовой продукции [8].

Консультативная поддержка необходима при выборе разовых партнеров по поставке конструктивных материалов или стандартных деталей и узлов продукции. В этом случае консультация может быть оказана как комплексная услуга осуществления заказов (регулирование процесса закупок).

Консультационные организации часто привлекаются для проведения экономических мероприятий, предварительного (стратегического) аудита, а также для оценки деятельности участников корпоративных структур и их экономического состояния, эффективности предлагаемых ими решений по развитию технологий и техники в части привлечения использования или приобретения нового оборудования. Все эти во-

просы часто требуют независимой экспертизы, что не всегда может быть реализовано внутри соответствующей корпоративной структуры. Более того, необходимо привлечение высококвалифицированных специалистов узкого профиля, что способно вызвать неоправданное расширение органов управления отдельных предприятий ОПК.

4. Кадровая поддержка предприятий ОПК связана как с развитием базовой подготовки специалистов соответствующих отраслей и профессий, так и с организацией их своевременной переподготовки и повышения квалификации.

В настоящее время для предприятий ОПК при решении этих вопросов предусмотрено выделение специальных субсидий. Однако этого, на наш взгляд, недостаточно. Для укрепления ОПК необходима, прежде всего, подготовка высококвалифицированных рабочих и инженеров, а также менеджеров, знающих специфику бизнес-процессов, типичных для отдельных организаций ОПК, и имеющих опыт управления крупными экономическими субъектами. Естественно, при поступлении на новую работу им необходимо пройти дополнительную подготовку с учетом конфиденциальности используемой информации и возможностей коммуникационных связей. Но основа формирования коллектива должна базироваться на общепрофессиональной квалификации работников.

Для решения этих вопросов целесообразно ввести новые направления подготовки кадров разного уровня квалификации в системе управления предприятием ОПК. Но в первую очередь повышение квалификации коллектива зависит от уровня подготовленности и отношения к труду рабочих основных производственных процессов, труд, степень ответственности и дисциплинированности которых связаны со спецификой выпускаемой продукции. Здесь целесообразно продумать вопрос создания специальных колледжей для профессиональных предприятий ОПК (по типу производственно-технических училищ — ПТУ). В этой части наиболее интересен, на наш взгляд, опыт Германии, где подготовка рабочих высшей квалификации проводится в специальных колледжах, а в государственном и региональном масштабах устраиваются конкурсы в целях выделения групп (а иногда команд) высшей квалификации

для исполнения особо ответственных бизнес-процессов.

В настоящее время происходит перестраивание процесса подготовки научно-технических и экономических кадров для ОПК. Например, в технических вузах открываются специальные направления, привлекаются в качестве преподавателей специалисты с действующих предприятий, знающие четкие требования к специфическим условиям функционирования ОПК. Однако для реальной квалифицированной работы в ОПК учащиеся должны получить более частные рекомендации, касающиеся направленности деятельности предприятия (массовые виды вооружений, уникальные механизмы и установки и т.д.). Для этого необходимы целевые группы, что характерно для магистерской формы обучения. Возможно проведение подготовки специалистов, обеспечивающих безопасность деятельности ОПК, и особенно — технических служб. Нужно также продумать вопрос о создании корпоративных систем повышения квалификации руководителей и специалистов предприятий ОПК совместно с ведущими вузами (или с привлечением на предприятия ведущих профессоров тех учебных заведений, где обучаются специалисты определенного профиля).

По-прежнему актуальна подготовка военных, которые могут специализироваться по конкретным отраслям экономики.

ВЫВОДЫ

Конечно, по-прежнему основным направлением поддержки предприятий ОПК является финансирование. Однако для повышения его результативности целесообразно определить и установить:

- статус государственных предприятий, действующих в сфере ОПК;
- границы функционирования предприятий ОПК как коммерческой организации;
- порядок и условия кредитования предприятий ОПК, включая целенаправленность, обоснование сроков, формирование кредитных ставок и специальных субсидий;
- порядок формирования учета доходов предприятий ОПК;
- особенности налогообложения предприятий ОПК;
- особенности мотивации участников корпоративных структур ОПК, включая собствен-

ников, акционеров и работников, в первую очередь ведущих менеджеров;

- специфику оценки экономической устойчивости организаций ОПК и систему их банкротства;

- особенности продажи подразделений ОПК коммерческим организациям;

- условия закрытия и продажи (передача в частную собственность целого предприятия ОПК или его части).

Без четкого решения этих вопросов многие позиции государственной поддержки предприятий ОПК трудно реально оценить и применить.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was written basing on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пронин А.Ю. Диверсификация оборонно-промышленного комплекса — инновационный путь развития экономики России. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020;11(3):10–14.
2. Глазкова В.В. Состояние и основные тенденции развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. *E-Management*. 2021;4(4):16–23.
3. Довгучиц С.И. Цифровая трансформация и диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса. *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2020;4(4):39–42.
4. Довгучиц С.И., Журенков Д.А. Проблемы диверсификации оборонно-промышленного комплекса и пути их решения. *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2017;4(4):7–17.
5. Каштанова Е.В., Сувалова Т.В. Современные тенденции кадрового обеспечения предприятий оборонно-промышленного комплекса России: проблемы системы подготовки кадров и пути решения. *E-Management*. 2021;4(4):86–96.
6. Мишин Ю.В. Организационно-экономические аспекты государственной поддержки предприятий и организаций отечественного ОПК. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2019;10(2):144–165.
7. Надточий Ю.Б., Горелова Л.И. Проблемы ресурсного обеспечения предприятий ракетно-космической отрасли. *Вопросы инновационной экономики*. 2019;9(2):541–588.
8. Зотов В.М. Теоретико-методологическое обеспечение сбалансированного инновационного развития российской промышленности. Дисс. ... д-ра эконом. наук: 08.00.05. М.: Финансовый университет; 2022. 491 с.

REFERENCES

1. Pronin A. Y. Diversification of the military-industrial complex is an innovative way of development of the Russian economy. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: theory and practice*. 2020;11(3):10–14. (In Russ.).
2. Glazkova V. V. The state and main trends in the development of the military-industrial complex of the Russian Federation. *E-Management*. 2021;4(4):16–23. (In Russ.).
3. Dovguchits S. I. Digital transformation and diversification of enterprises of the military-industrial complex. *Nauchnyj vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii = Scientific Bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2020;4(4):39–42. (In Russ.).
4. Dovguchits S. I., Zhurenkov D. A. Problems of diversification of the military-industrial complex and ways to solve them. *Nauchnyj vestnik oboronno-promyshlennogo kompleksa Rossii = Scientific Bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2017;4(4):7–17. (In Russ.).
5. Kashtanova E. V., Suvalova T. V. Modern trends in staffing of enterprises of the Russian military-industrial complex: problems of the personnel training system and solutions. *E-Management*. 2021;4(4):86–96. (In Russ.).
6. Mishin Y. V. Organizational and economic aspects of state support of enterprises and organizations of the domestic defense industry. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) = The MID (Modernization. Innovation. Development)*. 2019;10(2):144–165. (In Russ.).

7. Nadtochiy Y.B., Gorelova L.I. Problems of resource provision of rocket and space industry enterprises. *Voprosy innovacionnoi ekonomiki = Issues of innovative economy*. 2019;9(2): 541–588. (In Russ.).
8. Zotov V.M. Theoretical and methodological support of balanced innovative development of the Russian industry. Diss. of the Doctor of Economics. Sciences: 08.00.05. Moscow: Financial University; 2022. 491 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Викторовна Мельник — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента аудита и корпоративной отчетности факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; главный научный сотрудник Центра научных исследований и стратегического консалтинга факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия

Margarita V. Melnik — Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor of the Department of Audit and Corporate Reporting of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Chief Researcher of the Center for Research and Strategic Consulting of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis; Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7428-9535>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MMargarita@fa.ru

Марат Тахирович Велиханов — стажер-исследователь Центра научных исследований и стратегического консалтинга факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия

Marat T. Velikhanov — Trainee researcher at the Center for Scientific Research and Strategic Consulting of the Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9841-0774>

MTVelikhanov@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.08.2023; принята к публикации 28.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.08.2023; accepted for publication on 28.09.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66
УДК 321(045)

Психокоммуникативные основы политики ядерного сдерживания: проблема рациональности и попытки выйти за пределы равновесия

С.В. Лебедев

Финансовый университет, Москва, Россия; РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются психологические и коммуникативные аспекты ядерного сдерживания. Демонстрируется, что обязательным условием является рациональность субъектов, причем приписываемая политическим акторам школой реализма и неореализма. Показывается, что в результате устанавливается «хрупкое равновесие страха», в результате которого ни один из субъектов не может увеличить свой выигрыш, просто меняя стратегию. При этом субъекты стремятся переломить эту ситуацию, развивая военные технологии и адаптируя свои доктрины.

Ключевые слова: ядерное сдерживание; реализм; теория рационального выбора; рациональность; просчитанная двусмысленность; «дипломатия безумца»

Для цитирования: Лебедев С.В. Психокоммуникативные основы политики ядерного сдерживания: проблема рациональности и попытки выйти за пределы равновесия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66

ORIGINAL PAPER

Psychological and Communicative Aspects of Nuclear Deterrence: The Issue of Rationality and Attempts to Go Beyond the Equilibrium

S.V. Lebedev

Financial University, Moscow, Russia; RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is dedicated to the study of psychological and communicative aspects of nuclear deterrence. Author emphasizes that rationality of political agents is a crucial condition, specifying that it must be realist or neorealist rationality. The article shows that deterrence results in “delicate balance of terror” – the situation when none of political agents can maximize its gains by only changing his strategy. Nevertheless, political subjects try to change situation developing military technologies and altering their doctrines.

Keywords: nuclear deterrence; realism; rational choice theory; rationality; calculated ambiguity; “madman diplomacy”

For citation: Lebedev S.V. Psychological and communicative aspects of nuclear deterrence: The issue of rationality and attempts to go beyond the equilibrium. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):61-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-61-66

Теория ядерного сдерживания стала формироваться в политической мысли в 1950-х гг., однако ее «зачатки» можно было обнаружить в размышлениях политиков и полководцев на протяжении всей истории — к примеру, китайский стратег Сунь Цзы утверждал, что «подчинить врага не сражаясь» — вершина военного искусства.

Однако автор не ставит своей целью анализ военно-стратегических аспектов ядерного сдерживания, а предлагает рассмотреть его с психокоммуникативных позиций — сделать упор на проблеме рациональности субъектов, обмене сигналами, достоверности сигнализирования и т.п.

Концепция ядерного сдерживания была хорошо отражена в метафоре «хрупкого рав-

новесия страха» [1] (delicate balance of terror). Также основную идею ядерного сдерживания лаконично сформулировал французский лидер Шарль де Голль: «Сдерживание начинается с того момента, когда возникает возможность убить на территории государства-агрессора достаточное количество людей, чтобы у него появилось убеждение в том, что игра не стоит свеч» [2].

Иными словами, сдерживание во многом зависит от того, как субъекты передают, получают и перерабатывают информацию. Известный российский ученый, политолог-международник В. М. Сергеев пишет, что «в ядерную эпоху вооруженный конфликт ... может быть только семиотическим в важнейших своих аспектах процессом, то есть коммуникативным взаимодействием» [3]. При этом он добавляет, что ядерный удар «приобретает знаковый характер» и направлен на «психологическое воздействие на реципиента». Представляется, что этот тезис позволяет еще в большей степени говорить о коммуникативно-психологической составляющей фазы, которая предшествует ядерной войне. Именно эта проблематика и будет рассмотрена в данной статье.

Во-первых, важной предпосылкой ядерного сдерживания является рациональность политических субъектов, причем рациональность в де-факто экономическом понимании. Здесь необходимо уточнить, что обычно в политической науке и экономической теории под рациональностью понимается поведение, ориентированное на максимизацию полезности, при этом полезность понимается преимущественно через материальную призму — как максимизация власти и богатства (политической ренты), хотя также допускается максимизация полезности в виде исполнения идеологических императивов. Иная трактовка рациональности сразу же подрывает базовые предпосылки философии сдерживания. К примеру, религиозный фанатик, убежденный, что, умерев за веру, он приобретет больше благ в «загробном мире», может рассматриваться как вполне рациональный максимизатор полезности, несмотря на самоубийственное поведение. Российский специалист по ядерно-политической проблематике А. В. Фененко приводит исторические примеры «иррациональных» идеологий, которые в теории могли подтолкнуть своих адептов использовать ядерное оружие, несмотря ни на что (немец-

кий нацизм и японская философия кокутай¹, ставшая, по сути, милитаристской в XX в.) [4].

Именно этот аспект ядерного сдерживания — экономически понимаемая рациональность субъектов — позволяет с тревогой смотреть на достаточно децентрализованную систему ядерного командования в Пакистане, в которую теоретически могут проникнуть «спящие агенты» с джихадистской идеологией.

Таким образом, «хрупкое равновесие страха» основывается на экономически трактуемой рациональности субъектов ядерного сдерживания. Во время холодной войны основные противники рассматривали себя как рациональных политических игроков, не заинтересованных в коллективном самоубийстве, поэтому принцип «взаимно гарантированного уничтожения», сформулированный Д. Бреннаном, достаточно успешно работал, несмотря на все свои ограничения.

Сторонники теоретико-игрового подхода к международным отношениям утверждали, что «хрупкое равновесие страха» является отличной иллюстрацией «равновесия Нэша», т. е. гипотетической ситуации, когда ни один из участников не может увеличить свой выигрыш при смене стратегии, если контрагент не поменяет свою стратегию.

Как отмечает коллектив авторов под руководством В. Г. Барановского, «спираль эскалации может раскручиваться не только с военно-технической, но и с военно-стратегической (доктринальной) стороны» [5]. Иными словами, если брать опыт холодной войны, то можно сказать, что субъекты сдерживания стремились увеличить свой «выигрыш» с помощью военно-технических (ПЛАРБ — подводные ракетоносцы, способные незаметно подобраться к территории противника и нанести удар, который не даст шансов успеть нанести ответный; системы ПРО и т. п.) и доктринальных новшеств.

Насколько можно судить, советское руководство делало упор на военно-технических аспектах сдерживания (например, так называемая система «Периметр»), хотя не сбрасывало

¹ В научном дискурсе не сложилось устойчивого терминологического клише относительно японского милитаризма времен Второй мировой войны: часть называет его фашизмом, а часть — просто милитаризмом. Термин «кокутай» также является небесспорным, так как изначально эта доктрина не несла такого шовинистического заряда и была существенно переработана японской военной пропагандой.

со счетов и стратегические (доктринальные) аспекты. Руководство США уделяло концептуальным аспектам несколько большее значение, что, вероятно, связано с бурным развитием американской политической науки (в том числе, и школ международных отношений) и наличием возможности у академических и экспертных кругов доносить свою точку зрения до Вашингтона — но, конечно же, с учетом политической конъюнктуры².

Как уже отмечалось, на практике развитие международных отношений и военной мысли приводило к попыткам выйти за пределы «хрупкого равновесия страха», не подвергая себя и свое государство опасности. Один из «отцов-основателей» реализма как школы международных отношений Ганс Моргентау в статье «Четыре парадокса ядерной стратегии» отмечал, что политика сдерживания пропитана определенными противоречиями: например, с одной стороны, государства декларируют свою приверженность политике разоружения и одновременно с этим наращивают ядерные потенциалы. Более того, в целом государства были бы не против использовать ядерное оружие, если бы не опасались серьезных последствий ядерной эскалации [6]. Поэтому возникал крайне любопытный парадокс — «абсолютное оружие» было в определенном смысле абсолютно бесполезным как инструмент достижения военнo-значимых целей. Из этого логически вытекал вопрос: а стоит ли вообще как-либо принимать в расчет воинственную ядерную риторику того или иного политического субъекта при условии, что последний считается рациональным и ориентированным на максимизацию своих выгод?

² Следует отметить, что американская внешняя политика, на самом деле, не является настолько продуманной и научно-обоснованной, как хотели бы представить ее в Белом доме. К примеру, Ричард Хананья в работе «Теория общественного выбора и большая стратегия» показывает, что американские президенты проходят электоральный отбор, который, однако, никак не связан со способностью продумывать долгосрочную внешнеполитическую стратегию. Ключевым условием для победы на выборах является ситуация незадолго до них, а никак не долгосрочные тенденции. Поэтому у американских президентов нет серьезных стимулов думать о долгосрочной внешнеполитической стратегии, так как это никак не повлияет на их шансы прийти к власти или быть переизбранными. В целом, Хананья считает, что любое демократическое государство испытывает серьезные трудности с выработкой долгосрочной внешнеполитической линии и допускает, что у авторитарных государств с сильным лидером есть в этом плане серьезные преимущества.

Иными словами, предпосылка рациональности субъектов ядерного сдерживания позволяла допустить, что они не решатся применить ядерное оружие в большинстве ситуаций. На этом основывался сформулированный политическими исследователями парадокс **«стабильности-нестабильности»**, согласно которому ядерное оружие гарантирует стабильность на стратегическом уровне (т.е. ядерная держава А избегает прямой агрессии против ядерной державы Б), однако при этом растет число локальных конфликтов с участием ядерных держав, так как каждая из них уверена, что другая не станет применять ядерное оружие для защиты своего неосновного союзника. Также — на уровне рассуждений — возникает вопрос: а будет ли тот иной субъект ядерного сдерживания использовать ядерное оружие в критической для себя ситуации или все же не решится? И в этом контексте ряд исследователей указывали на опыт Второй мировой войны — даже в условиях неминуемого поражения нацистский режим не решился³ использовать химическое оружие [7], опасаясь зеркальных мер.

Именно поэтому перед субъектами ядерного сдерживания вставали вопросы: а как доказать, что угроза достоверна? как доказать, что в ситуации X мы будем готовы применить ядерное оружие?

Эта проблема получила название «рациональной иррациональности» — чтобы убедить вероятного противника в серьезности угрозы, необходимо коммуницировать тот факт, что ты готов вести себя «иррационально» (так называемая «дипломатия безумца»).

Одним из выходов из этих затруднений стала концепция «предпоследнего шага», согласно которой тот или иной субъект сдерживания делает эскалирующий шаг («предпоследний») и предлагает своему контрагенту выбор — или перевести конфликт в ядерную плоскость (совершить «последний шаг»), или предпочесть деэскалацию. Например, в ходе Карибского кризиса советский лидер Н. С. Хрущев и американский

³ Следует подчеркнуть, что речь шла именно о страхе симметричного ответа, а не об опасении нарушить некое табу. Историки указывают, что Германия планировала использовать боевые отравляющие вещества против СССР в 1942 и 1943 гг., однако отказывалась от этих планов после публичного обещания союзников СССР сбросить химические бомбы на Берлин в качестве ответного шага.

лидер Дж. Ф. Кеннеди поочередно совершали «предпоследние шаги». Сначала Н. С. Хрущев разместил ракеты на Кубе («предпоследний шаг») и перед Кеннеди встал выбор — нанести удар по советским ракетам («последний шаг») или поступить иначе. Он предпочел начать морскую блокаду Кубы (тоже «предпоследний шаг») вместо атаки. Перед Хрущевым встал выбор — попытаться прорвать морскую блокаду (это был бы «последний шаг»), что привело бы к прямому столкновению ядерных сверхдержав, или поступить как-то иначе. Советский лидер не стал делать ни «последнего шага», ни очередного «предпоследнего шага», а вместо этого выбрал деэскалацию — распорядился убрать ракеты с Кубы.

Следует добавить, что Карибский кризис ни в коем случае не следует воспринимать как «отступление» СССР, так как советское руководство смогло достичь ряда серьезных геополитических целей.

Во-первых, была заключена неофициальная договоренность о том, что американские баллистические ракеты «Юпитер» будут убраны из Турции — что и было сделано в течение нескольких месяцев.

Во-вторых, США дали гарантии ненападения на Кубу.

В-третьих, Карибский кризис имел серьезный политико-коммуникативный потенциал — он заставил американскую элиту серьезно и с уважением относиться к национальным интересам Советского Союза и заложил предпосылки для старта разрядки в международных отношениях. Последний вывод позволил ряду международных экспертов говорить о том, что в целом подобные кризисы в определенной степени «полезны» для мировой политики и гарантируют долгосрочную стратегическую стабильность, однако подобная точка зрения представляется крайне сомнительной и даже несколько безответственной.

Возвращаясь к проблеме достоверности сдерживания (как доказать, что А реально применит ядерное оружие в случае X), следует отметить, что военно-политическое руководство ядерных держав рано или поздно приходило к мысли о целесообразности создания так называемой «ядерной доктрины», т.е. документа или корпуса документов, которые перечисляли бы условия применения ядерного оружия (то, что сейчас принято называть «красными линиями»).

Однако подобное документально оформленное декларирование принципов сдерживания приводило к очередному парадоксу — получая, что государство Б, изучив ядерную доктрину своего геополитического оппонента — государства А, получало информацию, какие недружественные шаги относительно государства А оно может предпринять, не опасаясь ядерной эскалации. Говоря простыми словами, ядерная доктрина с предельно четко обозначенными «красными линиями», по сути, давала карт-бланш на враждебные действия, которые эти линии не пересекают.

Одним из доктринальных ответов американского руководства стала политика «просчитанной двусмысленности» (*calculated ambiguity*) в отношении применения ядерного оружия и других внешнеполитических вопросах. Идея заключалась в том, что США сознательно не проводят четких «красных линий», чтобы вероятный геополитический оппонент не располагал точной информацией, какие его шаги приведут к ядерной эскалации, а какие — нет. Эта политика рассматривалась США как способ максимизировать свой выигрыш применительно к различным внешнеполитическим ситуациям, — не только относительно ядерного оружия. Идея «просчитанной двусмысленности» заключается в том, что возможный геополитический оппонент не располагает точной информацией о ситуации, а из этого следует, что он теряет чувство контроля, необходимое (согласно теории рационального выбора и школе реализма) для перехода к активным военным действиям.

Коротко рассмотрим применение этого принципа «просчитанной двусмысленности» к проблеме Тайваня. Следует напомнить, что остров Тайвань позиционирует себя как автономное от КНР политическое образование, хотя и не решается напрямую провозгласить себя независимым государством. США не поддерживают официальные дипломатические отношения с Тайванем, но при этом по факту имеют очень тесные политические, экономические и военные связи с островом. Однако США последовательно придерживаются политики «просчитанной двусмысленности» относительно того, будут ли они защищать Тайвань (в том числе, с применением ядерного оружия), т.е. четко не говорят ни «да», ни «нет», несмотря на регулярные предложения «ястребов» пе-

рейти к политике «стратегической ясности» (strategic clarity).

К примеру, показательным является интервью действующего госсекретаря США Энтони Блинкена медиахолдингу NBC. Журналисты NBC несколько раз попытались уточнить, будет ли США «защищать Тайвань военным путем» и планирует ли Белый дом «дать военный ответ» на возможные действия Китая в отношении Тайваня. На что госсекретарь заявил, что хотел бы избежать «построения гипотез» и что у США есть серьезные обязательства в отношении острова⁴.

Коротко охарактеризуем очевидные сильные стороны подобного подхода, помимо того факта, что США сохраняют «свободу рук» в Восточной Азии и не связывают себя конкретными строгими обязательствами.

Во-первых, четкие гарантии безопасности Тайваню в теории могут стать спусковым крючком для усиления сепаратистских настроений на острове, который решит, что при поддержке США может официально провозгласить свой суверенитет. Это, в свою очередь, может привести к полноценному американо-китайскому конфликту и тому, что российский исследователь А. Губин назвал «ядерной полночью в Восточной Азии» [8].

Во-вторых, правящая элита Тайваня может решить, что политика «стратегической ясности» в отношении острова является сигналом слабых переговорных позиций американской администрации (относительно самой элиты Тайваня) и попытается получить больше уступок от США, еще глубже втягивая их в конфликт вокруг острова.

В-третьих, переход к политике «стратегической ясности» в отношении Тайваня, даже без провоцирования сепаратистских настрое-

ний на острове, может быть крайне негативно считан Пекином, который в большей степени опасается не одномоментного окончательного размежевания с Тайванем, а постепенного «дрейфа» острова в направлении США. Поэтому даже усеченные гарантии безопасности Тайваню со стороны американской администрации будут крайне негативно восприняты руководством КНР.

Второй концептуальной попыткой выйти за пределы «шаткого равновесия страха» стала политика президента Р. Никсона, которая получила неофициальное название «дипломатия безумца» [9]. Данная внешнеполитическая философия была направлена на то, чтобы конструировать политический имидж Р. Никсона как «безумца», способного к самоубийственным шагам. Помимо всего прочего, это позволяло американским дипломатам разыгрывать роль «хороших полицейских» на внешнеполитических мероприятиях, которые были бы не против пойти на встречу контрагентам, но не могут из-за «безумия» лидера. Наиболее отчетливо «дипломатия безумца» проявилась в ходе Вьетнамской войны — Никсон открыто блефовал, убеждая Кремль, что он готов в ядерной войне (интенсифицировал разведывательные полеты вокруг СССР, привел американскую армию в полную боевую готовность). Так он надеялся прекратить поддержку Ханоя со стороны соцлагеря. Однако советское руководство раскусило этот блеф, что в итоге привело к поражению США во Вьетнаме.

Таким образом, важнейшей предпосылкой ядерного сдерживания является «экономическая» рациональность субъектов, способствующая достижению «хрупкого баланса страха». Это приводит к определенному парадоксу сдерживания — политическим субъектам целесообразно конструировать имидж иррациональных игроков, способных к ядерной эскалации. Кроме того, большое значение имеет также концепция «предпоследнего шага».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. 1959;37(2):211–234.
2. Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Paris: Éditions Gallimard; 2002.
3. Сергеев В.М. Теория и практика политической коммуникации. М.: Проспект; 2010.
Sergeev V.M. Theory and practice of political communication. Moscow: Prospekt; 2010.
4. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020;13(1):111–135.

⁴ Secretary Antony J. Blinken With Chuck Todd of NBC's Meet the Press. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-with-chuck-todd-of-nbcs-meet-the-press/>

- Fenenko A. V. The evolution of the theory of nuclear deterrence in the United States during the Cold War. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*. 2020;13(1):111–135.
5. Барановский В.Г., Бужинский Е.П., Загорский А.В., Никитин А.И., Ознобищев С.К. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к «ядерному порогу». *Полис. Политические исследования*. 2022;(6):114–134.
Baranovsky V. G., Buzhinsky E. P., Zagorsky A. V., Nikitin A. I., Oznobishchev S. K. Avoid nuclear war. Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the “nuclear threshold”. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2022;(6):114–134.
6. Morgenthau H. The four paradoxes of nuclear strategy. *The American political science review*. 1964;58(1):23–25.
7. McGwire M. Deterrence: The Problem Not the Solution. *SAIS Review*. 1985;5(2):118–121.
8. Губин А. «Ядерная полночь» в Восточной Азии: новая опасность эскалации в Тайваньском проливе. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/>
Gubin A. “Nuclear midnight” in East Asia: a new danger of escalation in the Taiwan Strait. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernaya-polnoch-v-vostochnoy-azii-novaya-opasnost-eskalatsii-v-tayvanskom-prolive/>
9. Burr W., Kimball J. P. Nixon’s Nuclear Specter. The Secret Alert of 1969, Madman Diplomacy, and the Vietnam War. Lawrence: University Press of Kansas; 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Владимирович Лебедев — кандидат политических наук, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия; старший преподаватель кафедры управления проектами и программами, РАНХиГС, Москва, Россия

Sergei V. Lebedev — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia; Senior Lecturer, Department of Projects and Programs Management, RANEPA, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-8228-2256>

sergei.lebedeff@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 13.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 13.05.2023; accepted for publication on 10.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-67-74
УДК 378(045)

Трансформация механизмов международного сотрудничества в системе высшего образования Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности

В.А. Юдина, В.В. Бондаренко, М.А. Танина

Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

АННОТАЦИЯ

Изучение механизмов реализации международного сотрудничества в системе высшего образования России в условиях глобальной цифровизации и влияния международных санкций в научно-образовательном пространстве является актуальной задачей в контексте разработки стратегии экспорта образовательных услуг. В статье рассматриваются проблемы трансформации целей международного сотрудничества в сфере высшего образования, анализируются последствия отрицательного влияния факторов внешней среды, перспективы дальнейшей интернационализации вузов. Предложены методические рекомендации для разноуровневых институциональных субъектов, внедрение которых будет способствовать выявлению конкурентных преимуществ и наращиванию экспортного потенциала вузов регионов, а также использованию их опыта в международной деятельности, при взаимодействии с государственными, научными, образовательными и производственными структурами.

Ключевые слова: международное сотрудничество; глобализация и цифровизация образовательных процессов; международная конкурентоспособность высшего образования; экспорт образования

Для цитирования: Юдина В.А., Бондаренко В.В., Танина М.А. Трансформация механизмов международного сотрудничества в системе высшего образования Российской Федерации в условиях геополитической нестабильности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):67-74. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-67-74

ORIGINAL PAPER

Transformation of the International Cooperation Mechanisms in the Higher Education System of the Russian Federation against the Backdrop of Geopolitical Instability

V.A. Yudina, V.V. Bondarenko, M.A. Tanina

Financial University, Penza branch, Penza, Russia

ABSTRACT

The study of mechanisms for implementing international cooperation in the Russian higher education system in the situation of global digitalization and of the impact of international sanctions in the scientific and educational space is an urgent task in the context of developing a strategy for exporting educational services. The article deals with the issue of transformation of the international cooperation's goals in higher education, analyzes the consequences of the negative impact of external environment factors and the prospects of further internationalization of universities. The authors propose methodological recommendations for multilevel institutional actors, the implementation of which will contribute to identifying competitive advantages and to increasing the export potential of regional universities as well as to using their experience in international activities, interaction with governmental, scientific, educational and industrial structures.

Keywords: international cooperation; globalization and digitalization of educational processes; international competitiveness of higher education; education export

For citation: Yudina V.A., Bondarenko V.V., Tanina M.A. Transformation of the International cooperation mechanisms in the higher education system of the Russian Federation against the backdrop of geopolitical instability. *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):67-74. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-67-74

ВВЕДЕНИЕ

В условиях геополитических изменений и последовавших за ними ограничений в сфере международного сотрудничества реализация действующих стратегий партнерства в системе высшего образования РФ и моделей экспорта образовательных услуг сопряжена со значительными политическими, социальными, академическими, репутационными и финансовыми рисками.

Международное сотрудничество в системе высшего образования выступает инструментом «мягкой силы» в части решения внешнеполитических задач государства, так как демонстрирует уровни развития его национальной безопасности, экономики и политической системы. Оно направлено в первую очередь на интеграцию образовательных услуг в мировое и региональное пространство, повышение конкурентоспособности национальных систем высшего образования и является одним из механизмов трансграничного обмена человеческим капиталом, инновациями и т.д.

Наиболее популярным подходом активизации международного сотрудничества является реализация совместных образовательных программ, программ двойных дипломов. Применение подхода основано на проектировании и реализации учебных планов совместно с иностранными образовательными организациями высшего и среднего образования.

Наличие иностранных студентов, реализация и участие в программах международного сотрудничества выступают не просто критерием привлекательности и высокого рейтинга вузов, но и повышают общенациональный престиж государства, увеличивают возможности укрепления научных связей.

Таким образом, разработка рекомендаций по развитию механизмов реализации международного сотрудничества в системе высше-

го образования России в условиях цифровой трансформации мировой образовательной системы, нарастающих последствий введенных ограничений, обусловленных недружественной политикой ряда стран, — это актуальная задача.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Международному сотрудничеству образовательных организаций высшего образования посвящены многие отечественные и зарубежные исследования, рассматривающие проблему на микро- и макроуровнях.

По мнению Н. Н. Бойцовой, международная деятельность в сфере высшего образования — одна из неотъемлемых частей внешней политики государства, основной целью которой является всесторонняя интеграция страны в качестве равноправного партнера в мировое образовательное пространство [1]. И. Н. Трофимова рассматривает данную деятельность с позиции высших учебных заведений. Автором подчеркнута значимость использования новых подходов, разработки системы оценки эффективности и гибкости организационной структуры вузов для достижения целей активизации международной деятельности [2].

Научным коллективом НИУ ВШЭ в течение последних пяти лет проводятся межкампусные семинары, в ходе которых рассматриваются не только практические, но и теоретические аспекты международного сотрудничества. Так, было отмечено наличие ряда ограничений международной деятельности высших учебных заведений как во внешней среде (из-за пандемии, внешнеполитической обстановки), так и во внутренней (ресурсные, инфраструктурные, цифровые и кадровые проблемы) [3].

В соответствии с проектом «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹, утвержденным президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30.05.2017 на срок до 2025 г., определен ряд подходов российских организаций высшего образования в области международного сотрудничества. Одним из них является внутренняя интернационализация, предполагающая получение иностранными гражданами высшего образования в вузах Российской Феде-

¹ URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/06/education_export.pdf

рации по всем уровням и формам подготовки. Экономический эффект от применения данной программы складывается из денежных средств, полученных от иностранных студентов в качестве оплаты за обучение, а также «оставленных» в российской экономике в период обучения (расходы на проживание, питание, транспорт, мобильную связь, развлечения и др.).

Второй подход основан на институционализации присутствия российских вузов путем создания сети филиалов, открытия представительств поддержки русского языка, ресурсных центров, расположенных за рубежом. Высшее учебное заведение получает денежные средства от иностранных студентов в качестве оплаты за обучение, однако доходы страны увеличиваются незначительно в связи с отсутствием сопутствующих расходов иностранных студентов на проживание и питание в другой стране.

Наиболее популярным подходом активизации международного сотрудничества является реализация совместных образовательных программ, программ двойных дипломов. Применение подхода основано на проектировании и реализации учебных планов совместно с иностранными образовательными организациями высшего и среднего образования.

Подход, предусматривающий участие в сетевых университетах, используется относительно недавно, однако в настоящее время российские высшие образовательные организации входят в Сетевой университет СНГ, Университет Шанхайской организации сотрудничества, Евразийский сетевой университет, Сетевой университет БРИКС и др.

Подход международного сотрудничества, основанный на использовании технологий онлайн-обучения, получил большое распространение в 2020 г. в связи с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в мире².

Таким образом, высшие образовательные организации Российской Федерации действуют в условиях неопределенности внешней среды. На практике используются комбинированные подходы, сформированные с учетом текущих возможностей и целей высшего учебного заведения.

Из-за частичной изоляции и ограничения контактов с мировым экспертно-научным и образовательным сообществом в нашей стра-

не происходит трансформация целей международного сотрудничества в сфере высшего образования. В условиях цифровизации образовательной системы и нарастания геополитической турбулентности к числу основных содержательных аспектов можно отнести следующие:

- обеспечение доступности высшего образования для граждан РФ и иностранных обучающихся из дружественных стран, в том числе с использованием технологий удаленного доступа и цифровых инструментов для наиболее результативного развития экономического, социального, интеллектуального потенциала разных государств;

Наличие иностранных студентов, реализация и участие в программах международного сотрудничества выступают не просто критерием привлекательности и высокого рейтинга вузов, но и повышают общенациональный престиж государства, увеличивают возможности укрепления научных связей.

- развитие нормативной правовой базы для координации взаимодействия Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями с целью повышения уровня наукоемких практических исследований и разработок мирового уровня, получения новых высокотехнологичных конкурентоспособных технологий, продуктов и их коммерциализации;

- совершенствование международных и внутригосударственных механизмов развития образования на основе разработки программ стимулирования конкурентоспособных ученых, перенаправления потоков академической мобильности, реализации стратегий формирования университетов международного предпринимательского типа.

В качестве факторов, ограничивающих эффективность участия России в мировом образовательном пространстве, также можно выделить недостаточно развитую практику

² URL: <http://government.ru/projects/selection/653/28013/>

средне- и долгосрочного планирования, «государствоцентричность», высокую степень политизированности принимаемых решений.

Процесс интернационализации российских вузов сдерживают проблемы визового урегулирования, недостаточно проработанная нормативная правовая база в области реализации совместных образовательных программ, а также неопределенность, связанная с последующей трудовой деятельностью иностранных учащихся. Необходимо отметить, что в России есть ведущие вузы с наиболее высоким рейтингом, доля участия которых в интернационализации значительна, и периферийные, для которых перечисленные выше проблемы более актуальны.

В современных работах зарубежных ученых также говорится о последствиях интернационализации в сфере высшего образования и факторах, в большей степени влияющих на динамику, мобильность и реализацию институциональных моделей [4, 5], среди которых:

- массовость высшего образования, повлекшая за собой изменение ландшафта его системы [увеличение валового коэффициента зачисления студентов (до 50% и более) в странах с развивающейся экономикой, включая Китай, Индию, государства Латинской Америки];
- формирование глобальной экономики знаний, требующей более высокого уровня компетенций обучающихся, преподавателей и научных сотрудников, что приводит к усилению конкуренции за финансирование, доступ к ведущим академическим журналам, первые места в мировых рейтингах и др.;
- развитие университетских автономий и академических свобод, совершенствование организации учебных, научно-исследовательских, методических, культурно-воспитательных процессов;
- усиление влияния национальных, региональных и глобальных рейтингов университетов;
- изменение экономического и политического климата, выражающееся в трансформации концепции культурного обмена и укрепления академического сотрудничества, в усилении конкуренции среди стран со средним и низким уровнем доходов населения и необходимости их выбора между продвижением наиболее востребованных и конкурентоспособных образовательных программ или обучением иностранных студентов.

Совокупность вышеуказанных факторов, а также современные приоритеты внешней политики Российской Федерации обуславливают необходимость использования нового механизма международного сотрудничества в системе высшего образования РФ с привлечением субъектов разных институциональных уровней и применением цифровых инструментов.

К международному сотрудничеству имеют отношение федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также руководство высших учебных заведений.

В качестве рекомендаций федеральным органам исполнительной власти предлагается:

- определить перечень дружественных стран, сотрудничество с которыми может быть продолжено с учетом оценки санкционных рисков; заключить новые соглашения о международном сотрудничестве в системе высшего образования; развивать поиск новых направлений межвузовского сотрудничества со странами Африки, Ближнего Востока и АТР;
- оценить возможности адаптации опыта зарубежных стран (Иран, КНДР, Сирия, Венесуэла и др.) в части формирования национальных инновационных экосистем в условиях международных санкций;
- адаптивно изменить существующую нормативную правовую базу и методические подходы к созданию консорциумов с международным участием; проанализировать уже сложившиеся и определить новые, ориентированные преимущественно на восточные страны; укреплять и развивать сотрудничество в рамках Евразийского союза;
- увеличить финансирование грантов, направленных на укрепление практик интеллектуального обмена и межвузовского взаимодействия с целью удержания наиболее талантливых и перспективных молодых иностранных исследователей в России для их участия в инновационных научных исследованиях и проектах;
- совершенствовать механизмы финансовой поддержки среднесрочных и долгосрочных программ развития университетских исследовательских инфраструктур; разрабатывать исследовательские цифровые платформы, поддерживать существующие международные программы сотрудничества с дружественными странами;
- расширять практику сетевого взаимодействия вузов для развития интеграции в нау-

коемких отраслях экономики дружественных стран и более активного использования технологий удаленного обучения (по примеру Российско-Африканского сетевого университета, Сетевого университета СНГ, Университета ШОС, Сетевого университет БРИКС);

- изменить приоритет политики интернационализации высшего образования с зарубежного на внутристрановой;

- доработать комплекс регламентирующих документов касательно обучения и пребывания иностранных студентов в российских вузах; предусмотреть возможность увеличения квот для иностранных граждан;

- разработать методические рекомендации по переходу части российских вузов к модели предпринимательского университета (центров развития инновационных экосистем) для сокращения времени трансфера технологий, диверсификации источников финансирования, в том числе на основе расширения международного сотрудничества с дружественными странами, имеющими опыт успешного взаимодействия бизнеса, государства и системы образования;

- развивать в цифровом формате существующую отечественную базу данных — Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), рассмотреть возможность создания базы данных и индикаторов совместно с дружественными странами (в первую очередь — с Китаем и Индией).

В качестве рекомендаций региональным органам исполнительной власти можно выделить:

- участие в международных выставках, форумах, ярмарках в рамках проведения мероприятий с наиболее перспективными странами-партнерами; формирование положительного имиджа региональных образовательных, региональных торгово-промышленных палат с целью выстраивания экосистем, расширения направлений внешнеэкономической деятельности путем заключения соглашений о сотрудничестве в сфере науки и образования;

- участие в пилотных проектах Минобрнауки РФ по формированию научными организациями и университетами тематики фундаментальных и прикладных научных исследований с учетом приоритетов развития региональных экономик в условиях санкций, а также в рамках имеющихся международных соглашений с дружественными странами;

- формирование и развитие системы институционального доверия студенческой молодежи (в том числе иностранных обучающихся) органам федеральной и региональной исполнительной власти в условиях негативных геополитических процессов;

- реализация комплекса мероприятий по сохранению и развитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе высшего образования, направленной на формирование институциональной политики результативности обучения студентов с учетом национальной специфики.

К международному сотрудничеству имеют отношение федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также руководство высших учебных заведений.

Руководителям образовательных организаций высшего образования, по нашему мнению, необходимо:

- развивать практики формирования эндаумент-фондов (фондов целевых капиталов), средства которых могут быть направлены на обеспечение постоянного взаимодействия с крупными работодателями, реализующими программы стимулирования трудоустройства выпускников, в том числе иностранных;

- использовать адаптивные технологии работы с выпускниками-иностранцами, которые могут продвигать положительный образ российских вузов на международных образовательных рынках (преимущественно в странах ЕАЭС, БРИКС);

- реализовывать совместные образовательные программы бакалавриата и магистратуры с учетом импортозамещения, формировать индивидуальные образовательные траектории иностранных обучающихся;

- привлекать иностранных преподавателей и научных сотрудников из дружественных стран к реализации образовательных, научно-исследовательских и технологических проектов по приоритетным и критически важным направлениям, определенным Минобрнауки, РАН РФ;

- увеличить количество исследований по заказу регионального бизнес-сообщества с участием иностранных преподавателей и научных сотрудников из дружественных стран, а также — инновационных проектов, с доведением их до готовности для коммерциализации и трансфера результатов исследований в систему региональных экономик;

- совершенствовать систему социокультурной адаптации иностранных обучающихся;

- сохранять и развивать систему дистанционного обучения для иностранных студентов из дружественных стран (кроме обучающихся из стран с низким уровнем доступа к цифровым технологиям и сети Интернет);

- адаптировать систему маркетинга образовательных услуг, в частности: изменить условия работы в социальных сетях, искать альтернативные зарубежные интернет-площадки в дружественных странах для позиционирования бренда университета;

- усилить работу и увеличить количество проектов по продвижению русской культуры и языка на постсоветском международном пространстве;

- развивать процессы интернационализации через стратегии опережающего развития вузов, ориентированных на трансграничные дружественные регионы;

- разработать грантовые программы для стимулирования обучения иностранным языкам преподавателей и научных сотрудников, формирования и развития межкультурных компетенций;

- скорректировать программы развития вузов в части международного сотрудничества; использовать форсайт-метод для привлечения широкого круга ученых, аспирантов, студентов наряду с заинтересованными сторонними организациями и физическими лицами.

Алгоритм внедрения вышеуказанных рекомендаций для регионального уровня (руководства высшего учебного заведения) можно представить следующим образом:

1. Необходимо определить перечень стратегических и сетевых зарубежных партнеров. Основная цель — формирование долгосрочных связей для достижения результатов в образовательной и научно-исследовательской деятельности вузов, повышения экспортного потенциала и увеличения доходов.

2. Определить возможные направления международного сотрудничества (разработка совместных и сетевых образовательных программ; реализация программ академической мобильности; организация и проведение международных форумов, конференций, выставок, симпозиумов, конгрессов, стажировок; разработка совместных образовательных и научных проектов, в том числе в сфере дополнительного и онлайн-образования и др.).

3. Совершенствовать систему набора иностранных обучающихся (определить комплекс инструментов рекрутмента, взаимодействия с организациями-посредниками, рассмотреть возможность упрощения процессов подачи документов, сдачи вступительных экзаменов по принципу «единого информационного окна» и др.).

4. Разработать систему международного маркетинга как инструмента интернационализации с учетом действующих санкций и ограничений.

5. Сформировать многоуровневую многоцелевую систему, касающуюся международной деятельности университетов по всем ее направлениям.

При внедрении рекомендаций по развитию механизмов международного сотрудничества в системе высшего образования РФ можно достичь положительных результатов, включающих:

- увеличение контингента иностранных обучающихся из дружественных стран;

- повышение доступности российского образования за счет гибридных моделей реализации образовательного процесса;

- возможность создания международных консорциумов для реализации совместных наукоемких и высокотехнологичных проектов, а также — формирования благоприятных условий для развития прорывных направлений научных исследований;

- создание научно-образовательных кластеров с участием зарубежных университетов и представителей бизнес-сообществ;

- развитие единой информационной социокультурной среды, позволяющей сформировать наиболее благоприятные и комфортные условия в кампусах;

- адаптацию образовательных программ под особенности национальных систем обра-

зования дружественных стран с учетом гибкого подхода к формированию образовательных модулей;

- сотрудничество с зарубежными компаниями-работодателями для совместной реализации программ краткосрочной подготовки и переподготовки студентов и выпускников в областях, касающихся искусственного интеллекта, машинного обучения, нейросетей, языков программирования и т.п.;

- формирование совместных образовательных и целевых проектов поддержки талантливой студенческой молодежи по направлениям подготовки, имеющим стратегическое значение в условиях импортозаме-

щения и дефицита кадров в определенных отраслях экономики;

- рост вовлеченности университетов в трансграничные сети и международные партнерства на стратегическом уровне.

ВЫВОДЫ

Таким образом, рекомендации по развитию международного сотрудничества в системе высшего образования РФ, учитывающие влияние факторов мировой внешней среды и макросреды государства, представляют собой многоуровневый адаптивный механизм. А их внедрение будет способствовать достижению ряда положительных эффектов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, в рамках государственного задания Финуниверситету на тему «Разработка механизмов реализации международного сотрудничества в системе высшего образования России в условиях дистанционных технологий обучения и цифровой трансформации образовательной системы» (ВТК-ГЗ-ПИ-48-22).

ACKNOWLEDGMENTS

The publication was prepared based on the results of research conducted at the expense of budgetary funds within the framework of the state assignment of Finuniversity on “Development of mechanisms for implementing international cooperation in the Russian higher education system in conditions of distance learning technologies and digital transformation of the educational system” (VTK-GZ-PI-48-22).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойцова Н.Н. Международное сотрудничество вузов как важный компонент в системе непрерывного образования. *Молочнохозяйственный вестник*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-vuzov-kak-vazhnyy-komponent-v-sisteme-nepreryvnogo-obrazovaniya>
2. Трофимова И.Н. Международное сотрудничество российских вузов и академическая мобильность (по материалам отчетов о самообследовании). *Социодинамика*. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36241 DOI: 10.25136/2409-7144.2021.9.36241
3. Гершман М.А., Гохберг Л.М., Демьянова А.В. и др. Международная мобильность ученых: угроза или благо? Доклад К XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2022. 46 с.
4. Hans de Wit, Altbach Ph. G. Internationalization in higher education: global trends and recommendations for its future. *Policy Reviews in Higher Education*. 2021;(5):28–46. DOI: 10.1080/23322969.2020.1820898
5. Marginson S. Do Rankings Drive Better Academic Performance? *International Higher Education*. 2017;(89):6–7.

REFERENCES

1. Boytsova N.N. International cooperation between universities as an important component in the system of lifelong education. *Molochnokhozyaistvenny Vestnik = Dairy Bulletin*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-vuzov-kak-vazhnyy-komponent-v-sisteme-nepreryvnogo-obrazovaniya> (In Russ.).
2. Trofimova I.N. International cooperation of Russian universities and academic mobility (based on self-examination reports). *Sociodinamika = Sociodynamics*. (In Russ.). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36241 DOI: 10.25136/2409-7144.2021.9.36241

3. Gershman M. A., Gokhberg L. M., Demyanova A. V. et al. International mobility of scientists: threat or benefit? Report to the XXIII Yasinsk (April) international scientific conference on problems of economic and social development. Moscow: Izdatel'skiy dom Vyshej shkoly ekonomiki; 2022. 46 p. (In Russ.).
4. Hans de Wit, Altbach Ph. G. Internationalization in higher education: global trends and recommendations for its future. *Policy Reviews in Higher Education*. 2021;(5):28–46. DOI: 10.1080/23322969.2020.1820898
5. Marginson S. Do Rankings Drive Better Academic Performance? *International Higher Education*. 2017;(89):6–7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
Vera A. Yudina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

Автор для корреспонденции / Corresponding Author:
vayudina@fa.ru

Владимир Викторович Бондаренко — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал; Пенза, Россия
Vladimir V. Bondarenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch
<https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>
bond40@bk.ru

Мария Алексеевна Танина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
Maria A. Tanina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science, and Humanitarian Science, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>
margo10@inbox.ru

Заявленный вклад авторов:

В.А. Юдина — постановка проблемы, разработка концепции статьи, описание результатов.
В.В. Бондаренко — критический анализ литературы.
М.А. Танина — формирование выводов исследования.

Authors' Declared Contributions:

V. A. Yudina — statement of the problem, development of the concept of the article, description of the results.
V. V. Bondarenko — critical analysis of literature.
M. A. Tanina — formulating of the study conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.09.2022; принята к публикации 01.10.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 12.09.2022; accepted for publication on 01.10.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83
УДК 1Ф(045)

Диалектика экзистенции социального пространства

Т.М. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье на основе концепции диалектики объективной и субъективной экзистенции одного из классиков экзистенциализма К. Ясперса, герменевтического анализа исследований отечественных и зарубежных ученых — экзистенциальных социологов, психологов и писателей разрабатывается понятие экзистенциального социального пространства. Автором разъясняется понятие экзистенции социального пространства, выделяются и анализируются особенности основных уровней экзистенциального пространства общества, исследуются детерминанты и взаимодействие экзистенции социального пространства разных уровней. Свою точку зрения автор обосновывает результатами сравнительного анализа произведений известных экзистенциальных писателей, психологов, психоаналитиков, статей современных отечественных и зарубежных авторов по социально-психологическим проблемам современного образования.

Ключевые слова: коммуникация; Беккет; Выгодский; экзистенция социального пространства; уровни экзистенциального пространства; конфликтность

Для цитирования: Махаматов Т.М. Диалектика экзистенции социального пространства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):75-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83

ORIGINAL PAPER

Dialectics of the Social Space's Existence

T.M. Makhamatov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article is dedicated to the development of the existential social space concept. This development is based on the concept of dialectics of objective and subjective existence proposed by one of the classics of existentialism K. Jaspers as well as on a hermeneutic analysis of the researches made domestic and foreign scientists (existential sociologists, psychologists and writers). The article develops the concept of the existence of social space, highlights and analyzes the features of the main levels of existential social space. The author substantiates his point of view with the results of a comparative analysis of the works of famous existential writers, psychologists, psychoanalysts, articles by modern domestic and foreign authors on socio-psychological problems of modern education.

Keywords: communication; Beckett; Vygotsky; existence of social space; levels of existential space; conflictogenicity

For citation: Makhamatov T.M. Dialectics of the social space's existence. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):75-83. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-75-83

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевская пьеса С. Бэкетта «В ожидании Годо», раскрывая особенности и психологическую глубину социального бытия персонажей и его влияние на восприятие ими времени, подчеркнула актуальность и остроту философского исследования проблемы экзистенциальной онтологии «абсурдных», по А. Камю, людей. Хотя исследования на эту тему уже имеются [1–3], однако в них отсутствует определение понятия экзистенциального социального пространства. В некоторых публикациях используется

понятие «экзистенциальное пространство», которое отождествляется с *внутренним психологическим состоянием индивида*. Так, например, И.П. Чередниченко пишет, что «экзистенциальное пространство представляет собой область допустимых диспозиций, в которых проявляется экзистенция. Экзистенциальное пространство не имеет четких границ и не определяется реальностью бытия. В него включаются как внутренние картины реальных ситуаций, так и фантазии, сны и измененные состояния сознания» [4, с. 148]. Такое пони-

мание напоминает определение пространства И. Канта, и оно, скорее всего, психологическое, чем философское. Общеизвестно, что в социальной философии под социальным пространством понимается прежде всего объективно складывающаяся система взаимоотношений людей в процессе их жизнедеятельности. Оно включает в себя социально-экономическую и политическую формы.

ДИАЛЕКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Согласно К. Ясперсу, порождающим основанием экзистенции являются социальные коммуникации [5] как заключающие в себе пучок противоречий, определяющие экзистенцию социума и души каждого его члена. Чем больше система коммуникации и число ее участников, тем шире социальное пространство, охваченное экзистенцией, которое в критические моменты (например, при социальных катаклизмах, гражданских и иных войнах) может поглотить большую часть общества.

Рождение экзистенции в душе индивида обусловлено также диалектическими противоречиями между биологической индивидуальностью и социальной сущностью человека. Как писал Н. А. Бердяев, человек «странное существо — двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным» [6, с. 296]. Трудности, неудачи, порою и поражения в стремлении человека перебороть в себе «облик рабий», «слабое», «ничтожество», «тленное» ради достижения «облика царственного» и «сильного», пробуждает в нем экзистенцию как *осознаваемые* страдания души человека, проявляющиеся в его социальном пространстве, т.е. коммуникациях в определенном социуме.

Осознание человеком себя как индивидуальности порождает новое противоречие, новую напряженность — теперь уже между социальным сообществом и индивидуалистическим Я. К. Ясперс писал: «Хотя я неумолимо прикован к своему социальному существованию и получаю в нем свое самосознание в зеркале своей деятельности, я все же еще могу противопоставить ему себя как себя самого. ...Я уже не совпадаю со своим социальным Я, хотя во всякую минуту я в то же время есмь в нем» [5,

с. 34]. Такая эмоционально-психологическая и нравственно-этическая борьба между обществом и индивидом является одной из существенных причин *экзистенциализации социального пространства* разного уровня.

Пространство социального организма образуется в первую очередь посредством системы объективных взаимоотношений членов сообщества, направленных на решение насущных проблем его функционирования и эволюции [7]. В случае возникновения в сообществе конфликтности, социально-психологической напряженности, неопределенности, враждебности и безразличия к своим членам у последних пробуждается и обостряется экзистенция. Такая напряженная, наполненная проблемами онтологическая форма бытия социального организма способствует усилению противоречия индивида с окружающей социальной действительностью и превращает в абсурд онтологию бытия пребывающих в нем людей и самую их жизнь [8, 9]. *Пространство такого социума можно обозначать как экзистенциальное.* Однако следует уточнить разницу значения понятий «экзистенции пространства» и «экзистенция в классическом экзистенциализме».

Согласно классикам экзистенциализма, как известно, понятие «экзистенция» отражает *субъективный осознанный мир* болезненных переживаний индивида. Исходя из онтологической природы социального пространства и мысли К. Ясперса о том, что «невозможно и абсурдно было бы желать обозреть и усваивать истину экзистенций в некотором целом их объективаций как единую истину» [5, с. 434], следует уточнить качественное различие и диалектическую связь этих двух понятий. Здесь отождествление экзистенциальности социального пространства с онтологизацией экзистенции так же ошибочно, как и понимание экзистенциального пространства формой субъективного мира индивида [4]. Следующее высказывание К. Ясперса имеет методологическое значение в исследовании диалектики экзистенции социального пространства: «Поскольку же экзистенция не может быть ни как объект, ни как объективированный субъект, но остается истоком, который можно только просветлять, призывая, в объективности и субъективности, то замысел просветления экзистенции был бы окончательно сорван, если бы его развивали как онтологическое учение»

[5, с. 435]. Таким образом, под экзистенцией социального пространства следует понимать пространство такого социума, который своей проблемностью *детерминирует порождение* экзистенции у индивидов.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Художественное раскрытие особенностей экзистенциального социального пространства мы встречаем в произведениях писателей и философов. Например, оно складывалось вокруг Марсо, героя повести А. Камю «Посторонний», и превращало в абсурд его отношение с социальной средой, усиливало в нем сознание одиночества и нелепости собственной жизни. Экзистенциальное пространство глубоко раскрывается в таких произведениях, как «Шинель» Н. Гоголя, «Замок» и «Процесс» Ф. Кафки, «Сто лет одиночества» Г. Маркеса, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Белый пароход» и «Плаха» Ч. Айтматова и т.д.

Одним из ярких примеров художественно-философского отражения особенностей и корней экзистенции социального пространства является пьеса С. Беккета «В ожидании Годо». *Годо* — это аллегорический образ *того общества*, от которого годами безнадежно ждут и никак не дождутся помощи нищие бродяги Владимир и Эстрагон; ему эти люди *не нужны*, но оно каждый день через постоянно меняющихся мальчиков-посыльных дает им бесконечные пустые обещания о неопределенной помощи, но *завтра*. Позднее выясняется, что Годо ничего не может обещать, что должен подумать, посоветоваться с семьей, со страховыми агентами, посмотреть бухгалтерские книги, счет в банке, тогда уже и решать. Но завтрашний день *никак не наступает* [2].

В экзистенциальном пространстве и время становится экзистенциальным. Еще Ж.П. Сартр писал, что в экзистенции человека «связь Времени является чистым призраком», само же «Время является чистым ничто в-себе...» [10, с. 241]. Действительно, как показал С. Беккет в своем «В ожидании Годо», в экзистенциальном пространстве общества для индивидов, подобных Владимиру и Эстрагону, время теряет свое значение, *протекает вне их* или тяготит, как Марсо в «Постороннем» А. Камю, или неуловимо мчится, как у Холдена в повести «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера.

Как пишет турецкий исследователь творчества С. Беккета Э. Шахин, «персонажи Беккета не имеют представления о том, какой сегодня день: суббота, воскресенье, понедельник или пятница. В конце Эстрагон откажется от своего выражения “Ничего не поделаешь”. Даже вопросы тоже будут бессмысленными и абсурдными, потому что ответы не изменят результат. Поскольку неважно, является ли этот день воскресеньем, вторником или пятницей» [2, с. 1717]. Таким образом, *экзистенция социального пространства как результат социально-психологически напряженной системы взаимодействий индивидов, антигуманности общества превращает всю социальную онтологию индивидов в абсурд, т.е. порождает экзистенциальную онтологию.*

Согласно классикам экзистенциализма, как известно, понятие «экзистенция» отражает субъективный осознанный мир болезненных переживаний индивида. Исходя из онтологической природы социального пространства и мысли К. Ясперса о том, что «невозможно и абсурдно было бы желать обозреть и усваивать истину экзистенций в некотором целом их объективаций как единую истину», следует уточнить качественное различие и диалектическую связь этих двух понятий.

ОБ УРОВНЯХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Экзистенциальное социальное пространство является динамичным, изменчивым феноменом, который рождается на разных уровнях и сферах общественной жизни. В критических ситуациях оно расширяется и охватывает целые конфликтные регионы. С изменением породивших его условий и появлением позитивных социальных факторов оно сужается и уходит в глубь души

представителей данного сообщества как *экзистенциальная память*.

Исходя из сложной диалектики структуры бытия общества, можно говорить о трех уровнях экзистенциального социального пространства.

Первый уровень может образоваться в обществах тоталитарно-диктаторского или неолиберально-анархистского типа правления и охватить все общество, для которого судьба отдельных граждан безразлична. Они находятся под постоянным гнетом и в несправедливости, как герои «Процесса» Ф. Кафки и «Осени патриарха» Г. Маркеса, или же они брошены на произвол судьбы, «кормятся» пустыми обещаниями, как персонажи С. Беккета. В данных обществах также «рождается» экзистенциальное пространство, где происходят глубокие финансово-экономические, социально-политические кризисы, идет огромный поток искаженной, недостоверной информации по социальным сетям или происходят внутренние и внешние военные конфликты [11]. Такое общественное пространство, наполненное социально-психологической напряженностью, как пишет Е. Г. Панов, «является многоуровневым, снятие напряженности в одном аспекте переводит конфликтную ситуацию в иную плоскость» [12, с. 8]. Оно детерминирует пространства социально-экономической, общественно-политической и духовной сфер как свой *второй уровень*.

Второй уровень экзистенциального социального пространства может образоваться и при отсутствии первого, что происходит под влиянием имманентных противоречий, коллизий и конфликтогенности [13, 14] и приводит к рождению экзистенции в данном социуме.

В сфере образования к этим факторам добавляются такие внутренние проблемы, как недостаток квалифицированных кадров, непомерно высокие и трудновыполнимые требования к педагогам, конфликты внутри преподавательских коллективов и др. В связи с экстенсивным наступлением «академического капитализма» ко всему вышесказанному добавляется существенное изменение отношения учащихся к преподавателям [15–17].

Отмеченные в отечественных и зарубежных исследованиях «эмоциональные изменения в смысле преподавания» и в психологии преподавательского состава [18] следует рассматривать не только в качестве социально-психологического феномена, но и как *внешнее проявление*

экзистенции образовательного пространства. Как отмечал Э. Фромм, человеческие эмоции и страсти соответствуют *экзистенциальным потребностям* человека, а последние, в свою очередь, определяются специфическими условиями человеческого существования [19, с. 23].

К *третьему уровню* можно отнести экзистенцию, которая рождается в пространстве образующихся малых групп: в семье, школьных классах, студенческих группах, компаниях. В процессе формирования малого или среднего социального объединения происходит социально-психологическая борьба как между его новыми членами, так и между индивидом и коллективом. Как отмечал Л. С. Выготский, в случае, когда образующийся социум довлеет над индивидом, «это значит, что человек не справляется с воздействиями, идущими на него извне, он не может ответить на них адекватными реакциями. Требования, которые предъявлены к нему сейчас ситуацией, оказываются слишком трудными для того, чтобы он мог моментально к ним приспособиться. В этом случае человек реагирует на критическую ситуацию отрицательными эмоциональными реакциями. Страх, гнев, горе, грусть и все разновидности отрицательных эмоций имеют место в этом случае» [20, с. 160].

Однако в социально-психологическом процессе образования нового коллектива имеет место взаимное отрицание не только между средой и индивидом, но и между самими индивидами. Происходит экзистенциально-психологический вариант «войны всех против всех», что приводит к образованию экзистенциального социального пространства.

Следует отметить, что экзистенциальное пространство образуется также из-за неприязни руководителя к своему коллективу и его новым членам. Такая негативная форма социальной коммуникации, рождающая экзистенцию в социальном пространстве, часто встречается не только в сферах бизнеса и управления, но и образования, где начинает формироваться экзистенция индивида и пространства.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ШКОЛЕ И УНИВЕРСИТЕТЕ

Основания и проявления экзистенции у детей и молодежи в семье и социальной среде хорошо исследованы в психологической науке, аналитической психологии [19–21] и произведениях Ф. Достоевского «Подросток», А. Платонова

«Еще мама», Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Однако, несмотря на то, что данная проблема относится к одной из острейших в сфере образования [22–26], категориальный анализ экзистенциального социального пространства как детерминанта экзистенции индивида остается слабо исследованным.

Возникновению экзистенциального социального пространства в вузе могут способствовать «организационно-управленческие факторы, связанные с неудовлетворенностью стилем руководства, проблемами в структуре высшей школы, недостаточно явным разграничением сфер управления, которое приводит к двойному подчинению преподавателей, перекладыванию на них “чужих” обязанностей и пр. Кроме того, к конфликту между субъектами могут привести фаворитизм, игнорирование мнения преподавательского коллектива при принятии важных решений, относящихся к образовательному процессу и научной деятельности в университете» [27].

В учебных группах экзистенциальность возникает на начальном этапе их формирования как результат незнакомства индивидов друг с другом. Исследование Н. С. Маляковой свидетельствует, что в процессе формирования новой учебной группы у учащихся пробуждаются экзистенциальные феномены, которые первоначально образуются как иррациональное и бессознательное [28]. Атмосфера, заключающая в себе состояние неопределенности и чуждости, становится для них экзистенциальным пространством.

Каждого учащегося, входящего в новую учебную группу, обуяют такие экзистенциально-психологические феномены, как *неуверенность в себе, страх быть не понятым, опозоренным, а также страх собственной свободы*, побуждающий к «бегству от свободы» (Фромм). Эти феномены на начальном этапе образования новой учебной группы порождают у учащегося осознание одиночества. Как писал К. Ясперс, «сколько бы коммуникация ни отменяла одиночества, в ней растет новое одиночество, которое не может исчезнуть...» [5, с. 65].

Социально-психологические исследования В. С. Собкина, Е. А. Калашниковой, Ю. О. Коломиец показывают, что у детей на характер их конфликтов с учителями, родителями и сверстниками существенное влияние оказывает оценка собственного статуса в среде

одноклассников. Эти авторы выявили такие содержательные доминанты конфликтов, как «личностное самоутверждение», «личностная самозащита — учеба», «нарушение культурных норм, девиации», «защита национально-культурной идентичности», которые *определяют экзистенцию* учащихся с разной самооценкой своего статуса среди «сверстников-лидеров» и «сверстников-отверженных» [29, с. 13].

Близкая ситуация имеет место и в группах первокурсников. Здесь, наряду с вышеперечисленными факторами, доминантами формирования экзистенции пространства группы выступают трудности «взаимного уживания», психологическая борьба за завоевание уважения, за лидерство, за преодоление одиночества; страх оказаться «слабым студентом» [30].

Немаловажную роль в процессе рождения экзистенции у студентов в группе играет отношение к ним преподавателей. Тактичность или бестактность преподавателя, его чрезмерная строгость или лояльность, повышенная требовательность или безразличие способны вызвать у студентов душевную боль [8, 22].

С другой стороны, сам преподаватель может войти в аудиторию с уже имеющейся в нем экзистенцией, порожденной экзистенциальным пространством вуза или его кафедры. К тому же у него также возникают сомнения в собственном успехе, в установлении взаимопонимания со студентами, в том, что он может завоевать их уважение к себе и к преподаваемой дисциплине. Эти психологические переживания углубляют его имеющуюся экзистенцию, порождают новые экзистенциальные феномены. Сочетание, кумуляция студенческой экзистенции с преподавательской углубляет экзистенцию пространства группы.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ «СНЯТИЕ» ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Экзистенция в душе индивида, экзистенциальность социального пространства то возвышаются, то стихают. Но они суть постоянные спутницы человеческого бытия и, естественно, полностью избавиться от них не представляется возможным. Речь может идти только о мерах, направленных на смягчение проявлений экзистенции, ее влияния на поведение человека и предотвращение формирования экзистенциального пространства.

Особенности каждого уровня пространства общества, диалектика их взаимосвязи определяют специфику «снятия» экзистенциальности. Преодоление, смягчение экзистенциальности пространств всех уровней, естественно, должно начинаться с первого уровня, т.е. с общества как целостного социального организма.

Первичная мера в этом направлении — исключение чрезмерного индивидуализма, безразличия общества к личности, возможности одиночества, — того, что Э. Фромм обозначает как «аномию, понимаемую как недостаток общности». От аномии современного общества, согласно Э. Фромму, «можно будет избавиться при условии радикального изменения всей социальной и духовной структуры общества», когда интересы отдельной личности «будут совпадать с интересами общества, то есть когда основными принципами нашей общественной и личной жизни станут не потребительство и враждебность, а дружелюбие и творческая самореализация» [19, с. 103]. Такая задача требует от государства проведения сильной социальной политики, активной гуманитарной и антропоцентричной деятельности политических партий, общественных организаций, институтов гражданского общества.

«Снятие» экзистенциальности пространства общества смягчает, но не исключает образование экзистенции в пространстве его отдельных сфер, так как они имеют свои имманентные противоречия и неразрешенные проблемы.

На втором уровне социального пространства эффективными способами преодоления экзистенциальности выступают открытость, очевидность и справедливость решений руководителя организации, его регулярные диалоги с коллективом, т.е. создание демократичной атмосферы. Немаловажную роль в смягчении экзистенциальности социального пространства, как большого, так и среднего трудового коллектива, играют моральные и материальные поощрения, награждения, объявления благодарности со стороны руководства.

Более сложной задачей является «снятие» экзистенциальности в пространстве учебной группы. Первым шагом здесь выступает формирование коллективности путем организации обмена мнениями, предметного спора, обучения культуре дискуссии, взаимопомощи в поиске решения проблем. В этом процессе школьник, первокурсник органически входит

в коллектив: сперва он подчиняется коллективу, а потом учится подчинять эмоции своему Я. «Он начинает чувствовать себя активным участником этой жизни. Он не является больше исключительно объектом обучения», воспитания, но начинает выступать «как субъект педагогического процесса» [20, с. 169].

Следующий, более сложный шаг в преодолении экзистенции группы — завоевание педагогом уважения, симпатии у учащихся. Это возможно посредством демонстрации его готовности помочь каждому учащемуся в освоении дисциплины, открытости, доступности к коммуникации. Хороший способ борьбы с экзистенциальностью в пространстве группы — проявление профессионализма со стороны педагога, чтобы учащиеся восхищались и гордились своим преподавателем.

Формирование и развитие самостоятельного системно-аналитического, критического мышления у студентов также может помочь «снятию» экзистенции группы. Для достижения этой цели требуется разъяснить учащимся смысл сократовских принципов: «Познай самого себя», «Я знаю, что ничего не знаю». Их понимание приводит студентов к выводу Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую».

ВЫВОДЫ

Ж. П. Сартр, защищая свою философию и раскрывая ее суть, написал работу «Экзистенциализм — это гуманизм». Дальнейшая историческая логика эволюции экзистенциальной философии показывает, что экзистенция, определяемая внешней социальной средой как экзистенциальное пространство, есть объективная судьба человеческой души, ее боль. Экзистенциализм как гуманизм — это философия, не только раскрывающая детерминанты экзистенции индивида и социального пространства, но и ищущая способы и методы «смягчения» ее давления на человека и социум. Наше исследование показывает, что экзистенция индивида и социального пространства обостряется тогда, когда в обществе не хватает милосердия, гуманизма, нарушаются евангельские принципы. Один из верных способов диалектического «снятия» экзистенции — гуманизация системы образования, деятельности институтов гражданского общества, а также сильная и демократичная социальная политика государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Murray C., ed. Samuel Beckett — One Hundred Years. Dublin: New Island Press; 2006; 172 p.
2. Şahin E. Meaninglessness of life in the works named Waiting for Godot and Clinton Godson. *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2018;7(3):1713–1728
3. Chesney D. Silence Nowhen. Late Modernism, Minimalism, and Silence in the Work of Samuel Beckett. New York: Peter Lang Publishing, Inc.; 2013. 263 p.
4. Чередниченко И.П. Экзистенциальный опыт реального существования. *Гуманитарные и социальные науки*. 2010;(4):140–151.
5. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. Пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»; 2021.
6. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда»; 1989.
7. Махаматов Т.М., Махаматова С.Т. Социально-экономическое пространство и время, и устойчивое развитие общества. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2021;2(54):7–17.
8. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. Пер. с фр. М.: Политиздат; 1989.
9. Dermont M. Beckett and Philosophy, in “Samuel Beckett — One Hundred Years”. Dublin: New Island Press; 2006.
10. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр. М.: Республика; 2004. 639 с.
11. Bolea Ş. Internal Conflict in Nineteenth-Century Literature. Reading the Jungian Shadow. London: Lexington Books; 2020.
12. Панов Е.Г. Проблема зон конфликтогенности образовательного пространства современного университета. *Казанский педагогический журнал*. 2021;(3):7–13.
13. Кушнир Д.Ю., Свинцова М.Н. Объективные факторы конфликтогенности в сфере высшего образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):113–117.
14. Свинцова М.Н., Кушнир Д.Ю. К вопросу о субъектных факторах конфликтогенности в сфере высшего образования. *Казанский педагогический журнал*. 2021;(3):14–21.
15. Gretskey M., Lerner J. Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education. *Sociological Research Online*. 2021;26(1):205–221.
16. Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? *Социологические исследования*. 2022;(6):114–124.
17. McInerney D.M., Korpershoek H., Wang H., A.J.S. Morin Teachers’ occupational attributes and their psychological wellbeing, job satisfaction, occupational self-concept and quitting intentions. *Teaching and Teacher Education*. 2018;(71):145–158.
18. Lerner J., Zbenovich C., Kaneh-Shalit T. Changing meanings of university teaching: the emotionalisation of academic culture in Russia, Israel and the US. *Emotions and Society*. 2021;3(1):73–93.
19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с англ. М.: Республика; 1994. 447 с.
20. Выготский Л.С. Педология возраста. Лекции по психологии развития. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2022. 320 с.
21. Юнг К.Г. Конфликты детской души. Пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация»; 2021. 320 с.
22. Золотарева А.А. Шкала душевной боли: психометрическая оценка полной и краткой версии. *Вопросы психологии*. 2022;68(1):48–155.
23. Рюмина М.С. Экзистенциальный кризис образования в современном обществе и перспективы его преодоления. Монография. М.: Science; 2016.
24. Makhamatov T.M., Khaziyev V.S., Makhamatov T.T., Yulbayev R.Z., Giuliadori L. Existential Aspects in Modern Education. In: SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference “Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects” 2020. Moscow; 2021.
25. Красильников И.А. Онтологический аспект психологии экзистенциальных внутриличностных конфликтов. *Психология обучения*. 2013;(11):43–54.
26. Буюкас Т.М. Экзистенциально-феноменологическое понимание тайны «молчания». *Вопросы психологии*. 2022;1(68):124–134.

27. Кирсанов А. И. Конфликты в общеобразовательных организациях. Причины усиления конфликтности образовательной среды. *Язык и текст*. 2019;6(4):32–41.
28. Малякова Н. С. Социально-эмоциональные аспекты в антропологической традиции российского образования. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2022;2(220):7–18.
29. Собкин В. С., Калашникова Е. А., Коломиец Ю. О. Причины конфликтов подростков с учителями, родителями, одноклассниками и социальная ситуация развития. *Вопросы психологии*. 2020;(5):13–25.
30. Мальцева С. М., Строганов Д. А., Комарова А. Н. Экзистенциальное одиночество современного подростка. *Современные исследования социальных проблем*. 2022;14(1–2):67–71.

REFERENCES

1. Murray C., ed. Samuel Beckett — One Hundred Years. Dublin: New Island Press, 2006; 172 p.
2. Shahin E. Meaninglessness of life in the works named Waiting for Godot and Clinton Godson. *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2018;7(3):1713–1728.
3. Chesney D. Silence Nowhen. Late Modernism, Minimalism, and Silence in the Work of Samuel Beckett. New York: Peter Lang Publishing, Inc.; 2013. 263 rub.
4. Cherednichenko I. P. Existential experience of real existence. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and social sciences*. 2010;(4):140–151. (In Russ.).
5. Jaspers K. Philosophy. Book two. Enlightenment of existence. Transl. from Germ. Moscow: “Canon+” ROOI “Reabilitaciya”; 2021. (In Russ.).
6. Berdyaev N. A. The meaning of creativity. Moscow: Izd-vo “Pravda”; 1989. (In Russ.).
7. Makhamatov T. M., Makhamatova S. T. Socio-economic space and time, and sustainable development of society. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series: Economics and management*. 2021;2(54):7–17. (In Russ.).
8. Camus A. The Myth of Sisyphus. An essay on the absurd. Transl. from French. Moscow: Politizdat; 1989. (In Russ.).
9. Dermont M. Beckett and Philosophy’, in “Samuel Beckett — One Hundred Years.” Dublin: New Island Press; 2006.
10. Sartre J. P. Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology. Per. from French. Moscow: Respublika; 2004. 639 p. (In Russ.).
11. Bolea Ş. Internal Conflict in Nineteenth-Century Literature. Reading the Jungian Shadow. London: Lexington Books; 2020.
12. Panov E. G. The problem of conflict zones in the educational space of a modern university. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2021;(3):7–13. (In Russ.).
13. Kushnir D. Yu., Svintsova M. N. Objective factors of conflict in the field of higher education. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):113–117. (In Russ.).
14. Svintsova M. N., Kushnir D. Yu. On the issue of subjective factors of conflict in the field of higher education. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2021;(3):14–21. (In Russ.).
15. Gretsky M., Lerner J. Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education. *Sociological Research Online*. 2021;26(1):205–221.
16. Radaev V. V. The crisis in modern teaching: what exactly went wrong? *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022;(6):114–124. (In Russ.).
17. McInerney D. M., Korpershoek H., Wang H., A. J. S. Morin Teachers’ occupational attributes and their psychological wellbeing, job satisfaction, occupational self-concept and quitting intentions. *Teaching and Teacher Education*. 2018;(71):145–158.
18. Lerner J., Zbenovich C., Kaneh-Shalit T. Changing meanings of university teaching: the emotionalization of academic culture in Russia, Israel and the US. *Emotions and Society*. 2021;3(1):73–93.
19. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Per. from Engl. Moscow: Republic; 1994. 447 p. (In Russ.).
20. Vygotsky L. S. Pedology of age. Lectures on developmental psychology. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitaciya”; 2022. 320 p. (In Russ.).
21. Jung K. G. Conflicts of a child’s soul. Per. from German. Moscow: “Canon+” ROOI “Reabilitaciya”; 2021. 320 p. (In Russ.).

22. Zolotareva A.A. The Mental Pain Scale: Psychometric evaluation of the long and short version. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*. 2022;68(1):48–155. (In Russ.).
23. Ryumina M.S. The existential crisis of education in modern society and the prospects for overcoming it. Monograph. Moscow: Science; 2016. (In Russ.).
24. Makhamatov T.M., Khaziyev V.S., Makhamatov T.T., Yulbayev R.Z., Giuliadori L. Existential Aspects in Modern Education. In: SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference “Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects” 2020. Moscow; 2021.
25. Krasilnikov I.A. Ontological aspect of the psychology of existential intrapersonal conflicts. *Psihologiya obucheniya = Psychology of learning*. 2013;(11):43–54. (In Russ.).
26. Buyakas T.M. Existential-phenomenological understanding of the mystery of “silence”. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*. 2022;1(68):124–134. (In Russ.).
27. Kirsanov A.I. Conflicts in educational organizations. Reasons for increasing conflict in the educational environment. *Yazyk i tekst = Language and text*. 2019;6(4):32–41. (In Russ.).
28. Malyakova N.S. Social and emotional aspects in the anthropological tradition of Russian education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2022;2(220):7–18. (In Russ.).
29. Sobkin V.S., Kalashnikova E.A., Kolomiets Yu.O. Causes of conflicts among adolescents with teachers, parents, classmates and the social situation of development. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*. 2020;(5):13–25. (In Russ.).
30. Maltseva S.M., Stroganov D.A., Komarova A.N. Existential loneliness of a modern teenager. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern studies of social problems*. 2022;14(1–2):67–71. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Tair M. Mahamatov — Dr. Sci. (Philosophical sciences), Professor of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Регулирование рисков в процессе осуществления кросс-культурного менеджмента

Ю.П. Тен

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — изучить особенности регулирования рисков в процессе осуществления кросс-культурного менеджмента. Для этого необходимо выявить и описать причины развития кросс-культурного менеджмента, классифицировать риски и выработать рекомендации по управлению ими. Методологическую основу изыскания формируют основы системного и процессного подходов. В работе автором осуществлен анализ концепций зарубежных исследователей и обобщены информационно-аналитические материалы иностранных консалтинговых агентств. Статья открывает дискуссию о том, что в международном бизнесе навязывание монокультурной системы норм и ценностей может привести к ущемлению прав на сохранение самобытности отдельных социокультурных и этнорелигиозных групп и общностей.

Ключевые слова: кросс-культурный менеджмент; организационная культура; культурные различия; культурные риски; управление культурными рисками; культурный интеллект

Для цитирования: Тен Ю.П. Регулирование рисков в процессе осуществления кросс-культурного менеджмента. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):84-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-84-87

ORIGINAL PAPER

Risk Management in Cross-Cultural Management

Yu.P. Ten

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the article is to study the features of the risk management in cross-cultural management. To do this, it is necessary to identify and describe the reasons for the development of cross-cultural management, classify risks and develop recommendations for their management. The methodological basis of the research is the system and process approaches. The author analyzes the concepts of foreign researchers and summarizes the information and analytical materials of foreign consulting agencies. The article starts a discussion whether imposing the monocultural system of norms and values in international business can lead to the rights infringement and hinder preserving the cultural identity of particular socio-cultural and ethno-religious groups and communities.

Keywords: cross-cultural management; organizational culture; cultural differences; cultural risks; cultural risk management; cultural intelligence

For citation: Ten Yu.P. Risk management in cross-cultural management. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):84-87. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-84-87

В современных сложнейших геополитических условиях Россия остается важнейшим субъектом международных экономических отношений. Глобализация как мощный интеграционный вектор развития человечества, заданный главным образом западной цивилизацией, вступает в новую фазу противоборства со стороны незападных обществ как носителей самобытных культур. Набирает обороты процесс интернационализации бизне-

са, одной из форм которого является формирование транснациональных компаний. В условиях глобализации, «движимой экономическими причинами, рождается новая фаза деловой активности, которая ломает национальные барьеры для оптимизации затрат и получения максимальной прибыли» [1, с. 3]. Эта фаза развития капитализма обусловлена усилением фактора мультикультурного разнообразия международной бизнес-среды, поэтому возникает интерес

к современному подходу в теории и практике управления — кросс-культурному менеджменту.

Кросс-культурный менеджмент — это инструмент управления, который позволяет организовать и развивать коммуникации руководителя и сотрудников компании как на внутреннем, так и на внешнем уровнях. Особая роль в формировании и эффективном налаживании подобного механизма принадлежит организационной культуре. По сути, кросс-культурный менеджмент — «новый тип управления, учитывающий культурные различия персонала в процессе управления и использующий их для повышения эффективности коммуникаций как внутри организации, так и в ее международных отношениях» [2, с. 129].

Кросс-культурный менеджмент «отражает внутреннюю логику развития межкультурных взаимоотношений в эпоху всемирной интеграции и унификации всех сфер общественной жизни» [3]. Как указывает Н.П. Зенченко, «активное развитие интеграционных процессов, освоение новых рынков, стратегическое партнерство с международными корпорациями, привлечение иностранных инвесторов и акционеров определяют ведение бизнеса и построение стратегий компаний... происходят изменения и преобразования в системе управления, совершенствуются методы управления международными компаниями...» [1, с. 3].

Ф. Мензис, генеральный директор Include-Empower.Com, консалтинговой компании по вопросам разнообразия и инклюзивности, выделила основные культурные риски для бизнеса: неспособность выявлять региональные и субкультурные различия; неумение адаптировать глобальные бизнес-модели к местному рынку и методы управления в разных культурах; непонимание местной деловой практики (обычаев, традиций, норм), местных правовых и этических вопросов; культурное невежество; неэффективное управление разнообразием¹.

Таким образом, для успешного общения в бизнесе потребуются особый вид управления, касающийся культурных рисков [4]. Недоразумения, напряженность и предубеждения, вызванные культурными различиями, способны привести к прямому провалу бизнеса на внешнем рынке. В свою очередь, кросс-культурный менеджмент

«оказывает помощь в управлении деловыми отношениями, возникающими в поликультурной среде, результатом которого являются создание успешных коммуникаций, условий прибыльного бизнеса и плодотворного труда на пересечении разных деловых культур. Благодаря этому регулирование межкультурных конфликтов в бизнес-среде осуществляется на порядок эффективнее» [3].

Кросс-культурный менеджмент помогает устранить риски, с которыми может столкнуться компания, ведущая свой бизнес в разных регионах и странах мира. Определение риска как «возможной опасности» или «инцидента» применимо в контексте интернационализации рынков и создания мультикультурных команд, что, с одной стороны, дает бизнесу большие возможности, но с другой — может представлять для него угрозу. Поэтому многие западные теоретики предлагают модели адаптации, снижения кросс-культурных различий между сотрудниками компаний [5–8].

Изучая научную литературу, автор пришла к выводу, что за рубежом сформировался определенный процессный подход к анализу механизма управления культурными рисками в международном бизнесе. Вырисовывается определенная модель, включающая в себя четыре основных ступени.

1. Максимальные риски — культурное безразличие.

Автоматически возникает при выходе компании на зарубежный рынок. В этом случае кросс-культурное управление совершенно бесполезно: либо деятельность организации остается строго ограниченной национальным контекстом (что случается все более редко), либо в ней преобладает профессиональная культура.

2. Высокие риски — культурные знания.

В процессе изучения межкультурного менеджмента у человека возникает иллюзия межкультурной компетентности. Поэтому междисциплинарный подход в обучении должен учитывать необходимость развития навыков и умений общения с представителями иных стран, но этого сложно достичь в пределах учебной аудитории.

3. Умеренные риски — межкультурная компетентность.

В научной литературе межкультурная компетентность трактуется как «способность, приобретенная на основе определенных знаний и установок, которая позволяет людям эффективно работать в контексте различных культур»

¹ The top ten cultural risks for global business. Include-Empower.com URL: <https://cultureplusconsulting.com/2015/06/23/top-ten-cultural-risks-global-business/>

[9, p. 71]. Современные походы к истолкованию межкультурной компетентности стремятся «объяснить способность выходить за рамки собственной культурной обусловленности и эффективно взаимодействовать с людьми из иных лингвистических и культурных контекстов» [10, p. 8]. Как указывает А. Матвеев, «...межкультурная компетентность отличается от компетенции межкультурного общения, поскольку первая рассматривает навыки, необходимые для того, чтобы быть культурно компетентным, в то время как вторая в основном фокусируется на коммуникативных навыках человека в межкультурных контактах» [10, p. 9].

4. Контролируемые риски — культурный интеллект (CQ).

Определяется как способность адаптироваться к новым культурным условиям [11]. Люди с высоким CQ не являются экспертами во всех культурах, но у них имеются навыки, чтобы уверенно входить в новую среду, делать обоснованные суждения и определять влияние конкретной культуры. Культурный интеллект становится все более важным навыком в бизнесе, так как он влияет на формирование команды [12]. Мультикультурные команды извлекают выгоду из разнообразия мнений. В настоящее время в кросс-культурном менеджменте, как полагают некоторые зарубежные эксперты, «культурно интеллектуальный подход является наиболее эффективным» [13].

Обобщая вышеизложенный материал, следует подчеркнуть, что в своем развитии международная компания проходит все стадии: равнодушие к проблеме культурных различий, необходимость получения знаний о другой культуре и, наконец, формирование культурного интеллекта.

В заключение следует сказать, что структура каждой культуры чрезвычайно сложна. И организационную культуру компании необходимо строить на основе осознания этих различий. Сегодня это важный элемент стратегии многих современных организаций. По мнению автора, цель глобального бизнеса — прийти к постепенному разрушению кросс-культурных различий, к унификации и стандартизации форм и средств межкультурного общения. В этой связи следует отметить, что именно новейшие информационно-коммуникативные технологии приводят к облегчению общения между представителями разных стран как носителей различных языков и культур. Более того, кросс-культурные тренинги и программы обучения менеджеров ориентированы на изменение культурного интеллекта реципиентов.

Наше исследование может быть полезно менеджерам российских и международных компаний при принятии решений о привлечении сотрудников с различными культурными традициями, при разработке системы управления и оценке эффективности деятельности кросс-культурных коллективов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Зенченко Н.П. Управление кросс-культурными коллективами в организациях. Дисс. ... на соискание ученой степени кандидата экон. наук. М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; 2016. 153 с.
Zenchenko N.P. Management of cross-cultural collectives in organizations. Diss. ... for the degree of Candidate of economics. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2016. 153 p. (In Russ.).
2. Каштанова Е.В., Ионцева М.В., Воронин В.Н., Носова Д.А. Кросс-культурный менеджмент в сложившейся культуре коммуникаций. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2022;(64):121–133. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-121-133>
Kashtanova E.V., Iontseva M.V., Voronin V.N., Nosova D.A. Cross-cultural management in the established culture of communications. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. 2022;(64):121–133. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-64-121-133> (In Russ.).
3. Ломовцева А.В., Илюшина А.С., Малышева А.А. Межкультурные коммуникации и кросс-культурный менеджмент в России. *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2016/10/12543>
Lomovtseva A.V., Ilyushina A.S., Malysheva A.A. Intercultural communications and cross-cultural management in Russia. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologij* = *Economics and management of innovative technologies*. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2016/10/12543> (In Russ.).
4. Khalifah M.A. International Business & Cultural Risk. Glasgow: Glasgow Caledonian University; 2013.
5. Bennett J.M. Cultural Studies in Cultural Self-awareness. Minneapolis: University of Minnesota; 1984.

6. Deardorff D.K. Assessing intercultural competence. *New Directions for Institutional Research*. 2011;(149):65–80.
7. Ferri G. Intercultural communication. London: Palgrave Macmillan; 2018. 117 p.
8. Glaser E., Guilherme M., del Carmen M., Mendez G., Mughan T. ICOPROMO, intercultural competence for professional mobility. Strasbourg/Graz: Council of Europe Publishing; 2007. 60 p.
9. Mažeikienė N., Virgailaitė-Mečkauskaitė E. The experience of measurement and assessment of intercultural competence in education. *Social Sciences*. 2007;4(58):70–82.
10. Matveev A. Intercultural competence in organizations. A Guide for leaders, educators and team players. New-York: Springer; 2017. 203 p.
11. Carley P. Cultural intelligence: individual interactions across cultures. Stanford: Stanford University Press; 2003.
12. Skerlavaj M. From Creativity to Innovation: Four leadership lessons about capitalizing on high-potential ideas. Oslo: Universitetsforlaget; 2018.
13. MacLachlan M. Cultural intelligence and performance management. URL: <https://www.countrynavigator.com/blog/cultural-intelligence-and-performance-management/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Павловна Тен — доктор философских наук, доцент, профессор департамента менеджмента, Финансовый университет, Москва, Россия

Yulia P. Ten — Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2387-6243>

YPTen@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.03.2023; принята к публикации 15.04.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.03.2023; accepted for publication on 15.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-88-94

УДК 32.342.1;32.342.2(045)

Сравнительный анализ политических технологий оптимизации внутрирегионального пространства государства

А.А. Никлаус

Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье исследован зарубежный опыт управления процессами регионального развития. Автором проведен сравнительный анализ политических механизмов оптимизации внутрирегиональной политики государства, суть которых заключается в использовании различных подходов и принципов регионального управления. Вместе с тем в статье большое внимание уделяется проблеме дифференциации регионального пространства. Проанализированы применяемые правительствами разных стран политические технологии, которые ориентированы на формирование и оптимизацию внутрирегионального пространства. Рассматривается опыт Польши с позиций реализации регионального управления в период осуществления там административной реформы; Австрии и Бельгии — в аспекте институционального обеспечения региональной политики; Франции — те механизмы публичного управления, с помощью которых удалось добиться устойчивого регионального развития страны. На основании обобщения зарубежного опыта выделены основные политические технологии оптимизации внутрирегионального пространства, в частности: децентрализация, регионализация, многоуровневая региональная политика.

Ключевые слова: политические технологии; территория; федерализм; оптимизация; внутрирегиональное пространство; зарубежный опыт; страны ЕС

Для цитирования: Никлаус А.А. Сравнительный анализ политических технологий оптимизации внутрирегионального пространства государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):88-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-88-94

ORIGINAL PAPER

Comparative Analysis of Political Technologies for Optimizing the Intraregional Space of the State

A.A. Niklaus

Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article examines foreign experience in managing regional development processes. The author has carried out a comparative analysis of the political mechanisms for optimizing the intraregional policy of the state, the essence of which is the use of various approaches and principles of regional governance. At the same time, the article pays great attention to the problem of differentiation of the regional space. The author analyzes the political technologies which are applied by the governments of different countries and focused on the formation and optimization of the intraregional space. The experience of Poland is considered from the standpoint of the implementation of regional governance during the period of administrative reform there; the experience of Austria and Belgium, which is studied in the aspect of institutional provision of regional policy. The French mechanisms of public administration are studied, with the help of which it was possible to achieve sustainable regional development of the country. Basing of the generalization of foreign experience, the main political technologies for optimizing the intraregional space are provided in then article, in particular: decentralization, regionalization, multi-level regional policy.

Keywords: political technologies; territory; federalism; optimization; intraregional space; foreign experience; EU countries

For citation: Niklaus A.A. Comparative analysis of political technologies for optimizing the intraregional space of the state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):88-94. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-88-94

ВВЕДЕНИЕ

Для современного уровня развития территорий в разных регионах мира характерны значительные диспропорции, которые выражаются в усиливающейся концентрации экономических анклавов в крупных мегаполисах, административных центрах, промышленно развитых городах, что порождает неэффективную систему государственного управления в целом.

Опыт новейшей истории создания государства свидетельствует о том, что современному европейскому сообществу важно не сокращение количества регионов, а обеспечение условий для оптимальной реализации каждым из них своих специфических преимуществ и особенностей. Это и стало определяющим фактором перемен в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., когда преобладающее большинство стран Европы перешли к новым принципам региональной политики. Главными из них являются концентрация финансовых ресурсов в проблемных регионах, переход от проектных к программным основам внутрирегионального развития пространства; внедрение принципа субсидиарности. Именно в этот период утвердился термин «новый регионализм» как идеология европейского регионального развития, основанного на использовании своего внутреннего потенциала.

Следует отметить, что именно на европейском континенте была создана официальная региональная структура «EUREGIO», которая к настоящему моменту уже прошла большой эволюционный путь. EUREGIO, «Европа регионов», или первый Еврорегион, был образован в 1958 г. Он объединил коммуны и территориальные общины западной Германии и восточных Нидерландов; в его состав входят около 130 городов, округов и общин. Из первоначального лозунга, ориентированного на перспективу, он трансформировался в реальный политический феномен.

Поэтому вполне обоснованно в Декларации Ассамблеи Европы «О регионализме в Европе» (1966 г.) отмечено, что именно регионы являются важнейшим составным элементом дальнейшего развития Европы и процессов европейской интеграции. Отметим и ту особенность, что этот «новый регионализм» первоначально получил распространение в ходе регулирования процессов развития макро-региональных структур, а уже потом — на

национальном уровне. Такая стратегическая направленность обусловлена и тем, что при реализации различных социально-экономических, политических и геоэкономических задач всегда должны учитываться особенности регионального развития, в том числе пропорциональное соотношение потребностей и ресурсов отдельных регионов.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Анализ последних исследований и публикаций доказывает, что среди зарубежных и отечественных исследователей существуют разные подходы к развитию региональных территорий. К основным понятиям и практикам в рамках рассмотрения политических технологий оптимизации внутрирегионального пространства государства можно отнести региональную специализацию и региональную интеграцию.

В настоящее время широко распространены концепции «специализированных регионов», подразумевающие наличие особых условий для их «умного» развития [1–3].

Термин «умная специализация регионов» возник в результате целого комплекса теоретических исследований, ориентированных на практику расширения модели формата кластерного развития стран и регионов ЕС¹. Эти подходы были взяты за основу и российскими исследователями при анализе ими практики отдельных регионов России². Специализация как перспективное направление регионально-го развития рассматривается отечественными экспертами, по аналогии с зарубежными учеными, согласно критериям соответствия научно-технологическим трендам, стратегиям пространственного развития³, уровню инвестирования в НИОКР, объему научных публикаций по данной тематике и частоте цитирования, количеству профильных патентов [5, 6].

В свою очередь, региональная интеграция, тесно связанная с внутрирегиональным

¹ European Cluster Observatory. URL: <https://clustercollaboration.eu/tags/european-cluster-observatory>

² Исследование кластерной среды в Свердловской области, 2018 г. URL: <https://acexpert.ru/publications/research/issledovanie-klasternoy-sredi-v-sverdlovskoy-oblas>

³ Проект стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_realizacii_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2025_goda.html

развитием, как поле для теоретических исследований также имеет свой тематический дискурс. Американский экономист Ф. Махлуп констатировал, что данный термин появился примерно в 1942 г., быстро вошел в обиход и стал применяться для обозначения интеграции в торговле, при перемещении капиталов, финансовых потоков и в других сферах. Об этом пишет и известный российский регионовед В. Н. Зуев [7].

Еще одним перспективным направлением регионального сотрудничества является создание в трансграничных регионах кластеров как формы территориальной организации производства, направленной на повышение конкурентоспособности регионов. Это широко распространено в странах ЕС, где кластеры рассматриваются как инструмент привлечения инвестиций, повышения конкурентоспособности отраслей регионов, роста инновационного потенциала и как локомотивы экономического развития. В мировой практике известны случаи, когда формирование кластеров в определенных отраслях приводило к значительному повышению конкурентоспособности внутрирегиональных территорий⁴.

Концепция кластеров предполагает наличие трех главных факторов развития:

1) показатель общей конкурентоспособности кластера является большим, чем сумма показателей конкурентоспособности каждой из его составляющих (эффект синергии);

2) сеть объединяет ряд заинтересованных сторон: представителей деловых кругов (покупатели, поставщики, финансовые институты, организации, занимающиеся материально-техническим обеспечением и т. п.), а также некоммерческие организации, способные оказать серьезную поддержку (исследовательские институты, образовательные учреждения, предприятия государственного сектора);

3) географическая близость упрощает кооперационные связи в пределах кластера — особенно те, которые способствуют генерации и распространению знаний и применению но-

вых технологий путем образования инновационной среды⁵.

Эти и другие подходы к опыту использования политических технологий оптимизации внутрирегионального пространства государства требуют всестороннего и глубокого изучения. Однако на сегодняшний день таких исследований пока недостаточно — как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Вопросы, относящиеся к данной проблематике, которая становится все более актуальной, нуждаются в систематизации и научном осмыслении.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «территория» — одно из наиболее сложных, противоречивых и дискуссионных в современной науке. В политическом контексте категория территории имеет, пожалуй, наиболее важное значение в сопоставлении с иными областями научного знания. Специалисты все чаще обращаются к дефинированию и типологии территорий, прибегают к всестороннему исследованию и переосмыслению многих основных концепций, связанных с пространством, местом, регионом и трансграничностью.

Отметим, что в данном контексте значительное распространение в начале нового тысячелетия получили такие институциональные формы сотрудничества, как трансграничные партнерства, промышленные зоны/парки, кластеры, инновационные проекты, а также европейские группировки территориального сотрудничества, объединения еврорегионального сотрудничества, центры (комплексы) пограничной торговли.

При этом региональная политика предполагает преодоление диспропорций между отдельными регионами в пределах Евросоюза, а рост благосостояния населения отражает сам процесс формирования европейского единства. На эти цели направляется свыше трети бюджета Союза. Региональная политика ЕС на период 2014–2020 гг. была сфокусирована на инвестициях и создании рабочих мест, усилении европейского территориального сотрудничества. В ряду текущих задач региональной политики ЕС следует выделить меры,

⁴ Konceptcja Przestrzennego Zagospodarowania Kraju 2030. Ministerstwo Rozwoju Regionalnego, Warszawa; 2011. URL: <https://www.teraz-srodowisko.pl/slownik-ochrona-srodowiska/definicja/konceptcja-zagospodarowania-przestrzennego-kraju.html#:~:text=Dokument%20zawieraj%C4%85cy%20zapisy%20dotycz%C4%85ce%20g%C5%82%C3%B3wnych,dzia%C5%82ania%20niezb%C4%99dne%20do%20jego%20osi%C4%85gni%C4%99cia.>

⁵ Официальный сайт Европейской кластерной обсерватории. URL: <https://clustercollaboration.eu/tags/european-cluster-observatory>

осуществляемые в пределах Стратегии Европы 2020 г., для «разумного, устойчивого и всеобъемлющего развития; поддержки комплексного планирования; мониторинга достижений планируемых показателей; укрепления территориальной сплоченности; упрощения процедур поставок»⁶. Очевидно, что несогласованность и нескоординированность региональной политики в отношении регионов может поставить под угрозу целостность ЕС и будет усиливать центробежные силы внутри Союза.

В качестве способов оптимизации внутрирегионального устройства государства используются также такие технологии, как объединение и разъединение субъектов федерации; приграничное реформирование; муниципальная реформа; перенос региональных столиц; ребрендинг региона; бюджетное выравнивание; создание макрорегионов.

Так, под территориальным брендингом в регионах подразумеваются технологии по формированию конкурентной региональной идентичности, с помощью чего реализуются современные конкурентоспособные региональные проекты, целью которых является выделение преимуществ той или иной территории на рынке региональных брендов.

Что касается бюджетного выравнивания в муниципальных образованиях, то бюджетное законодательство ЕС предусматривает широкий набор финансовых и правовых инструментов, которыми регионы могут пользоваться в дотационных целях. Механизм дотаций функционирует благодаря нескольким фондам финансовой поддержки, формирующимся в составе как региональных, так и местных бюджетов. В России, для сравнения, также распространена практика межбюджетного выравнивания на региональном уровне — дотации распределяются с целью более равномерной бюджетной обеспеченности муниципальных образований [9].

Еще одной политической технологией оптимизации внутрирегионального устройства государства выступает создание макрорегионов. Интегрирование территорий имеет мощные исторические предпосылки, но в то же время на этот процесс способны оказывать большое влияние текущие и даже случайные события.

Интеграция территорий может быть обусловлена теми импульсами, которые исходят от более сильного региона. В то же время стимулы к объединению возникают и у слабых регионов, которые, по сути, становятся объектами экспансии.

Региональная политика предполагает преодоление диспропорций между отдельными регионами в пределах Евросоюза, а рост благосостояния населения отражает сам процесс формирования европейского единства. На эти цели направляется свыше трети бюджета Союза. Региональная политика ЕС на период 2014–2020 гг. была сфокусирована на инвестициях и создании рабочих мест, усилении европейского территориального сотрудничества.

Вместе с тем эти процессы способны вызвать разного рода дисбалансы и, соответственно, рост социального напряжения, увеличение безработицы. Поэтому правительства зарубежных стран вели активную деятельность по обеспечению правовых рамок процесса региональной политики. Перед государствами встал вопрос: какой тип региональной политики выбрать с учетом экономического развития, ресурсов, институциональной структуры и правовой базы: политику национальной (уменьшение разрыва в экономическом развитии между странами) или региональной (уменьшение внутрирегиональных дисбалансов) конвергенции? Однако какую бы политику ни выбрали государства, общее здесь то, что использование внутреннего потенциала регионов служит залогом их развития.

Например, важным экономическим механизмом функционирования французской системы планирования территориального развития являются плановые контракты с учетом

⁶ Официальный сайт Комитета по мониторингу региональной политики. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/what/investment-policy_en

существования государства-региона, где главный акцент делается на подготовку регионами обоснованных документов для заключения контрактов с государством.

Приграничные территории — одни из приоритетных объектов реализации региональной политики ЕС и, соответственно, региональных политик соседних стран. Проведенный анализ обнаружил очевидную направленность совершенствования смежных приграничных территорий на повышение их конкурентоспособности и обеспечение устойчивого социально-экономического и экологического развития. Иными словами, важные факторы, влияющие на процессы трансграничной конвергенции и обеспечения конкурентоспособности, — это контроль или его отсутствие со стороны государства с помощью региональных политических технологий по развитию приграничных территорий и трансграничного сотрудничества (далее — АРР).

Европейские АРР не имеют однозначного статуса: они действуют как общественные организации, коммерческие прибыльные структуры (Чехия); неприбыльные предприятия (Болгария, Венгрия, Эстония); акционерные общества, местные фонды (Польша); государственные предприятия (Ирландия, Испания, Германия, Великобритания); акционерные общества (Португалия, Франция).

Основными направлениями работы агентств регионального развития государств — членов ЕС являются:

- оценка угроз и потенциала региональной экономики, разработка региональных экономических стратегий и программ развития;
- инвестирование собственных (и привлечение посторонних) ресурсов и сосредоточение средств в тех сферах, развитие которых отвечает интересам общин и местного бизнеса;
- оказание влияния на властные, бизнес-и научные учреждения на местном уровне для принятия решений, способствующих развитию территорий;
- координация и оценка проведения мероприятий по поддержке внутрирегионального развития; их внедрение — т.е. отбор проектов для выделения государственных субсидий⁷.

⁷ Cohesion policy 2014–2020. Investing in growth and jobs. URL: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/stories/s/Cohesion-policy-2014–2020-investment-progress/4e3b-ddcr/>

Следует отметить некоторые особенности в направлениях работы АРР в зависимости от страны. Так, определенным достижением деятельности АРР в Польше стало формирование налаживающих технологических инкубаторов и инвестиционно-инновационное сотрудничество между научными и коммерческими структурами, обеспечивающее поддержку малого и среднего бизнеса, а также способствующее налаживанию работы сферы услуг в рамках публично-частного партнерства (например, на этом специализируется малое польское агентство патронируемого регионального развития — Бескидский технологический инкубатор)⁸.

Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия в составе Соединенного Королевства имеют право разрабатывать собственную политику регионального развития на основе кластеризации. Основа успеха деятельности АРР — определенная институциональная гибкость, быстрое реагирование на изменения в ситуации в регионе. В других государствах ЕС (Чехии, Венгрии) также высказываются сомнения по поводу того, имеют ли АРР необходимый потенциал для выполнения заявленных разноплановых задач в области регионального развития через расширение их функций. В частности, речь идет о функции управления структурными фондами (ее наличие выступает стандартным требованием к АРР в странах ЕС, что может отвлекать их от непосредственной работы по реализации программ регионального развития).

Европейский опыт свидетельствует о том, что деятельность АРР вполне успешна. Их тесное взаимодействие со всеми уровнями региональной власти, общественности, представителями предпринимательской среды, бизнес-структурами, действующими на региональном (местном) уровне в странах ЕС, способствует достижению синергии и мультипликативного эффекта, что позволяет учесть потребности и возможности территорий, разделенных границами внутренней административно-территориальной структуры.

⁸ Koncepcja Przestrzennego Zagospodarowania Kraju 2030. Ministerstwo Rozwoju Regionalnego, Warszawa; 2011. URL: <https://www.teraz-srodowisko.pl/slownik-ochrona-srodowiska/definicja/koncepcja-zagospodarowania-przestrzennego-kraju.html#:~:text=Dokument%20zawieraj%C4%85cy%20zapisy%20dotycz%C4%85ce%20g%C5%82%C3%B3wnych,dzia%C5%82ania%20niezb%C4%99dne%20do%20jego%20osi%C4%85gni%C4%99cia.>

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На основании вышесказанного следует резюмировать, что стратегические ориентиры государственной политики в направлении оптимизации внутрирегионального сотрудничества должны быть направлены на усиление роли регионов в системе государственного и регионального управления; развитие институционального обеспечения трансграничного сотрудничества; обеспечение государственной поддержки деятельности регионов ЕС; реализацию механизмов для повышения региональной безопасности на трансграничном пространстве; уменьшение оттока ресурсов.

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1) основным инструментом развития институционализма в рамках региональной политики является децентрализация, которая осуществляется на принципах субсидиарности;

2) регионализация и децентрализация стали ключевыми факторами в обеспечении эффективной региональной политики в мировой практике;

3) региональная политика является многоуровневой и реализуется центральными органами власти и регионов, а также органами местного самоуправления (относительно недав-

но основную роль в формировании и осуществлении внутрирегиональной политики играли только центральные органы исполнительной власти);

4) в ходе проведения региональной политики повышается роль регионального и местного самоуправления, частных структур, общественных организаций, отстаивающих интересы общин и регионов, а также профессиональных структур (например, агентств регионального развития), главная задача которых — содействие региональным инициативам;

5) роль центрального правительства все больше сводится к формированию концептуальных устоев и необходимой нормативно-правовой базы.

Таким образом, можно констатировать, что выбор политических технологий по оптимизации внутрирегионального пространства у современного государства достаточно большой, даже с учетом его исторического опыта и современных реалий. Эти возможности требуют дальнейших исследований и разработки теоретических и практических рекомендаций законодателям и органам политической власти по формированию и развитию действенных политических технологий и механизмов обеспечения оптимизации внутрирегионального пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cornett A. A new regional balance: Regional specialization and growth: An analysis of spatial divergence in Northern Europe. 55th Congress of the European Regional Science Association: "World Renaissance: Changing roles for people and places", 25–28 August 2015. Lisbon, Portugal, European Regional Science Association (ERSA). Lisbon: Louvain-la-Neuve; 2015.
2. Goschin Z. Regional specialization and geographic concentration of industries in Romania. URL: <http://www.asecu.gr/files/RomaniaProceedings/27.pdf>
3. Нехорошева Л. Н. Концептуальные подходы, методы и инструменты кластерной политики в республике Беларусь и Польше: сравнительный анализ. *Белорусский экономический журнал*. 2015;(4):4–22.
3. Zemtsov S. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas. *Foresight and STI Governance*. 2016;10(3):34–52.
4. Гришина И. В. Стратегия пространственного развития России: методические подходы к разработке экономического блока. М.: ВАБТ; 2018.
5. Котов А. В. Умная специализация региона — вариант решения для России. Научный очерк. М.: ВАБТ; 2019. 60 с.
6. Зуев В. Н. Наднациональные механизмы интеграции. Монография. М.: Магистр; 2014.
7. Boschma R., Coenen L., Frenken K. and Truffer B. Towards a Theory of Regional Diversification: Combining Insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies. *Regional Studies*. 2017;51(1):31–45.
8. Коуров Р. Ф. Дотации субъекта РФ и экономическое содержание их функций. *Ученые заметки ТОГУ*. 2015;6(3):12–17.
9. Bachtler J., Mendez C. and Wishlade F. EU Cohesion Policy and European Integration: Dynamics of EU Budget and Regional Policy Reform. Aldershot: Ashgate; 2013.

REFERENCES

1. Cornett A. A new regional balance: Regional specialization and growth: An analysis of spatial divergence in Northern Europe. 55th Congress of the European Regional Science Association: "World Renaissance: Changing roles for people and places", 25–28 August 2015. Lisbon, Portugal, European Regional Science Association (ERSA). Lisbon: Louvain-la-Neuve; 2015.
2. Goschin Z. Regional specialization and geographic concentration of industries in Romania. URL: <http://www.asecu.gr/files/RomaniaProceedings/27.pdf>
3. Nekhorosheva L. N. Conceptual approaches, methods and tools of cluster policy in the Republic of Belarus and Poland: comparative analysis. *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal = Belarusian Economic Journal*. 2015;(4):4–22. (In Russ.).
3. Zemtsov S. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas. *Foresight and STI Governance*. 2016;10(3):34–52.
4. Grishina I. V. Russia's spatial development strategy: methodological approaches to the development of an economic block. Moscow: VAVT; 2018. (In Russ.).
5. Kotov A. V. Smart specialization of the region — a solution option for Russia: scientific essay. Moscow: VAVT; 2019. 60 p.
6. Zuev V. N. Supranational mechanisms of integration. Monograph. Moscow: Magistr; 2014. (In Russ.).
7. Boschma R., Coenen L., Frenken K. and Truffer B. Towards a Theory of Regional Diversification: Combining Insights from Evolutionary Economic Geography and Transition Studies. *Regional Studies*. 2017;51(1):31–45.
8. Kourov R. F. Subsidies of a constituent entity of the Russian Federation and the economic content of their functions. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes of TOGU*. 2015;6(3):12–17. (In Russ.).
9. Bachtler J., Mendez C. and Wishlade F. EU Cohesion Policy and European Integration: Dynamics of EU Budget and Regional Policy Reform. Aldershot: Ashgate; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Анна Александровна Никлаус — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Московский психолого-социальный университет, Москва, Россия
Anna A. Niklaus — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2647-6317>
nicklaus.anna@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.01.2023; принята к публикации 15.02.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 15.01.2023; accepted for publication on 15.02.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-95-103
УДК 316.33(045)

Бренд как объект продвижения личности в современном мире

Р.К. Крайнева, А.С. Дробина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье говорится об особенностях продвижения персонального бренда через социальные сети на примере Елизаветы II (1926–2022 гг.). Авторы описывают этапы формирования персонального бренда и их содержание. Социальные сети в настоящее время являются одним из самых популярных и влиятельных средств массовой коммуникации, а социальные медиа рассматриваются как новые каналы для формирования общественного мнения, так как они изменяют информационное пространство и трансформируют характер коммуникационного процесса. В работе отмечается, что управление брендом в социальных сетях может быть как позитивным, сплачивающим общество, так и негативным, порождающим протесты, фальсификацию правды и многое другое.

Ключевые слова: персональный бренд; целевая аудитория; социальные медиа; персональный брендинг; продвижение; монархия; реклама; медийная личность

Для цитирования: Крайнева Р.К., Дробина А.С. Бренд как объект продвижения личности в современном мире. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):95–103. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-95-103

ORIGINAL PAPER

Brand as an Object of Person's Promotion in the Modern World

R.K. Krayneva, A.S. Drobina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the features of promoting a personal brand through social networks using the example of Elizabeth II (1926–2022). The authors describe the stages of forming a personal brand and their content. Social networks are currently one of the most popular and influential means of mass communication, and social media are considered as new channels of public opinion formation, as they change the information space and transform the nature of the communication process. The authors of the article state that brand management in social networks can be both positive, uniting society, and negative, giving rise to protests, falsification of the truth and much more.

Keywords: personal brand; target audience; social media; personal branding; promotion; monarchy; advertising; media personality

For citation: Krayneva R.K., Drobina A.S. Brand as an object of person's promotion in the modern world. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):95–103. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-95-103

ВВЕДЕНИЕ

8 сентября 2022 г. умерла Елизавета II. Весь мир выражал любовь и уважение к королеве. Но стоит сказать, что многие не скрывают свою неприязнь ко всей британской монархии. Существует мнение, что королевская семья живет на деньги простого народа, а сама ничего для Великобритании не делает. Но так ли это?

АКТУАЛЬНОСТЬ

Институт монархии в Великобритании имеет более чем 1000-летнюю историю и является одним из древнейших, благополучно дожив до наших дней и став опорой Великобритании настолько, что ее судьба интересует не только британское общество, но и весь мир. Что же сделало Елизавету II всеобщим идеалом и почему ее деятельность ставится под сомнение?

Ответ на этот вопрос важен не только как оценка правления Елизаветы II, но и в качестве изучения опыта продвижения персонального (личного) бренда для популярных и публичных персон с помощью современных средств и каналов, так как социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Как же они способствуют продвижению персонального бренда медийной личности?

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Описанию биографии Елизаветы II посвящено множество художественных и документальных фильмов [1]. Она правила 70 лет, контролировала семь стран, поработала с пятнадцатью премьер-министрами и завоевала любовь миллионов своих подданных¹. Некоторые ее обожали, другие — ненавидели, но равнодушных к ее особе не было.

Коронация королевы Елизаветы прошла в 1953 г. За время своего правления королева пережила несколько покушений на жизнь. О ней 7 раз писали в книге рекордов Гиннеса!

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ В ОБЩЕМ ВИДЕ

Почему так важно продвижение персонального бренда? Любая влиятельная, медийная личность внимательно следит за тональностью и частотой публикаций о своей персоне, и представители королевского дома Великобритании не являются исключением. Все публичные выходы и любые поступки членов королевской семьи согласуются с установленным протоколом и придворным этикетом, ведь любой их шаг влияет на репутацию целой страны. По существу, королева стала главным маркетологом и пиарщиком Англии. По словам аналитиков, основной ценностью являются не материальные активы (имущество Виндзоров оценено в 25,5 млрд фунтов стерлингов), а бренд — «королевская семья». Суммарная выгода Великобритании от так называемого «эффекта королевской семьи» — 42 млрд фунтов стерлингов. Монархия — «это большая PR-кампания для всей страны», — такую характеристику Виндзорам дала CEO Brand Finance, ведущая мировая кон-

салтинговая компания по оценке брендов². За 70 лет Елизавета стала отличным маркетологом, использующим эффективные инструменты для продвижения своего имени и товаров под своим брендом.

Персональный бренд — это собирательный образ человека, состоящий из множества факторов, таких, как внешний вид, связи, манеры и т.д. Персона играет ключевую роль в продвижении бренда, так как именно вокруг нее собирается весь образ³. Бренд продвигается в первую очередь через личность, через ее взаимодействия и коммуникации с разными общественно-политическими и социально-культурными структурами. Королева с помощью персонального бренда продвигала идеи и взгляды как своей семьи, так и всей страны [2].

Она показывала, что волнуется и дорожит британцами, понимает их потребности, нужды и желания⁴. Это свидетельство и проявление человеческой мудрости и монаршего величия, скромности и аристократичности [3].

Рассмотрим каналы продвижения личного бренда монаршей семьи Великобритании на примере Елизаветы II (табл. 1).

Елизавета II постоянно продвигала свой персональный бренд, присутствуя лично на мероприятиях или используя интернет. У королевской семьи есть официальный сайт, где публикуется вся актуальная информация про самих монархов, расписание мероприятий и т.д. Кроме этого, у всех ее представителей есть персональные аккаунты в соцсетях, где выкладываются фотографии с мероприятий или видеоролики [4].

Королева придерживалась сдержанного стиля, — на публике она всегда появлялась в однотонных костюмах, шляпке и с сумочкой. Также ее постоянными атрибутами были различные большие броши. Считается, что брошь отображала мнение Елизаветы по поводу того

¹ Боже, храни королеву: история правления Елизаветы II — самого долгого и турбулентного в истории британской монархии. URL: <https://www.pravilamag.ru/articles/150974-bozhe-hrani-korolevu-istoriya-pravleniya-elizavety-ii-samogo-dolgoego-i-turbulentnogo-v-istorii-britanskoymonarchii/> (дата обращения: 20.04.2023).

² Деньги и власть: сколько зарабатывает королевская семья Великобритании (и сколько она стоит). URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zizny/dengi-i-vlast-skolko-zarabatyivaet-korolevskaya-semya-velikobritanii-i-skolko-ona-stoit/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Как создать и развить личный бренд, и как потом на нем зарабатывать. URL: <https://clck.ru/34VXea> (дата обращения: 28.04.2023).

⁴ «Люди должны видеть меня». 23 тысячи дней Елизаветы II во главе британской монархии. URL: <https://tass.ru/spec/elizabeth>. URL: <https://tass.ru/spec/elizabeth> (дата обращения: 20.04.2023).

Таблица 1 / Table 1

Каналы продвижения персонального бренда Елизаветы II / Channels for promoting the personal brand of Elizabeth II

Каналы продвижения	Средства продвижения	Эффективность и необходимость
Официальный сайт	Общая информация	Традиционный способ коммуникации. В основном — сухая и четкая информация. Не привлекает внимание прессы или обычного народа
	Новости	
	Ссылки на соцсети	
	Мероприятия	
	История бренда	
	Контакты для связи	
СМИ	Интервью	Относительно новый способ взаимодействия с народом. Привлекает внимание, бренд держится на слуху
	Фотографии с мероприятий	
	Герои статей	
	Опросы	
	Инфоповоды	
Лидеры мнений	Противоречивая оценка	Один из самых сложных способов продвижения бренда. Трудно не уходить в крайности, поддерживая известность
	Актуальность	
Социальные сети	Короткие высказывания	Наиболее современный и эффективный способ взаимодействия. Позволяет бренду сохранять свою актуальность, взаимодействовать с подписчиками и продвигать персональный имидж
	Анонсы	
	Уникальная информация	
	Закулисы жизни	
	Имиджевые фотографии	
	Записи и фото с мероприятий	
	Обратная связь	
Запоминающийся имидж	Визиты	Визитная карточка бренда, неотъемлемая часть продвижения
	Внешний вид	
	Манеры и поведения	
Активная общественная деятельность	Спикер	Традиционный способ взаимодействия. Выступая в качестве эксперта, можно поднять уровень бренда
	Участник	
	Организатор	
	Эксперт	
	Спонсор	

Источник / Source: составлено авторами по URL: <https://clck.ru/34VXea> / compiled by the authors based on URL: <https://clck.ru/34VXea>

Таблица 2 / Table 2

Способы продвижения персонального бренда Елизаветы II / Ways of promoting the personal brand of Elizabeth II

Способ продвижения	Описание
Обязательные мероприятия	Все события тщательно изучались и выбирались самые «выгодные» из них. На мероприятиях королева перерезала ленточки, общалась с прессой и народом, вела светские беседы. Каждое рукопожатие очень важно для репутации страны
Поддержание трендов	Елизавета шла в ногу со временем. Так, в 1953 г. она впервые провела демонстрацию коронации в прямом эфире. В 2012 г. для ролика в честь проведения Олимпийских игр в Лондоне королева становится «напарницей» знаменитого секретного агента 007 Джеймса Бонда и «прыгает» вместе с ним с парашютом. А в 2022 г. Елизавета была в скетче с анимированным персонажем — медвежонком Паддингтоном*
Общественный образ	Королева всегда одевалась в одном стиле: яркие костюмы, большие броши, шляпка и сумочка. Она часто шутила и подтрунивала и над другими, и над собой**
Уникальность и эксклюзив	Елизавета любила баловать прессу маленькими подробностями своей личной жизни. Она приоткрывала занавесу тайны, чтобы народ видел в ней человека. Так, королева обожала своих корги и каждый день выгуливала любимцев. Известно, что Ее Величество любила есть бургеры без булочки. Также королева выпускала свою линейку уходовой косметики для собак и джин собственной марки***
Социальные сети и СМИ	Королевская семья активно ведет свои социальные сети****, общается с прессой и дает интервью
Неформальные коммуникации	Елизавета часто посещала различные регионы Великобритании и зарубежные страны, чтобы встретиться с людьми и узнать об их жизни и проблемах. У каждого была возможность попасть на чаепитие с королевой: когда она выходила пить чай на улицу, у ворот дворца собиралась огромная толпа. Она неспешно шла к своему столику, то и дело останавливаясь и болтая с людьми. Также известен случай, когда молодая пара отправила Елизавете шуточное приглашение на свадьбу, а она пришла на торжество и поздравила молодоженов
Налаживание международных отношений	В 1961 г. Елизавета посетила бывшую Английскую колонию — Гану. Тогда страной начал управлять первый президент Кваме Нкрума. Эта «опасная» поездка обернулась успехом после того, как Елизавета станцевала на балу с президентом, и фотографии их танца попали в газеты*****. А в 2018 г. Ее Величество ответила на письмо российского школьника

Источник / Source: составлено авторами по материалам по URL: <https://texterra.ru/blog/interesnye-fakty-pro-elizavetu-ii-i-marketing.html> / compiled by the authors based on URL: <https://texterra.ru/blog/interesnye-fakty-pro-elizavetu-ii-i-marketing.html>

* Королева Елизавета II снялась в скетче с медвежонком Паддингтоном. URL: <https://thecity.m24.ru/articles/6641> (дата обращения: 12.05.2023).

** «Умолял затормозить»: как Елизавета II шокировала саудовского короля своим стилем вождения. URL: <https://clck.ru/34SgsM> (дата обращения: 11.05.2023).

*** Королевский маркетинг: как это делала Елизавета II. URL: <https://texterra.ru/blog/interesnye-fakty-pro-elizavetu-ii-i-marketing.html> (дата обращения: 29.04.2023).

**** Кто и как ведет Инстаграм-аккаунты королевской семьи? URL: <https://clck.ru/34Sgth> (дата обращения: 13.05.2023).

***** Танцующая королева. URL: <https://moi-nahodki.livejournal.com/5567571.html> (дата обращения: 11.05.2023).

или иного мирового события, так как открыто выражать свою позицию она не могла. Ну и, конечно, королева постоянно была героиней газетных статей, радио- и телепередач (табл. 2).

Существует множество опросов британцев, где они высказывают свою точку зрения о королевской семье. Так, в преддверии коронации

Карла III выяснилось, что из 4592 опрошенных 58% поддерживают и хотят сохранить монархию⁵. Но среди людей в возрасте 65+ за монархию

⁵ Опрос перед коронацией: большинство британцев хотят сохранить монархию, но роялистов среди молодежи все меньше. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-65376571>. amp (дата обращения: 08.05.2023).

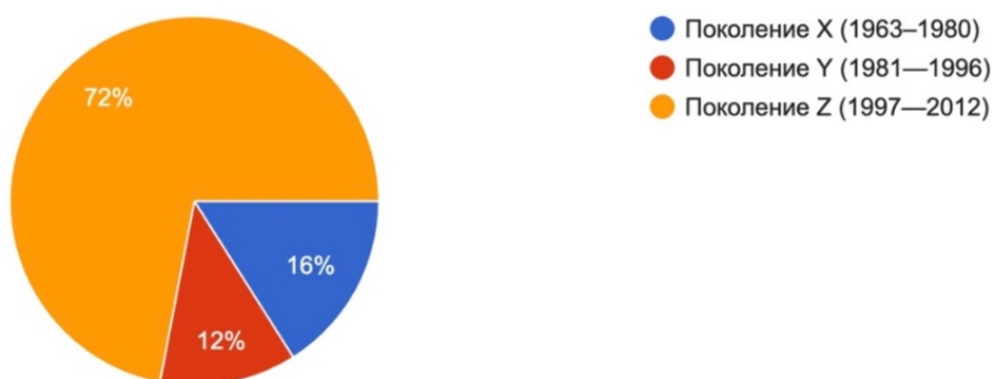

Рис. 1 / Fig. 1. Люди, участвующие в опросе / People participating in the survey

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

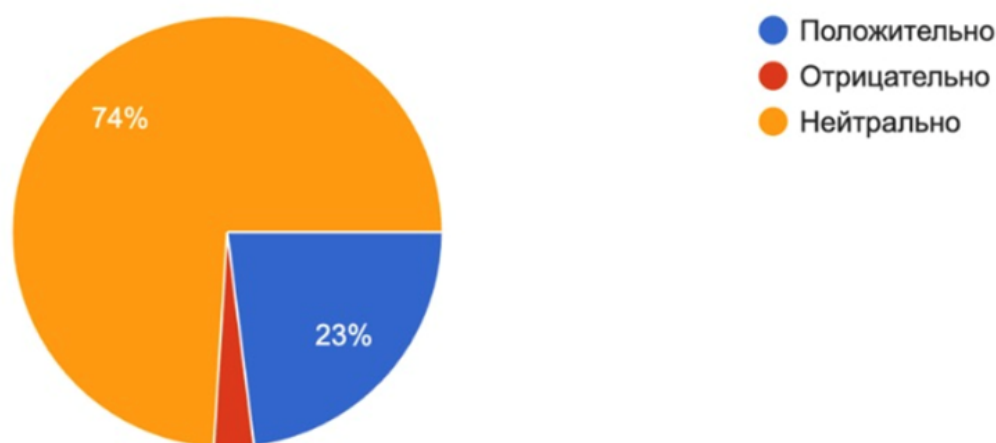

Рис. 2 / Fig. 2. Отношение к монаршему дому / Attitude to the royal family

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

проголосовали 78%, а среди молодежи в возрасте 18–24 лет — только 32%. Многие также отметили, что не доверяют новому королю Карлу III, подчеркнув, что он далек от нужд и потребностей британцев. А по результатам опроса 2020 г., королева Елизавета II заняла 2-е место в списке любимцев Британии, уступив своему внуку, принцу Уильяму, а принц Чарльз занял только 7-е место⁶.

В ходе изучения продвижения бренда Елизаветы II были выделены следующие способы и методы:

- постоянное поддержание внимания и актуальности персоны;

- демонстрация многогранности личности;
- выбор современных и разнообразных средств коммуникации;
- последовательность в создании образа и реальность фактов.

Как итог, сложился личный бренд — человек с сильным духом, успешный управленец, стильная женщина! Сложно будет затмить Ее Величество, а королю Карлу III и его приемникам придется еще долго жить в ее тени.

ВЫВОДЫ

И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Елизавета II на протяжении своего правления использовала различные способы продвижения бренда. Королева не страшилась перемен и не отставала от современных технологий. Она отошла от обычных формальностей и открыто взаимодействовала с народом. Это положитель-

⁶ Народная любовь: кто стал самым популярным членом королевской семьи в 2020 году. URL: <https://www.marieclaire.ru/vestnik/narodnaya-lyubov-kto-stal-samym-populyarnym-chlenom-korolevskoi-semi-v-2020-godu/> (дата обращения: 08.05.2023).

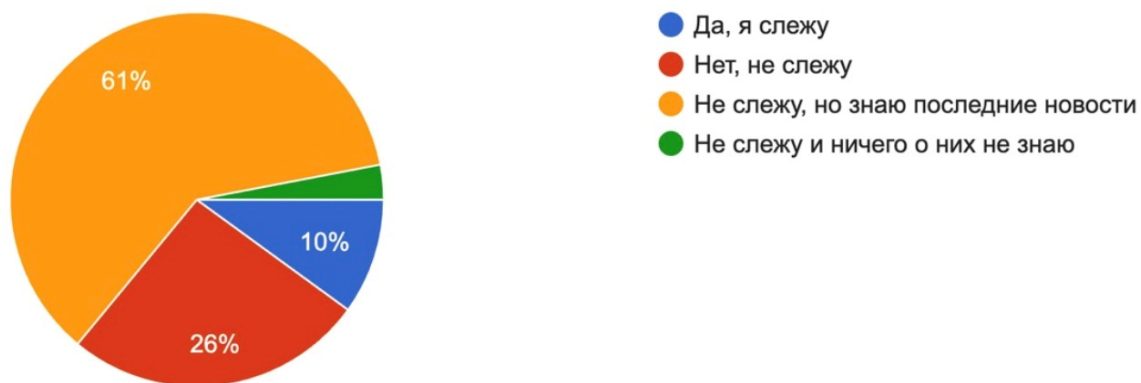

Рис. 3 / Fig. 3. Осведомленность опрошенных о новостях королевской семьи / Awareness of the respondents about the news concerning the royal family

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

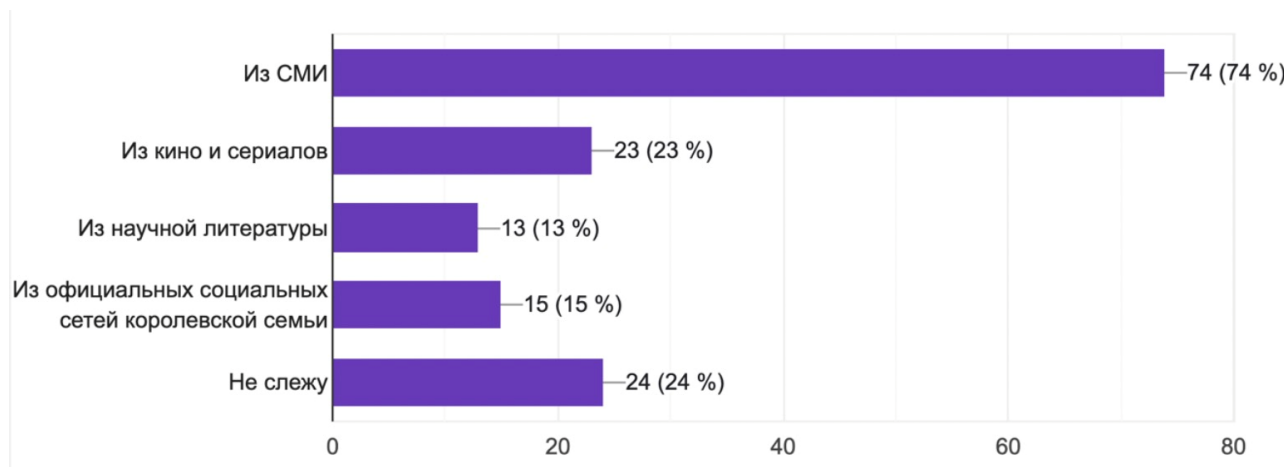

Рис. 4 / Fig. 4. Главные источники информации / Main sources of information

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

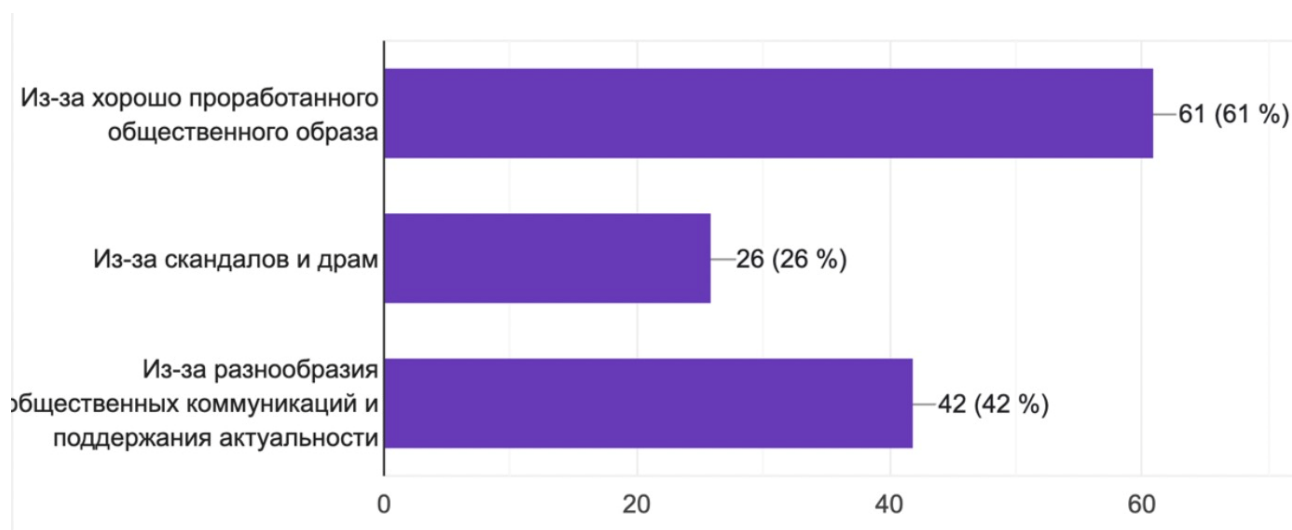

Рис. 5 / Fig. 5. Популярность британской монархии / Popularity of the British monarchy

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

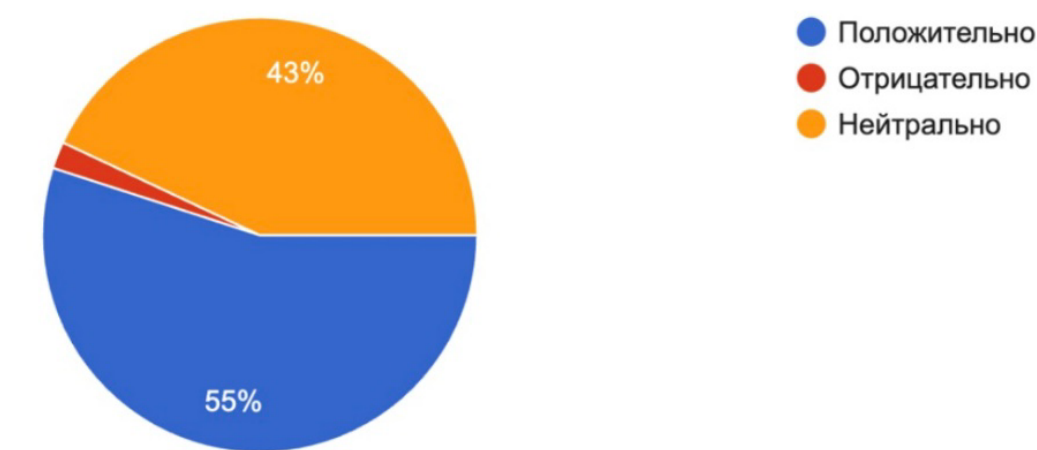

Рис. 6 / Fig. 6. Отношение к Елизавете II / Attitude to Elizabeth II

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

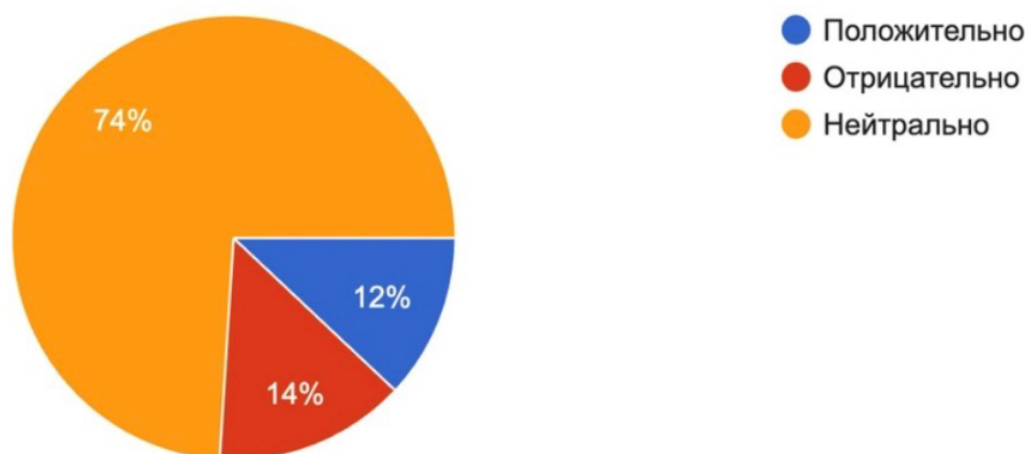

Рис. 7 / Fig. 7. Отношение к Карлу III / Attitude to Karl III

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

но отразилось на ее репутации и нашло отклик в сердцах людей по всему миру.

В рамках исследовательской работы был проведен опрос среди жителей Москвы и Московской области об эффективности продвижения бренда монаршей семьи. В нем приняли участие люди, рожденные с 1963 по 2012 г., представители трех социально активных поколений, следящих за новостями и трендами (рис. 1).

Итоги исследования показали, что опрошенные респонденты к монархии в Великобритании в основном относятся нейтрально (74%); результат не зависел от возраста или места проживания (рис. 2).

Также интересно, что большинство (61%) отметили, что не следят за новостями из дворца, но знают о происходящем там (рис. 3).

Таким образом, несмотря на высказанную незаинтересованность, большинство опрошенных знают о том, что происходит с королевской семьей, что говорит об очень хорошей работе пиар-служб и продвижении бренда. Конечно, большую часть информации люди получают из СМИ (74%) (рис. 4), а многие считают, что королевская семья так популярна из-за хорошо проработанного общественного образа (61%) (рис. 5).

Также интересно отметить, что 55% опрошенных положительно относятся к Елизавете II, а 43% — нейтрально (рис. 6). В то же время к Карлу III уже 74% относятся нейтрально, 12% — положительно и 14% — отрицательно (рис. 7).

Более того, опрошенные считают, что монархам стоит больше общаться с народом, а «живое»

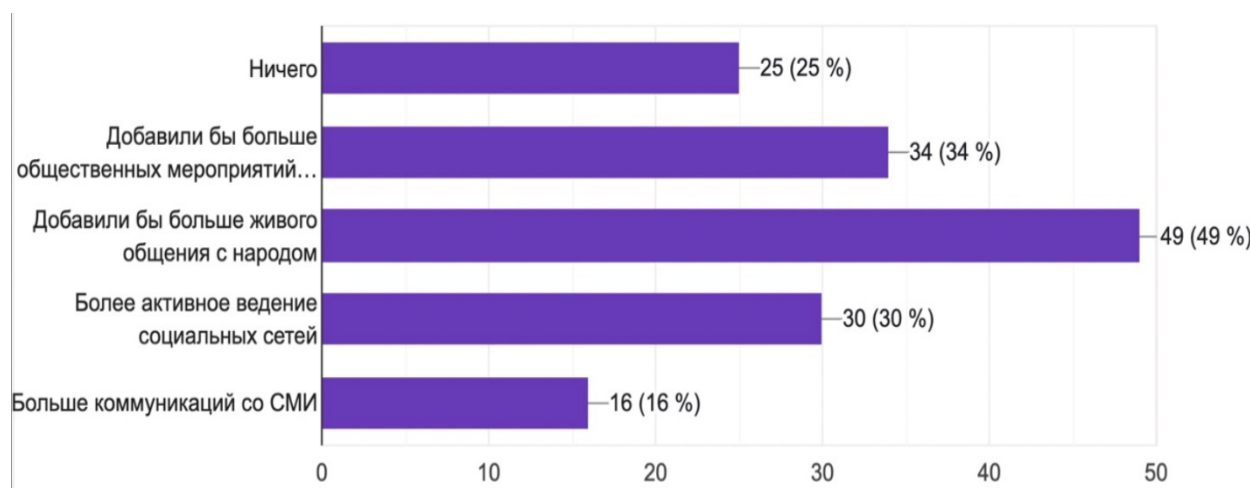

Рис. 8 / Fig. 8. Что следует изменить в коммуникации монарха и народа? / What should be changed in the communication between the monarch and the people?

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

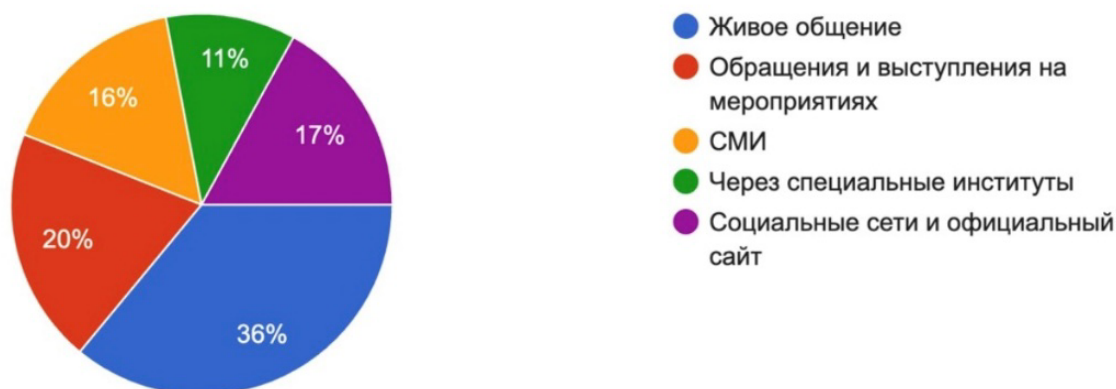

Рис. 9 / Fig. 9. Наиболее эффективный способ коммуникации представителя власти с народом / The most effective way officials can communicate with the people

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

общение — самый эффективный способ коммуникации (рис. 8, 9).

Результаты опроса неоднозначны, но на их основе можно заключить, что королевская семья отлично продвигала и продвигает свой бренд. Много десятилетий он успешно строился на личности Елизаветы II, так как она была Королевой Англии и пользовалась уважением, а внимание к остальным членам семьи было ограничено.

На протяжении многих лет образ королевы оставался положительным, несмотря на негативные последствия событий, связанных с детьми, внуками, невестками и т.д. Британская монархия по-прежнему уникальна, не похожа на другие европейские монархии — королевский дом смог сохранить свой исторический облик и традиционность.

Бренд «Английская монархия» является пятым в мире по популярности, уступая Facebook (запрещен на территории РФ), Amazon, Google и Apple и обогнав таких крупных игроков, как Coca-Cola, Microsoft, Disney и Nike. Аналитики подсчитали, что личный бренд Елизаветы II в шесть раз превышает бренд Ким Кардашьян и Билла Гейтса, и почти в три раза — знаменитой Опры Уинфри⁷.

Но сейчас акцент будет перенесен на личность короля Карла III и его жены Камиллы, а также на других членов семьи. Всю кампанию по продвижению придется поменять, а что из этого получится, станет ясно только через много лет.

⁷ The Queen: The world's most valuable celebrity brand. URL: https://www.business-standard.com/article/opinion/the-queen-the-world-s-most-valuable-celebrity-brand-122061001288_1.html (дата обращения: 06.08.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хардман Р. Елизавета II. Королева мира. Монарх и государственный деятель. 1-е изд. М.: Издательство АСТ; 2022. 1001 с.
2. Семенчук В. 101 способ раскрутки личного бренда. Как сделать себе имя. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер; 2019. 270 с.
3. Эртон М. Елизавета II — королева Великобритании. 1-е изд. М.: Издательство АСТ; 2022. 190 с.
4. Кульчицкая Д. Ю. Instagram как инструмент формирования имиджа: кейс-стади аккаунта британской королевской семьи. URL: <http://www.mediascope.ru/2479> DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.15

REFERENCES

1. Hardman R. Elizabeth II. Queen of the world. Monarch and statesman. 1st ed. Moscow: Izdatel'stvo AST; 2022. 1001 p.
2. Semenchuk V. 101 ways to promote a personal brand. How to make a name for yourself. 2nd ed. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 270 p.
3. Erton M. Elizabeth II — Queen of Great Britain. 1st ed. Moscow: Izdatel'stvo AST; 2022. 190 p.
4. Kulchitskaya D. Yu. Instagram as a tool for image formation: case study of the British royal family account URL: <http://www.mediascope.ru/2479> DOI: 10.30547/mediascope.3.2018.15

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Раиса Канафиевна Крайнева — кандидат экономических наук, доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Raisa K. Krajneva — Cand Sci. (Econ.), Associate Professor Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4540-2033>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

RKKrajneva@fa.ru

Анастасия Сергеевна Дробина — студентка 2-го курса департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Anastasia S. Drobina — 2nd year student of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow

<https://orcid.org/0009-0004-5387-8295>

drobinaanastasia1@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 07.06.2023; принята к публикации 25.06.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 07.06.2023; accepted for publication on 25.06.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-104-113
УДК 312(045)

Комплексный структурно-динамический анализ движения численности населения Воронежской области за 2017–2021 годы

Л.Ю. Архангельская, И.Н. Жалнина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования – выработка рекомендаций по совершенствованию социально-экономической политики в сфере демографии на региональном уровне. Оно проводилось в Воронежской области в 2017–2021 гг., а для измерения тенденций в изменении численности населения под влиянием его естественной убыли и замедления темпов миграции по прибытию период наблюдения расширен до 2012–2021 гг. Построены статистически значимые уравнения трендов по уровню рождаемости и уровню миграции по прибытию в качестве основных источников роста численности населения региона. В качестве одного из факторов уровня рождаемости населения в Воронежской области рассмотрен уровень среднедушевых денежных доходов в месяц. Выявленная сильная обратная линейная зависимость между признаками статистически значима и может быть использована для краткосрочных прогнозов взаимосвязи уровня рождаемости по региону и изменения величины среднедушевых доходов населения в месяц.

Ключевые слова: численность населения; показатели естественного движения численности населения; депопуляция; миграция по прибытию; механический прирост; показатели динамики; методы выявления тренда; коэффициент парной корреляции; регрессионная модель; статистическое оценивание

Для цитирования: Архангельская Л.Ю., Жалнина И.Н. Комплексный структурно-динамический анализ движения численности населения Воронежской области за 2017–2021 годы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):104–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-104-113

ORIGINAL PAPER

Comprehensive Structural and Dynamic Analysis of the Change in the Population of the Voronezh Region during 2017–2021

L. Yu. Arkhangelskaya, I.N. Zhalnina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of this study is to develop recommendations for improving socio-economic policy at the regional level. This study is carried out for the Voronezh region and concerns the period of 2017–2021. The observation period has been extended to 2012–2021 for measuring trends in population change under the influence of its natural decline and deceleration of post-arrival migration. Statistically significant trend equations were constructed for the birth rate and the level of post-arrival migration as the main sources of population growth in the region. The level of monthly cash income per capita is considered as one of the factors of the birth rate in the Voronezh region. The revealed strong inverse linear relationship between the signs is statistically significant and can be used for short-term forecasts of the birth rate in the region, depending on the change in the level of average monthly income per capita.

Keywords: number of people; indicators of the natural change in the population; depopulation; post-arrival migration; mechanical increase; dynamics indicators; methods for identifying the trend; Pearson correlation coefficient; regression model; statistical evaluation

For citation: Arkhangelskaya L. Yu., Zhalnina I.N. Comprehensive structural and dynamic analysis of the change in the population of the Voronezh region during 2017–2021. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):104–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-104-113

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Концепции демографической политики Воронежской области на период до 2025 года¹ правительство области выработало ряд мер по преодолению негативных тенденций в демографической сфере² [1]. При этом, как показывает статистический анализ движения численности населения региона, представленный в различных публикациях [2–7] и в данном исследовании, эти меры пока не принесли ожидаемых результатов, в том числе и по объективным причинам (снижение притока мигрантов в Воронежскую область и значительный рост уровня смертности) (табл. 1), вызванным пандемией COVID-19 и ее последствиями. За период 2017–2021 гг. численность населения сократилась на 27,9 тыс. чел. от естественных причин и на 18,2 тыс. человек за счет миграции.

Исследование причин, в том числе и латентных, вызывающих негативные тенденции в демографической сфере, является очень актуальным для Российской Федерации в целом и для отдельных ее субъектов, поскольку определяет «болевые точки», на которые должны быть направлены меры государственной политики.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В соответствии с целью проводимого комплексного структурно-динамического анализа в качестве предмета исследования определены факторы естественного и миграционного характера, оказывающие непосредственное влияние на численность постоянного населения территории, учитываемые ежегодно органом региональной статистики³ и Росстатом⁴:

- абсолютные и относительные показатели рождаемости, смертности, естественного прироста, (табл. 2), в том числе с учетом распределения населения по полу, местам поселений, возрасту (трудоспособное, младше или

старше трудоспособного возраста с учетом изменений границ возраста трудоспособности в соответствии с изменениями пенсионного законодательства РФ⁵) (рис. 1, табл. 1);

- абсолютные и относительные показатели миграции населения Воронежской области (рис. 2, табл. 1);

- структура мигрантов по возрасту, полу, национальности, уровню образования. Также определяется структура миграционных потоков по направлениям передвижения [внутренняя и внешняя (международная) миграция, в том числе из стран СНГ]⁶ (рис. 2).

На базе официальных статистических данных (табл. 1, 2) проведен анализ динамики основных демографических показателей Воронежской области за 2017–2021 гг. (рис. 2, Приложение 1, 2), а также динамики уровня рождаемости (табл. 1, Приложение 1) и миграции по прибытию как основных факторов роста численности населения региона, т.е. при увеличенном размере выборки.

На основе применения метода аналитического выравнивания выявлены основные тенденции, сложившиеся в демографической сфере Воронежской области за анализируемый период, сформированы прогнозы на 2023 г.

Помимо статистических методов построения и анализа рядов динамики, применялись методы корреляционно-регрессионного анализа для количественного измерения взаимосвязи уровня рождаемости населения (число родившихся за 2012–2021 гг.) Воронежской области с уровнем среднедушевого денежного дохода в месяц (Приложение 2) и оценки степени зависимости демографических показателей региона от времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

При проведении структурного анализа постоянного населения Воронежской области

¹ Постановление Правительства Воронежской области от 16.12.2010 № 1097. URL: <https://base.garant.ru/18132922/> (дата обращения: 18.04.2023).

² Реализация национального проекта «Демография» в Воронежской области. URL: <https://riavrn.ru/news/dlya-molodykh-i-pozhilykh-kak-v-voronezhskoy-oblasti-realizuyut-natsproekt-demografiya/>

³ Воронежский статистический ежегодник. URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>

⁴ Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

⁵ Федеральный закон от 17.12.2001 № 173-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>; Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О страховых пенсиях». URL: <http://pravo.gov.ru>

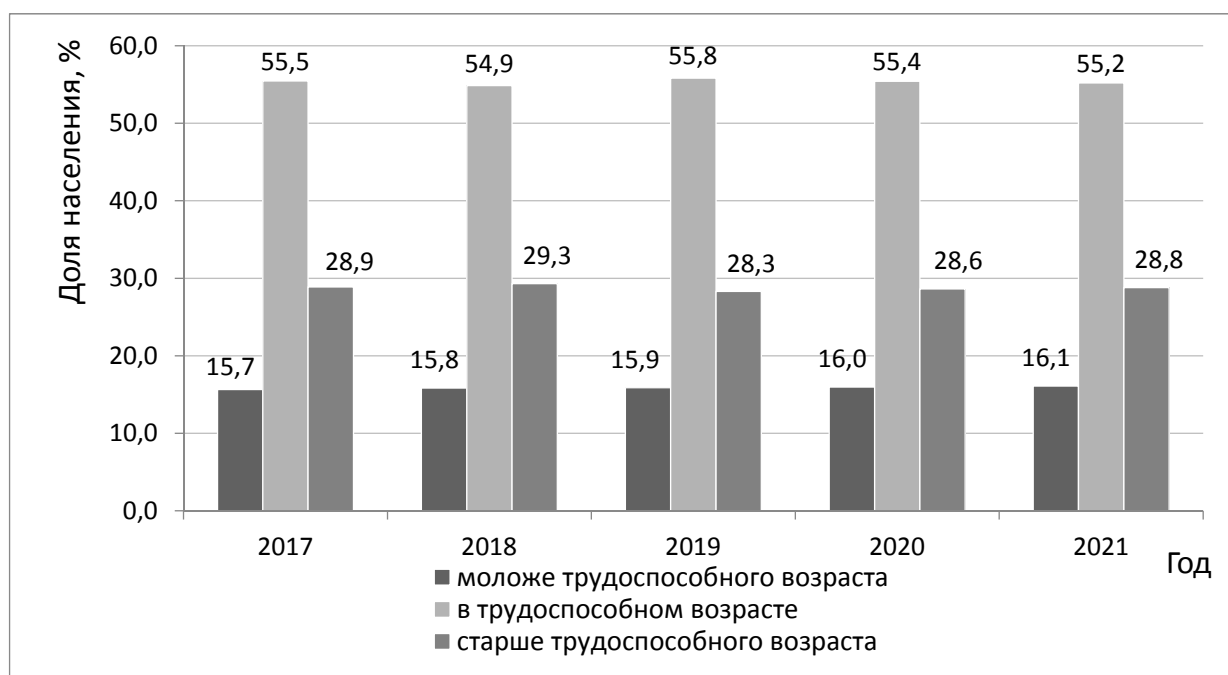
⁶ Воронежская область в цифрах. URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>; Демографический ежегодник России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2022. Стат. сб. М.: Росстат; 2022.

Таблица 1 / Table 1

**Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения за 2017–2021 гг., чел. /
Dynamics of fertility, mortality and natural population growth for 2017–2021, number of people**

Показатель / Годы	2017	2018	2019	2020	2021
Число родившихся	22 370	21 470	19 576	19 161	18 593
Цепной темп роста / снижения уровня рождаемости, %	-	96,0	91,2	97,9	97,0
Число умерших	34 120	34 280	32 882	38 161	46 495
Цепной темп роста / снижения уровня смертности, %	-	100,5	95,9	116,1	121,8
Естественный прирост / убыль	-11 750	-12 810	-13 306	-19 000	-27 902
Цепной темп роста (снижения) величины естественного прироста / убыли, %	-	109,0	103,9	142,8	146,9

Источник / Source: составлено авторами по данным URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052> / compiled by the authors basing on the data from URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>

**Рис. 1 / Fig. 1. Возрастная структура населения Воронежской области в 2017–2021 гг. /
Age structure of the Voronezh Region population in 2017–2021**

Источник / Source: составлено авторами по данным URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052> / compiled by the authors basing on the data from URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>

за 2017–2021 гг. были выявлены следующие закономерности:

- гендерная структура населения региона стабильна с преобладанием феминной составляющей: 54,1% (доля женщин) и 45,9% (доля мужчин) в численности населения региона (Приложение 1);
- в структуре населения наблюдается устойчивое снижение доли сельского населения с 32,5% (2017 г.) до 31,9% (2021 г.), т.е.

снижение на 0,6% за период и, соответственно, рост доли городского населения с 67,5 до 68,1% (Приложение 1);

- в возрастной структуре постоянного населения по отношению к возрасту трудоспособности (рис. 1) в среднем ежегодно наблюдается: рост трудоспособного населения на 0,54% (или на 0,3 тыс. чел.); снижение доли лиц старше трудоспособного возраста на 1,5% ежегодно, при этом происходит рост доли

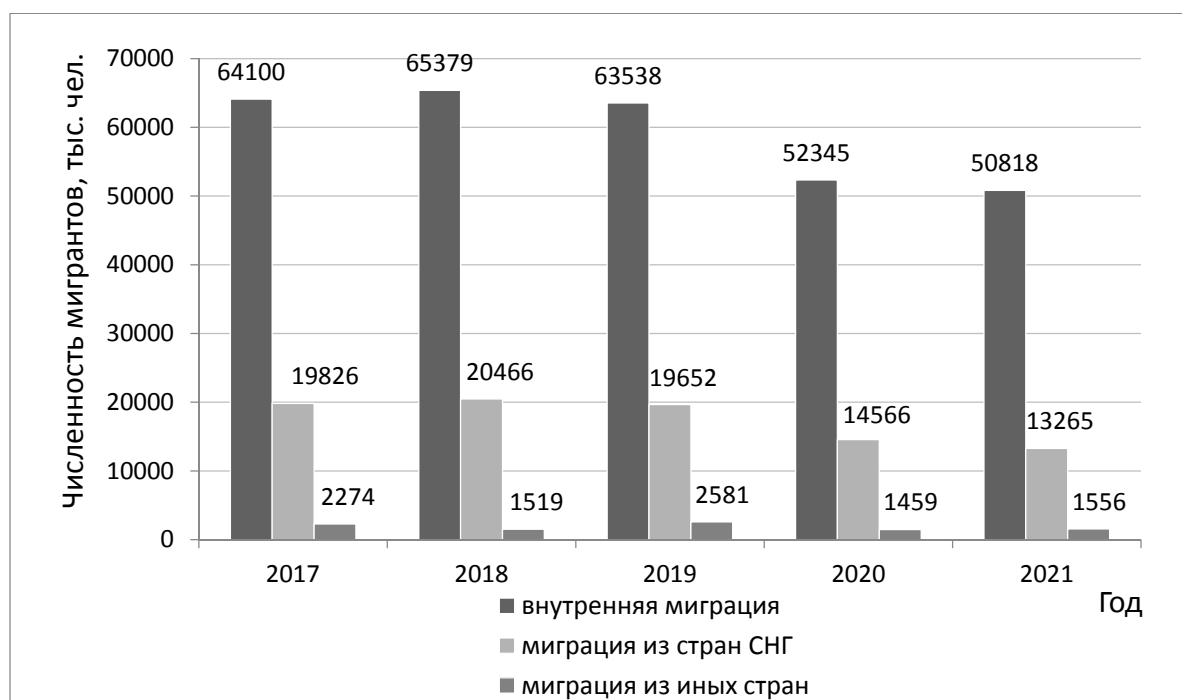

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика численности мигрантов по прибытию по основным направлениям передвижения по Воронежской области за 2017–2021 гг., тыс. чел. / The dynamics of the number of post-arrival migrants by the main directions in the Voronezh region in 2017–2021, thousand people

Источник / Source: составлено авторами по данным URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052> / compiled by the authors basing on the data from URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>

Таблица 2 / Table 2

Динамика механического движения населения Воронежской области за 2017–2021 гг., тыс. чел. / Dynamics of the mechanical population change of the Voronezh region in 2017–2021, thousand people

Показатель / Годы	2017	2018	2019	2020	2021
Число прибывших, тыс. чел.	86,1	87,4	85,8	68,4	65,6
Цепной темп роста уровня миграции по прибытию, %	-	101,5	98,2	79,7	95,9
Число выбывших, тыс. чел.	76	80,5	76,1	67,5	55,5
Цепной темп роста уровня миграции по выбытию, %	-	105,9	94,5	88,7	82,2
Механический прирост / убыль, тыс. чел.	10,1	6,9	9,7	0,9	10,1
Цепной темп роста сальдо миграции (механического прироста), %	-	68,3	140,6	9,3	1122,2

Источник / Source: составлено авторами по данным Приложения 1 / compiled by the authors basing on the data from Appendix 1.

подростков на 0,79% (или на 1,01 тыс. чел.), что можно считать положительной тенденцией, поскольку это резерв естественного пополнения трудовых ресурсов региона;

- в результате изменений в возрастной структуре постоянного населения региона произошло общее снижение демографической нагрузки на трудоспособное население

с 803‰ в 2017 г. до 765‰ в 2021 г. (Приложение 1);

- структурный анализ миграционных потоков по прибытию (рис. 2) показал снижение доли международной миграции как из стран СНГ, так и из иных государств, с 25,6% (2017 г.) до 22,6% (2021 г.); рост внутренней миграции с 74,4 до 87,4% при общем снижении числен-

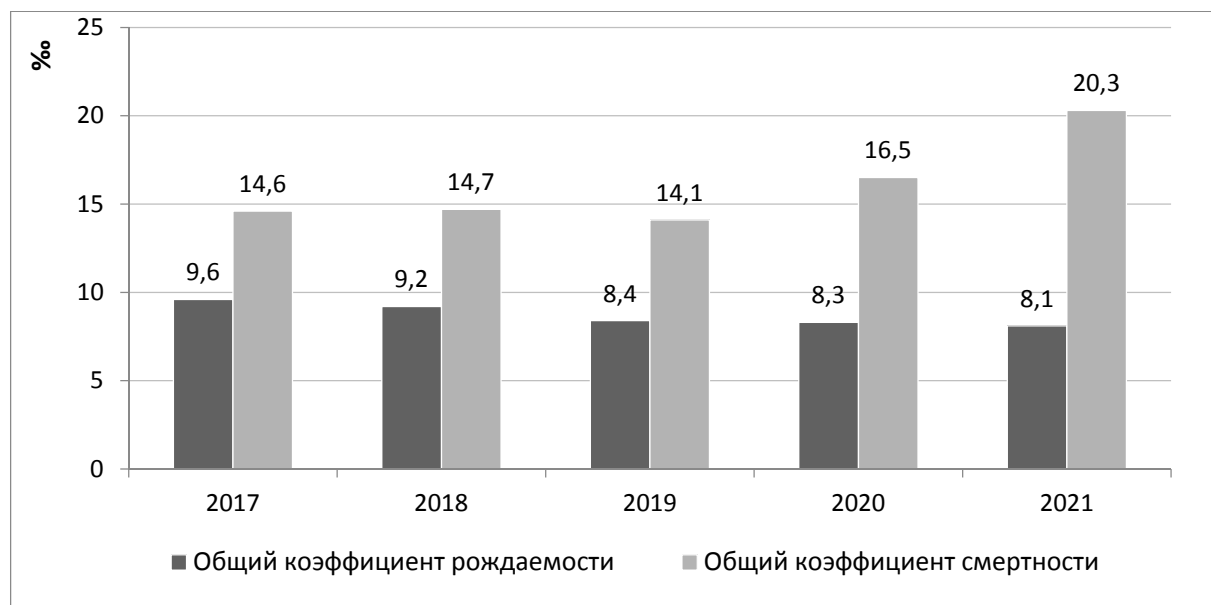

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика коэффициентов рождаемости и смертности за 2017–2021 гг. / Dynamics of fertility and mortality rates for 2017–2021

Источник / Source: составлено авторами по данным URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052> / compiled by the authors basing on the data from URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052>

ности мигрантов по прибытию с 86,2 тыс. чел. (2017 г.) до 65,6 тыс. чел. (2021 г.), что также привело к снижению численности населения региона в целом (табл. 2, Приложение 1).

В рамках исследования динамики численности постоянного населения региона за анализируемый период было выявлено ее изменение по основным естественным и миграционным факторам⁷:

- устойчивое снижение численности постоянного населения за счет падения уровня рождаемости на 16,9% в 2021 г. по сравнению с 2017 г. при опережающем росте уровня смертности на 36,3% (базисный прирост) за тот же период (рис. 3). Такие разнонаправленные тенденции приводят к естественной убыли населения и его депопуляции, на что указывает снижение коэффициента жизненности на 0,26 относительных пункта (табл. 1);

- изменение абсолютных уровней динамических рядов по численности рожденных, умерших и естественной убыли населения (Приложение 1, табл. 1) дополнено анализом относительных показателей: общих коэффициентов рождаемости и смертности (рис. 3, табл. 1). В 2021 г. коэффициент смертности

по Воронежской области в 2,5 раза превысил значение коэффициента рождаемости (рис. 3);

- рост численности постоянного населения региона за счет фактора миграции на протяжении периода анализа носил неустойчивый характер, несмотря на положительную динамику (табл. 2);

- выявленная верифицированная параболическая зависимость (рис. 4) изменения уровня миграции по прибытию от времени (для увеличенного интервала анализа 2012–2021 гг.) (табл. 3) позволяет воспользоваться этой моделью для построения прогноза на 2023 г. При сохранении характера изменения числа мигрантов по прибытию в 2023 г. возможно снижение их численности до 43 тыс. чел.;

- статистическая оценка степени влияния динамики уровня среднедушевых денежных доходов населения в месяц на уровень рождаемости населения на основе выборки за 2012–2021 гг. (рис. 5, Приложение 2) показала сильную линейную обратную связь между ними (соотношения 1, 2), что является характерным для территорий с высоким уровнем благосостояния:

$$r_{xy} = \frac{\overline{xy} - \bar{x} \times \bar{y}}{\sigma(x) \times \sigma(y)} = -0,76; \quad r_{xy} \in [0,7; 0,9]; \quad (1)$$

⁷ Елисеєва І.І. і др. Демографія і статистика населення. Учебник для академічного бакалавріата 3-є изд., перераб. і доп. М.: Издательство Юрайт; 2017. 405 с.

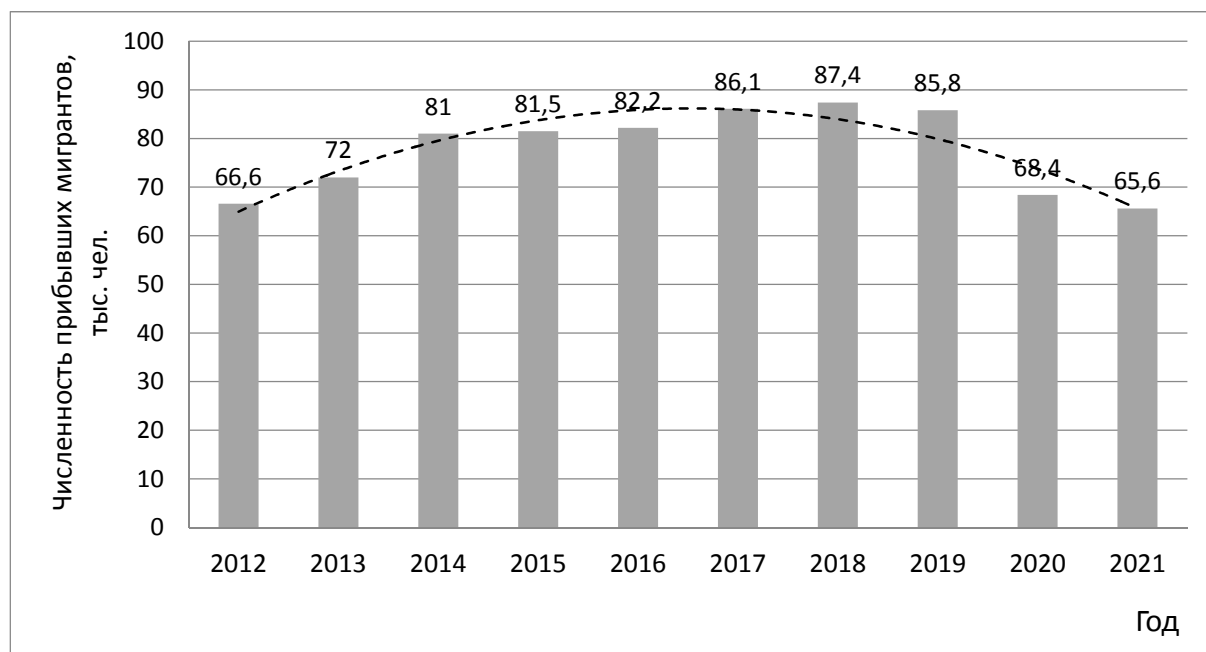

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика числа мигрантов по прибытию по Воронежской области за 2012–2021 гг. / Dynamics of the number of post-arrival migrants in the Voronezh region in 2012–2021

Источник / Source: составлено авторами по данным табл. 2 / compiled by the authors basing on the data from Table 2.

Таблица 3 / Table 3

Аналитическое выражение зависимости основных показателей движения численности населения Воронежской области от времени за 2017–2021 гг. / Main population change indicators of the Voronezh region depending on time in 2017–2021

Наименование показателя	Значение коэффициента корреляции К. Пирсона	Уравнение тренда	Проверка уравнения регрессии на значимость (гипотеза о форме зависимости) при $\alpha = 5\%$ (уровень значимости)
Численность родившихся живыми, тыс. чел.	–0,9690 (сильная обратная связь)	$\hat{Y}_1 = 20,234 - 0,987t$	16,07 > 10,1 (гипотеза H_0 отклоняется, линейная связь значима)
Численность прибывших на ПМЖ в регион, тыс. чел.	–0,8876 (сильная обратная связь)	$\hat{Y}_2 = 78,68 - 6,02t$	11,13 > 10,1 (гипотеза H_0 отклоняется, линейная связь значима)
Коэффициент естественного прироста общий	–0,9024 (сильная, обратная связь)	$\hat{Y}_3 = -7,32 - 1,71t$	13,16 > 10,1 (гипотеза H_0 отклоняется, линейная связь значима)
Численность мигрантов по прибытию, тыс. чел.	-	$\hat{Y}_4 = 86,18 + 0,034t - 0,258t^2$	38,74 > 5,32 (гипотеза о параболической зависимости подтверждена)

Источник / Source: составлено авторами по данным табл. 1 / compiled by the authors basing on the data from Table 1.

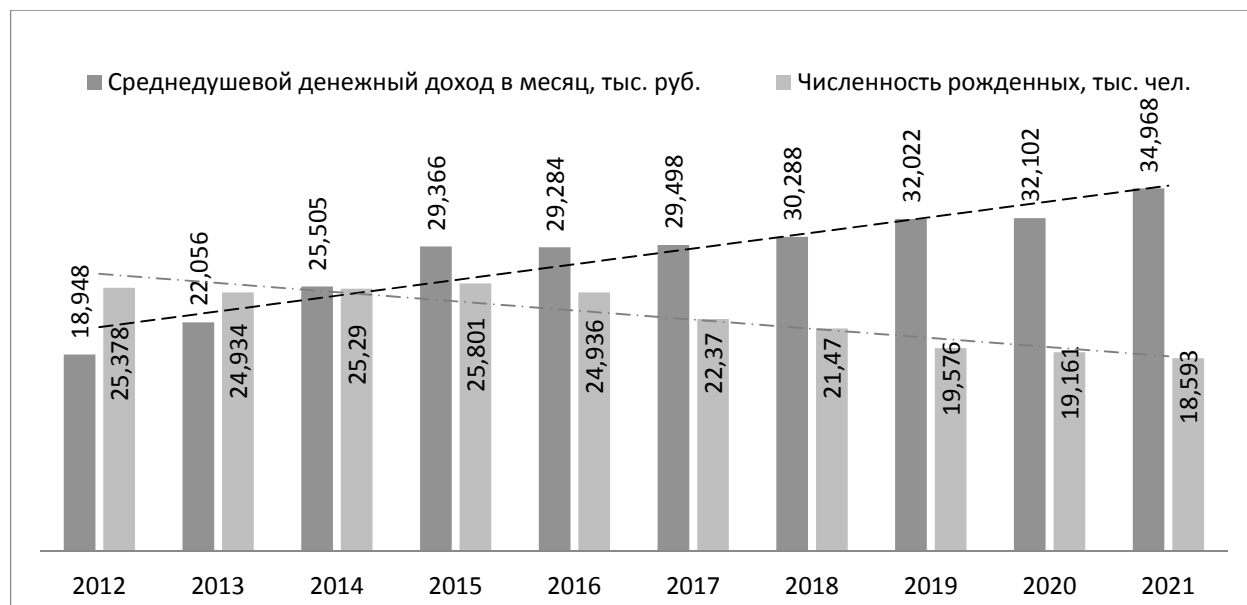

Рис. 5 / Fig. 5. Графики зависимости числа рожденных и среднедушевых денежных месячных доходов по Воронежской области за 2012–2021 гг. с линиями тренда / Graphs of the correlation between the births number and the average monthly income per capita in the Voronezh region in 2012–2021, with trend lines

Источник / Source: Приложение 2 / Appendix 2.

$$\hat{y} = 35,48 - 0,448x. \quad (2)$$

Полученная линейная регрессия (2) значима. Величина дисперсионного критерия Фишера $F_{\text{набл}} = 11,051 > F_{\text{табл}} = 5,32^8$ свидетельствует о хорошем подборе уравнения регрессии и возможности его использования для точечного прогноза.

Таким образом, за период 2012–2021 гг. прослеживается тенденция снижения рождаемости при росте среднедушевого денежного дохода в месяц (рис. 5).

Проведенный структурно-динамический анализ естественного и механического движения населения региона за 2017–2021 гг. показал наличие депопуляции его численности за счет естественных факторов и невыполнение показателей национального проекта «Демография» в регионе.

Для улучшения ситуации необходимо принять меры в дополнение к действующим правовым нормам и целевым показателям⁹ в части разработки региональных целевых программ

поддержки семей с детьми и многодетных семей, молодых семей, такие как:

- организация переподготовки и повышения квалификации для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком (независимо от того, состоит ли женщина на учете в службе занятости или нет), так как за время отпуска по уходу за новорожденным или взятым под опеку ребенком могут произойти структурные изменения и трудоустройство по профессии станет невозможным;
- законодательное закрепление условий трудоустройства молодых матерей (при этом необходимо определить ответственность работодателя при дискриминации по данному признаку);
- стимулирование развития удаленных способов работы для женщин с детьми при сохранении уровня оплаты труда и связи с рабочим местом, социального обеспечения и льгот;
- создание новых высокоэффективных рабочих мест на предприятиях области (в том числе в связи с импортозамещением в условиях санкций) для привлечения молодежи на новые специальности и снижения оттока кадров из региона, а также высококвалифицированных кадров из других регионов;
- дополнительное развитие социальной инфраструктуры;

⁸ Глинский В.В., Ионин В.Г., Серга Л.К. и др. Статистика. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; 2018. 355 с.; Годин А.М. Статистика. Учебник. 11-е изд., перераб. и испр. М.: Дашков и КО; 2018. 412 с.

⁹ Воронежстат. Официальный сайт. URL: <https://36.rosstat.gov.ru/folder/41052>; Официальный сайт Правительства Воронежской области. URL: <https://www.govrn.ru/socialorder>

- стимулирование государственного финансирования ипотечного кредитования при приобретении жилья семьями с детьми, в том числе и многодетными;
- обеспечение многодетных семей, семей с детьми, живущих в аварийном жилье, новым жильем по программе реновации в регионе.

Важно не просто потратить 20 млрд руб., выделенных правительством Воронежской области на реализацию национального проекта «Демография» [1], а сделать помощь адресной.

Все названные меры призваны повысить уровень рождаемости населения в Воронежской области и привести к росту численности ее постоянного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сергеева О. Реализация национального проекта «Демография» в Воронежской области. URL: <https://riavrn.ru/news/dlya-molodykh-i-pozhilykh-kak-v-voronezhskoy-oblasti-realizuyut-natsproekt-demografiya/>
2. Абдумажидова А. А. Демографическая ситуация в Российской Федерации *Молодой ученый*. 2017;(3):289–292.
3. Калинина К. А. Актуальные проблемы регулирования демографической политики в субъектах РФ. Современные вопросы государства, права, юридического образования: Сборник научных трудов по материалам XIV Международной научно-практической конференции. Белянская О. В., ред. Тамбов: ИД «Державинский»; 2019.
4. Башлачев В. О демографическом потенциале и динамическом подходе в демографии. URL: <http://demograf.narod.ru/page106.htm>
5. Токарский Б. Л. Воздействие демографической политики на формирование качества жизни населения в условиях рынка. *Известия БГУ*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-demograficheskoy-politiki-na-formirovanie-kachestva-zhizni-naseleniya-v-usloviyah-rynka>
6. Шахворостов Г. И., Рязских Д. В., Самсонов В. С., Удалова Н. Е. Государственная политика в сфере демографии на территории Воронежской области: анализ текущего состояния и формирование перспективных направлений развития демографической политики. *Регион: системы, экономика, управления*. 2022;1(56):63–70.
7. Кожевникова Ю. О. Анализ демографических процессов в Воронежской области. *Молодой ученый*. 2021;40(382):72–77.

REFERENCES

1. Sergeeva O. Implementation of the National project “Demography” in the Voronezh region. URL: <https://riavrn.ru/news/dlya-molodykh-i-pozhilykh-kak-v-voronezhskoy-oblasti-realizuyut-natsproekt-demografiya/> (In Russ.).
2. Abdumazhidova A. A. Demographic situation in the Russian Federation. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2017;(3):289–292. (In Russ.).
3. Kalinina K. A. Actual problems of regulation of demographic policy in the subjects of the Russian Federation. Modern issues of state, law, legal education: Collection of articles. Tambov: ID “Derzhavinskij”; 2019. (In Russ.).
4. Bashlachev V. About demographic potential and dynamic approach in demography. URL: <http://demograf.narod.ru/page106.htm> (In Russ.).
5. Tokarsky B. L. The impact of demographic policy on the formation of the quality of life of the population in the market conditions. *Izvestiya BGU*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-demograficheskoy-politiki-na-formirovanie-kachestva-zhizni-naseleniya-v-usloviyah-rynka> (In Russ.).
6. Shakhvorostov G. I., Ryazhskikh D. V., Samsonov V. S., Udalova N. E. State policy in the field of demography in the Voronezh region: analysis of the current state and formation of promising directions for the development of demographic policy. *Region: systems, economics, management*. 2022;1(56):63–70. (In Russ.).
7. Kozhevnikova Yu. O. Analysis of demographic processes in the Voronezh region. *Molodoj uchenyj = Young scientist*. 2021;40(382):72–77. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Любовь Юрьевна Архангельская — кандидат экономических наук, доцент, доцент департамента бизнес-аналитики, Финансовый университет, Москва, Россия

Lyubov Yu. Archangelskaya — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Business Analytics Department, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6861-5357>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

lubank@bk.ru

Инна Николаевна Жалнина — студентка 2-го курса финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия

Inna N. Zhalnina — 2nd year student of the Faculty of Finance, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0006-8512-859X>

215056@edu.fa.ru

Приложения

Приложение 1 / Appendix 1

Показатели движения численности населения Воронежской области за 2017–2021 гг.

Показатель / Годы	2017	2018	2019	2020	2021
Численность населения, тыс. чел., в том числе	2333,8	2327,8	2324,2	2305,6	2287,7
мужчин, %	45,9	45,9	45,9	45,9	45,9
женщин, %	54,1	54,1	54,1	54,1	54,1
городское население, %	67,5	67,8	68,0	68,0	68,1
сельское население, %	32,5	32,2	32,0	32,0	31,9
Численность населения моложе возраста трудоспособности, тыс. чел.	364,07 (15,6)	367,8 (15,8)	369,5 (15,9)	368,3 (16)	368,1 (16,1)
Численность населения старше возраста трудоспособности, тыс. чел.	674,5 (28,9)	682,0 (29,3)	657,8 (28,3)	659,9 (28,6)	623,2 (27,2)
Численность населения трудоспособного возраста всего, тыс. чел., %	1295,2 (55,5)	1278,0 (54,9)	1296,9 (55,8)	1277,4 (55,4)	1296,4 (56,7)
Общий коэффициент рождаемости, ‰	9,6	9,2	8,4	8,3	8,1
Общий коэффициент смертности, ‰	14,6	14,7	14,1	16,5	20,3
Коэффициент естественного прироста, ‰	–5,0	–5,5	–5,7	–8,2	–12,2
Коэффициент жизненности Покровского, в долях ед.	0,66	0,63	0,60	0,50	0,40
Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста (общая), ‰	803	823	792	805	765
Гендерное соотношение (число женщин на 1000 мужчин)	1178	1178	1177	1180	1177

Источник / Source: составлено авторами на основании URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> / compiled by the authors basing on the data from URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>

**Зависимость динамики числа родившихся от уровня среднедушевых денежных доходов
в месяц в Воронежской области за 2012–2021 гг.**

Год	Среднедушевой денежный доход в месяц, тыс. руб. (x)	Численность рожденных, тыс. чел. (y)	x^2	y^2	$x \times y$	$y(x)$	$\left \frac{y_i - \hat{y}_i}{y_i} \right $
2012	18,948	25,378	359,027	644,043	480,862	15,028	0,063
2013	22,056	24,934	486,467	621,704	549,944	17,566	0,027
2014	25,505	25,290	650,505	639,584	645,021	20,383	0,049
2015	29,366	25,801	862,362	665,692	757,672	23,537	0,135
2016	29,284	24,936	857,553	621,804	730,226	23,470	0,103
2017	29,498	22,370	870,132	500,417	659,870	23,645	0,005
2018	30,288	21,470	917,363	460,961	650,283	24,290	0,020
2019	32,022	19,576	1025,408	383,220	626,863	25,706	0,079
2020	32,102	19,161	1030,538	367,144	615,106	25,772	0,101
2021	34,968	18,593	1222,761	345,700	650,160	28,112	0,065
Итого	284,04	227,51	8282,12	5250,27	6366,01	227,51	0,648

Источник / Source: составлено авторами по URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052/> compiled by the authors basing on the data from URL: <https://voronezhstat.gks.ru/folder/41052/>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 06.05.2023; принята к публикации 25.05.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 06.05.2023; accepted for publication on 25.05.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-114-120
УДК 32(045)

Неафишируемая политика как часть политической реальности Запада

Д.Л. Каптарь

писатель, публицист, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается феномен неафишируемых структур, возможно, оказавших влияние на политические процессы в отдельных государствах Запада. Речь идет о таких организациях, как масонская ложа «Propaganda Due» (P2) и «Гладио». Долгое время деятельность этих структур носила закрытый характер, и только сравнительно узкий круг лиц располагал информацией о ней. Вместе с тем в определенный момент времени некоторые сведения на этот счет стали достоянием широкой общественности и вызвали немалый резонанс в медиасфере. Таким образом, автор считает уместным при изучении политической реальности учитывать неафишируемые факторы.

Ключевые слова: масонство; Propaganda Due; P2; Личо Джелли; операция «Гладио»

Для цитирования: Каптарь Д.Л. Неафишируемая политика как часть политической реальности Запада. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-114-120

ORIGINAL PAPER

Unannounced Politics as Part of the Political Reality of the West

D.L. Kaptar'

Writer, publicist, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the phenomenon of undisclosed structures that may have influenced political processes in certain Western states. The article deals with such organizations as the Masonic lodge "Propaganda Due" (P2) and "Gladio". For a long time, the activities of these structures remained a secret, and only a relatively narrow circle of people had information concerning them. However, at a certain point in time, some information on this subject became available to the public and caused considerable resonance in the media sphere. This is the reason why the author considers it appropriate to take into account unspoken factors when studying political reality.

Keywords: freemasonry; Propaganda Due; P2; Licio Gelli; operation Gladio

For citation: Kaptar' D.L. Unannounced politics as part of the political reality of the West. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):114-120. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-114-120

12 июня 2023 г. ушел из жизни человек, четырежды становившийся председателем Совета министров Италии, Сильвио Берлускони. Берлускони приговаривали к различным срокам лишения свободы, его имя неоднократно упоминалось в связи с различными скандалами, негативно отразившимися на его политической карьере. Однако в данной статье речь пойдет о событиях, имевших место задолго до основания в 1994 г. партии «Вперед, Италия», лидером которой был Берлускони. Скандал начала 1980-х гг. в очередной раз поднял тему неафишируемой власти и существования сравнительно скрытых от

внимания общественности структур, потенциально способных оказать влияние на ход политических процессов.

Множество спекуляций на эту тему, зачастую носящих откровенно фантастический и необоснованный характер, закономерно отвергаются как ненаучные и бездоказательные. Но в данном случае история, связанная с деятельностью масонской ложи «Propaganda Due» (P2), а в нее входил Сильвио Берлускони, получила внимание со стороны официальной власти в Италии.

В 1981 г. правительство во главе с премьер-министром Арнальдо Форлани ушло в отставку. Причиной стал грандиозный скандал, в котором

фигурировала масонская ложа П2. Но прежде чем продолжить рассмотрение тех событий, считаю необходимым сделать небольшой экскурс в историю масонства.

Существует немало версий его происхождения. Ряд из них носят легендарный характер и содержат отсылки к событиям далекой древности, библейским временам, античности. Масонство связывали с крестоносцами, тамплиерами, друидами, коллегиями (обществами) Древнего Рима. Наиболее обоснованным мне представляется взгляд, согласно которому современное масонство восходит к средневековым объединениям (цехам) строителей, что находит отражение в термине «вольный каменщик». Степени посвящения в масонстве: мастер, подмастерье и ученик, скорее всего, связаны с традициями цеховой иерархии.

Когда-то цеха обладали значительным экономическим и политическим влиянием. В Новое время их роль стала падать, а цех каменщиков начал постепенно изменяться. В определенный момент организация ремесленников превратилась в структуру, объединяющую представителей разных профессий и социальных слоев. Например, в 1670 г. масонская ложа Абердина «насчитывала 49 человек, из которых только 10 были каменщиками-ремесленниками» [1].

Братства масонов, в XVII в. все еще занимавшиеся строительством, нуждались в капиталах, поэтому экономический фактор стал решающим, когда в масонство начали принимать не только каменщиков [2]. К масонству присоединялись вольнодумцы и представители знати, первые видели в нем возможность вести пропаганду своих идей, вторых привлекали легенды, связанные с историей братства [2].

В 1717 г. основана Великая Ложа Лондона и Вестминстера. В 1721 г. ее возглавил 2-й герцог Монтегю, в 1723 г. — 1-й герцог Уортон, в 1724 г. Великим Мастером стал 2-й герцог Ричмонд, в 1725 г. — лорд Пейсли, в 1726 г. — граф Инчкин. В дальнейшем среди глав Ложи мы также встречаем титулованных особ, в том числе принца Уэльского, позже ставшего королем Георгом IV, и сына короля Георга III принца Августа Фредерика.

Как отмечает доктор исторических наук Сергей Киясов, «деятельными сторонниками контролируемой либерализации властных структур и всей системы общественно-политических отношений во второй половине XVIII столетия

были такие монархи, как Фридрих II Прусский, Иосиф II Австрийский, Екатерина II Великая, Густав III Шведский и многие другие европейские властители, искренне мечтавшие о торжестве принципов правления “короля-гражданина”. Находясь под влиянием столь привлекательных и, как представлялось многим, передовых теорий, они причислили структуры “нового” масонства к разряду своих идейных союзников и даже поддерживали его своим личным участием» [3]. Эта причина, наряду с рядом других, способствовала распространению масонства.

В Италии важную роль в создании великой ложи сыграл Евгений де Богарне. В 1805 г. он возглавил «Великий Восток Италии», а история П2 берет свое начало в далеком 1877 г., когда Великий мастер Великого Востока Италии основал ложу Propaganda Massonica. В 1925 г. масонство было запрещено в Италии, но после Второй мировой войны вновь получило легальный статус, а Propaganda Massonica переименовали в Propaganda Due. В 1975 г. ее возглавил бизнесмен Личо Джелли.

Перечислю ряд фактов его биографии. Джелли принял участие в гражданской войне в Испании и воевал на стороне Франсиско Франко в составе батальона чернорубашечников. В 1942 г. в качестве инспектора Национальной фашистской партии занимался вывозом в Италию сокровищ короля Югославии Петра II Карагеоргиевича. Три послевоенных года Джелли скрывался в Аргентине [4, с. 104].

Известно, что многие нацисты скрылись от правосудия в Латинской Америке. Так вот, Джелли участвовал в создании «крысиной тропы»¹ и помог сбежать «Лионскому мяснику» Клаусу Барби (Барбье) [5, с. 109]. Много лет спустя, в 1987 г., Барби все же предстал перед судом.

Никаких крупных государственных должностей Джелли не занимал. Несколько лет был шофером и секретарем депутата парламента Италии. По его рекомендации Джелли стал руководителем одного из предприятий фирмы «Пермафлекс», затем работал начальником отдела кадров на фабрике «Леболе», а вскоре вместе с Марио и Джованни основал фирму «Джоле» [4, с. 106].

Что касается карьеры по масонской линии, то Джелли в 1963 г. подал заявление о приеме

¹ Крысиные тропы — термин, обозначающий маршруты, по которым фашисты осуществляли бегство из Европы.

в масонство, вступил в ложу № 182, в 1966 г. стал подмастерьем в ложе П2, а в 1971 г. Великий мастер Великого Востока Италии Лино Сальвини подписывает циркуляр, в котором говорится о решении назначить Джелли на высокий пост секретаря по организационным вопросам ложи П2 [4, с. 107].

«Связи Личо Джелли расширялись. Не прерывал он дружбы и со старыми приятелями, среди которых числились Стефано Делле Кьяйе, Пьерлуиджи Пальяни и Иоахим Фибелькорна — командующие частной армией, созданной в Боливии бывшим главарем лионского гестапо Клаусом Барбье и получившей название “женихи смерти”» [5, с. 113].

Число желающих вступить в ложу резко возросло, а сама ложа, по словам Джелли, являлась центром международного политического посредничества [4, с. 110]. Однако наступил день, когда звезда Джелли стремительно погасла. Скандал, стоивший Арнальдо Форлани его премьерского кресла, разрушил и карьеру Джелли.

Прежде чем перейти к сути дела, необходимо обратиться к биографии банкира Микеле Синдоны, ведь именно расследование его деятельности и привело к скандалу, о котором идет речь.

Синдона родился на Сицилии в 1920 г. В 1942 г. он окончил Мессинский университет по специальности «юриспруденция». В 1943 г. состоялась высадка союзников на Сицилии. Там установилось военное правительство, и в его состав входил экс-губернатор Нью-Йорка Чарльз Полетти. Американец в первом поколении, он знал итальянский язык и культуру Италии, что способствовало назначению Полетти в состав правительства. Утверждалось, что в те годы он якобы был знаком с мафиозо Вито Дженовезе, занимавшимся торговлей на черном рынке. Была попытка связать его и с мафиозо Лаки Лучано, но Полетти все отрицал.

Известно, что в то время Синдона налаживал контакт с новыми властями Сицилии, продавал пшеницу на черном рынке, и его знал Лучано [6, с. 24], но сами по себе данные факты не доказывают причастности Полетти к теневым делам. А вот что касается Синдоны, то его «карьера» пошла вверх именно благодаря Лучано, который затеял отмывку грязных денег мафии [6, с. 25], и для этой цели привлек Синдону. На первый взгляд может показаться странным, с чего бы это босс мафии поручил такое важное дело Синдоне, но тут надо учесть ряд фактов. Синдона

принадлежал к двум «мирам», с одной стороны, он — хорошо образованный человек, юрист, а с другой — вращающийся на черном рынке делец. Такое встретишь нечасто. Кстати, оба они родились на Сицилии, что, с учетом местных традиций, играло определенную роль.

В 1946 г. Синдона переехал в Милан, открыл фирму, занимавшуюся консультациями в сфере налогового обложения, стал высококлассным специалистом в бухгалтерии, разбирался в вопросах, связанных с экспортом капитала и функционированием офшоров. Он был налоговым консультантом крупного мафиозо Джо Адониса, связанного и с Лучано, и с семьей Дженовезе. Познакомился с кардиналом Джованни Батистой Монтини, будущим папой римским Павлом VI.

Масштаб деятельности Синдоны рос. Он контролировал несколько банков и компаний в самых разных секторах экономики: и гостиничный бизнес, и строительство, и производство шоколада и фарфора. Синдона занимался торговлей валютой в международном масштабе, купил контрольный пакет акций одного из крупнейших на тот момент американских банков (Franklin National Bank).

Вместе с тем дела Синдоны шли как-то странно. Сразу несколько компаний оказались на грани банкротства и были проданы. В 1971 г. финансовая проверка, проведенная инспекторами Банка Италии, выявила нарушения законодательства, допущенные в ходе деятельности двух банков Синдоны. В 1974 г. один из них был объявлен неплатежеспособным, Синдону заподозрили в мошенническом банкротстве. В том же году неплатежеспособным стал и Franklin National Bank. Синдона оказался под следствием в США, а в 1980 г. получил 25-летний срок лишения свободы. Его осудили по нескольким десяткам пунктов обвинения, среди которых лжесвидетельство, мошенничество и растрата банковских средств.

В 1981 г. в Италии на вилле «Ванда», принадлежавшей приятелю Синдоны, представители власти провели обыск, поскольку предполагалось, что там Синдона спрятал бумаги о незаконном вывозе валюты. В ходе обыска обнаружили списки ложи П2, а кроме того — правительственные документы с грифом «секретно» и конфиденциальные досье на известных политических деятелей, составленные спецслужбами Италии [6, с. 12]. И вот тут мы снова возвращаемся к Личо Джелли, ведь именно ему принадлежала вилла.

В списке оказалось немало влиятельных людей — среди них генералы армии, адмиралы флота, генералы Финансовой гвардии, генералы карабинеров, директора спецслужб, парламентарии, бизнесмены, профессора. Сын последнего короля Италии Виктор Эммануил Савойский и, как уже говорилось выше, Сильвио Берлускони, крупный бизнесмен, тоже фигурировали в списке.

«Свои люди» были у П2 и среди крупнейших издателей, директоров телевизионных и радиопрограмм, среди журналистов, социологов, виднейших деятелей культуры. В руках логи оказались, например, влиятельное издательство «Риццоли» и крупнейшая газета Италии «Коррьере дела сера», миланский журнал «Сеттиманале» и профашистский еженедельник «Боргезе»» [6, с. 13].

Вскоре список стал достоянием общественности, и 26 мая 1981 г. правительство, включая премьера Форлани, подало в отставку, а «через день генеральный прокурор Рима Доменико Сика выписал ордер на арест Личо Джелли по обвинению в «политическом шпионаже» и создании «преступной организации»» [6, с. 14].

Джелли долго скрывался от итальянского правосудия. Его арестовали в Швейцарии, но он бежал из тюрьмы и, по некоторым данным, какое-то время провел в Южной Америке. Между прочим, в списке логи было несколько очень известных граждан Аргентины, в разное время занимавших крупные посты в государстве. В 1987 г. он поселился в Швейцарии. В 1988 г. Швейцария согласилась на экстрадицию Джелли в Италию, где он предстал перед судом и был приговорен к 18 годам лишения свободы. Речь шла о мошенничестве, связанном с крахом одного банка (Banco Ambrosiano). Основным акционером Banco Ambrosiano был «Институт религиозных дел», дикастерия Римской курии (т.е. ведомство главного административного органа Святого Престола и Ватикана), которая выполняет функции банка. Апелляционный суд сократил срок лишения свободы до 12 лет, в 1998 г. Кассационный суд подтвердил приговор, и тогда Джелли сбежал из-под домашнего ареста. Его задержали во Франции, и с 2001 г. он до самой смерти в 2015 г. находился на своей вилле «Ванда» под домашним арестом.

Джелли также подозревали в причастности к смерти банкира Роберто Кальви. В 1982 г. его

труп обнаружили в Лондоне. В карманах нашли лист бумаги, на котором были написаны имена нескольких человек, в том числе входивших в список П2, и среди них — очень известные люди. Джелли предъявили официальное обвинение, но в окончательном обвинительном заключении Джелли не фигурировал.

Парламентская комиссия, расследовавшая деятельность логи П2, в частности, изучала некоторые события, связанные с попыткой государственного переворота 1970 г. Имя Джелли всплыло и тут. Речь идет о так называемом «перевороте Боргезе» — по фамилии его руководителя, представителя аристократического рода, принца (князя) Юнию Боргезе.

В годы гражданской войны в Испании он воевал на стороне Франко, командуя подводной лодкой. Во Второй мировой Боргезе сначала был командиром подводных лодок Vettor Pisani и Sciré, а в 1943 г. возглавил «Десятую флотилию МАС», т.е. подразделение морской пехоты флота Итальянской социальной республики². После войны предстал перед судом. Его подозревали в причастности к расстрелу итальянских партизан.

Боргезе приговорили к лишению свободы сроком 12 лет, однако в 1949 г. амнистировали. В 1951 г. он стал президентом неофашистской организации «Итальянское общественное движение», в 1968 г. основал неофашистский «Национальный фронт», а в 1969 г. начал подготовку военного переворота.

Путч начался в ночь с 7 на 8 декабря 1970 г. Боевики во главе со Стефаном Делле Кьяйе вошли в здание МВД. «Чернорубашечники проникают в арсенал и начинают переносить в подожженный грузовик автоматы, устанавливают на лестницах тяжелые пулеметы. Матерые фашисты Стефано делле Кьяйе и Сандро Сакуччи потирают плечами своих людей: «Скорее! Скорее! Скоро начнется!»» [6, с. 52].

Заговорщики начали действовать в Венеции, Вероне, в Ломбардии, Умбрии и Тоскане. И вдруг последовал приказ Боргезе, остановивший реализацию переворота. Только 17 марта 1971 г. общество узнало, что была попытка путча, а 18 марта заместитель прокурора Рима выписал ордера на арест в отношении нескольких чело-

² Марионеточное государство, существовавшее в 1943–1945 гг. на территориях Италии, оккупированных Германией.

век, включая Боргезе. Арестовать его не удалось, поскольку он сбежал в Испанию.

Боргезе умер в 1974 г., так и не раскрыв, по крайней мере, публично, тайну отмены переворота. Созданная в 1988 г. «Парламентская комиссия по расследованию терроризма в Италии и причин неустановления лиц, ответственных за массовые убийства» выдвинула ряд гипотез на этот счет. Но именно гипотез, т.е. официально не заявила, что точно установлены причины, по которым Боргезе остановил путч.

В отчете Комиссии есть довольно туманное указание на то, что соответствующий приказ исходил от Личо Джелли. Надо сказать, что несколько человек, чьи имена связывали с переворотом, входили в П2: «...не только Саккуччи, но и Ремо Орландини, правая рука “черного князя”, и капитан полиции Сальваторе Драго, отворивший путчистам двери министерства внутренних дел и начальник СИД генерал Вито Мичели — все они были масонами. И не просто масонами, а членами тайной ложи П2» [6, с. 53]. В 1966–1977 гг. в Италии существовала спецслужба СИД, в 1970 г. ее возглавил Мичели и оставался на этом посту еще несколько лет.

В 1990 г. разгорелся еще один скандал, на этот раз — вокруг организации «Гладио» и операции с тем же названием. О Джелли и П2 вспомнили снова.

«Финансируемые США антикоммунистическое “параллельное” правительство Италии П2 и секретные подразделения “Гладио” тесно сотрудничали во времена Первой республики. Личо Джелли, который после разоблачения “П2” избежал ареста и уехал в Южную Америку, по завершении “холодной войны” с удовольствием подтвердил, что секретная армия была сформирована из убежденных антикоммунистов», — пишет в своей книге известный историк Даниэль Гансер [7, с. 94].

Название «Гладио» происходит от слова *gladius* — меч древнеримских легионеров. А история организации, о которой идет речь, восходит к 1950-м гг. На Западе, рассматривая сценарий гипотетической войны с Советским Союзом, допускали, что Советская Армия сможет захватить обширные территории. В этом случае предполагалось развернуть диверсионную деятельность против советских войск. В рамках реализации этой идеи создавались тайники с оружием, проводился набор и подготовка сотрудников. В ряде стран западного

блока появились соответствующие сети вое-низированных ячеек. В Италии такая структура получила название «Гладио», в других странах они назывались иначе, но термин «гладио» неформально приобрел собирательное значение для всех подобных сетей. Есть сведения, что аналогичные организации были созданы, по меньшей мере, во Франции, Бельгии, Дании, ФРГ, Греции и Швейцарии.

Все это держалось в тайне, о которой знал только узкий круг лиц. Франческо Коссига, президент Италии 1985–1992 гг., как-то заявил: «...я горжусь тем, что мы смогли держать все в секрете на протяжении целых 45 лет» [7, с. 26]. В 1990 г. премьер-министр Италии Джулио Андреотти официально признал факт существования «Гладио». Италия — парламентская республика, но до этого момента итальянский парламент не знал, что государство давно уже входит в соглашение о создании на своей территории сети диверсантов.

Насколько декларированная цель — совершение подрывных акций на случай гипотетической войны с Советским Союзом — соответствовала реальным планам создателей «Гладио»? Что, если с самого начала это было лишь прикрытием для иных задач? Я вовсе не исключаю, что в 1950-х гг. на Западе действительно готовились устраивать диверсии против советских войск и в дальнейшем, в период долгого противостояния Запада и Советского Союза, такая задача не снималась с повестки дня. Но трудно оспорить, что «Гладио» имел потенциал для мощного давления на официальную власть государств, где такие сети существовали. В управлении «Гладио» важную роль играло НАТО — альянс, в котором США занимали и до сих пор занимают лидирующие позиции; а также спецслужбы, особенно ЦРУ, т.е. вновь — США. Допустим, некое государство Западной Европы попыталось бы освободиться от американского влияния и проводить политику, резко противоречащую интересам Вашингтона. А что если США, используя диверсионные сети, в ответ начнут подрывные действия? Кто поручится, что такой сценарий нереален? Потенциальная возможность подобного развития событий — уже рычаг давления.

Поставлю и другой вопрос: а что, если такие сети де-факто контролировались тем, что я называю неафишируемой или неофициальной властью? Учитывая скандал вокруг масонской ложи П2, вряд ли стоит категорично утверждать, что такой власти никогда не было, нет и не будет.

Между прочим, по некоторым данным, Джелли руководил не только П2, но еще двумя ложами, более секретными. Наконец третий вопрос: а что, если организация «Гладио» не только на уровне потенциальной угрозы, но и фактическими действиями прямо повлияла на ситуацию в той или иной стране?

Многие годы считалось, что теракт в Петеано (31 мая 1972 г.) совершили «Красные бригады». Согласно полицейскому отчету взрывчатка, использованная преступниками, была такой же, как та, что применяли «Красные бригады». Однако судья Феличе Кассон установил, что «фальшивые результаты экспертизы предоставил Марко Морин, специалист по взрывчатым веществам из итальянской полиции. Он был членом неофашистской группировки “Новый порядок”» [7, с. 13].

Выяснилось, что террористы заминировали автомобиль взрывчаткой С 4, которую, в частности, применяло НАТО. В начале 1972 г., т.е. до теракта в Петеано, неподалеку от Триеста полицейские обнаружили тайник, в котором находилось С4, оружие и боеприпасы. Расследуя события в Триесте и Петеано, Кассон установил, что исполнителем теракта был член «Нового порядка» Винченцо Винчигерра [7, с. 14].

Винчигерра сделал ряд заявлений и, в том числе, рассказал о некой структуре: «Эта сверхмощная организация в условиях отсутствия советской оккупации, которая могла никогда и не состояться, взяла на себя задачу от имени НАТО предотвратить соскальзывание политической ситуации в стране влево. Этим она и занималась в сотрудничестве с официальными секретными службами, политическими и военными властями» [7, с. 18].

Андреотти уверял, что кандидаты на вступление в «Гладио» проходили тщательный отбор и не должны были состоять ни в каких экстремистских организациях [7, с. 24]. Однако, если слова Винчигерры относились именно к «Гладио», то возникает вопрос: откуда он знал об этой структуре? Не будет ли логичным предположить, что он в ней состоял?

Когда поднимают тему деятельности «Гладио», нередко пишут о Стефано Делле Кьяйе. Так вот, его имя, в частности, всплыло в связи с терактом в Болонье. «Если верить разочаровавшемуся в своем кумире последователю Джелли, неофашисту по имени Элио Чолини, то это массовое убийство было спланировано и разработано в деталях на собрании П2 в Монте-Карло 11 апреля 1980 г. с участием Личо Джелли. Тот же Чолини показал под присягой, что оперативное руководство было возложено на “кровавую тройку”, о которой уже шла речь: Стефано Делле Кьяйе, Пьерлуиджи Пальяни и Иоахима Фибелькорна» [5, с. 117].

Также Делле Кьяйе упоминают в контексте теракта в Милане, переворота Боргезе, серии взрывов поездов 1972 г., теракта в экспрессе «Италикус», однако ни по этим делам, ни по делу о теракте в Болонье, суд не признал Кьяйе виновным в совершении преступления. По этой и ряду других причин я не берусь утверждать, что организация «Гладио» действительно причастна к террору.

А вот что касается неафишируемой политики, то факт существования военизированной структуры удавалось держать в секрете десятки лет. И если один раз такая организация была создана, то разве невозможно это сделать вновь?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киясов С.Е. «Шотландский след» в масонском движении Британии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2016;16(3):319–323. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-319-323
2. Файзиев Т.М. Масонство как феномен общественно-политической жизни Англии первой половины XVIII века. Дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); 2000. 218 с.
3. Киясов С.Е. Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз? *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2019;19(1):43–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51
4. Росси Дж., Ломбрасса Ф. Во имя логи. Пер. с итал. М.: Международные отношения; 1983.
5. Яллоп Д. Кто убил папу римского? Пер. с англ. М.: Прогресс; 1986.
6. Малышев В.В. За ширмой масонов. М.: Советская Россия; 1984.
7. Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле; 2017.

REFERENCES

1. Kiyasov S.E. "Scottish trace" in the Masonic movement in Britain. *Izvestiya of Saratov University. History. International relationships*. 2016;16(3):319–323. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819–4907–2016–16–3–319–323
2. Fayziev T.M. Freemasonry as a phenomenon of social and political life in England in the first half of the 18th century. Diss. ... cand. historical sciences: 07.00.03. Moscow: Russian State Humanitarian University (RGGU); 2000. 218 p. (In Russ.).
3. Kiyasov S.E. Power and Freemasonry in the modern era: confrontation or alliance? *Izvestiya of Saratov University. History. International relationships*. 2019;19(1):43–51. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819–4907–2019–19–1–43–51
4. Rossi G., Lombrassa F. In the name of the lodge. Trans. from Italian. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1983. (In Russ.).
5. Yallop D. Who killed the Pope? Per. from Eng. Moscow: Progress; 1986. (In Russ.).
6. Malyshev V.V. Behind the screen of the Masons. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1984. (In Russ.).
7. Ganser D. Secret armies of NATO: Operation Gladio and terrorism in Western Europe. Moscow: Kuchkovo pole; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дионис Леонидович Кантарь — писатель, публицист, Москва, Россия

Dionis L. Kantar' — writer, publicist, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9754-4378>

murabl@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.06.2023; принята к публикации 15.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.06.2023; accepted for publication on 15.07.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-121-128

УДК 659.113.255(045)

Повышение эффективности рекламных кампаний на радио путем интеграции с цифровыми инструментами мониторинга

Е.И. Кублик^а, А.И. Лабинцев^б, М.С. Чипчагов^с, М.А. Шилов^д^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия; ^д ООО «Медиа холдинг «Радиосити», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается способ повышения эффективности рекламных кампаний на радио путем интеграции с цифровыми инструментами мониторинга. Авторами предложена методика оценки эффективности проведения рекламной кампании на основе анализа коэффициентов модели линейной регрессии. В качестве целевой переменной использован трафик веб-приложения рекламодателя, напрямую влияющий на объем продаж. Рассмотрены объемы инвестиций в различные каналы рекламы на заданном промежутке времени как факторы воздействия на целевую переменную. Приведена структурная модель проведения рекламной кампании. В результате исследования реализована рекламная система в форме веб-приложения radioskidki.ru, позволяющая интегрировать интернет- и радиоканалы сбыта рекламы. Проведены измерения трафика на временном промежутке 1 месяц с дискретизацией в один день. Анализ результатов измерения доказал эффективность предложенного способа и разработанного инструмента. Таким образом, приведенная методика позволяет сгенерировать дополнительный трафик веб-приложения и тем самым повысить эффективность рекламных кампаний на радио.

Ключевые слова: реклама; радио; эффективность рекламы; радиореклама; «радиоскидки»; анализ эффективности рекламы

Для цитирования: Кублик Е.И., Лабинцев А.И., Чипчагов М.С., Шилов М.А. Повышение эффективности рекламных кампаний на радио путем интеграции с цифровыми инструментами мониторинга. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):121-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-121-128

ORIGINAL PAPER

Improving the Effectiveness of Radio Advertising Campaigns by Integrating Digital Monitoring Tools

E.I. Kublika^a, A.I. Labyntseva^b, M.S. Chipchagovs^c, M.A. Shilov^d^{a, b, c} Financial University, Moscow, Russia; ^d Ltd "Media Holding "Radiocity", Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the method of increasing the effectiveness of advertising campaigns on the radio through by integrating digital monitoring tools. A methodology for evaluating the effectiveness of an advertising campaign on the radio based on the analysis of the linear regression model coefficients is proposed. The advertiser's web application traffic, which directly affects the sales volume, is used as a target variable. The investments in various advertising channels for a certain period of time is considered as factors influencing the target variable. A structural model of an advertising campaign is presented. As a result of the research, an advertising system was implemented in the form of a web application (radioskidki.ru), which allows the integration of Internet and radio advertising channels. Traffic measurements were carried out over a time interval of 1 month with sampling in one day. The analysis of the measurement results proved the effectiveness of the proposed methodology and the developed tool. Thus, the proposed technique allows to generate additional web application traffic, and thereby increase the effectiveness of advertising campaigns on the radio.

Keywords: advertising; radio; advertising effectiveness; radio advertising; radio discounts; advertising effectiveness analysis

For citation: Kublik E.I., Labintsev A.I., Chipchagov M.S., Shilov M.A. Improving the effectiveness of radio advertising campaigns by integrating digital monitoring tools. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2023;13(5):121-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-121-128

ВВЕДЕНИЕ

Неустойчивость мировой экономики и высокие риски ее дальнейшего замедления не позволяют ориентироваться на расширение экспорта как драйвера экономического роста Российской Федерации. В этих условиях необходимо развивать внутренний спрос [1].

Реклама и скидки являются основными инструментами для привлечения внимания потребителей и повышения продаж в условиях рыночной экономики. Правительство России возлагает большие надежды на результаты реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]. В последние годы наблюдается рост доли цифровых платформ в маркетинговом бюджете, — представители малого и среднего бизнеса чаще делают ставку на продвижение своих товаров и услуг в интернете. В первую очередь это связано с тем, что цифровые инструменты мониторинга и аналитики позволяют отслеживать повышение трафика и рост продаж в зависимости от выделенного бюджета на рекламу.

Перераспределение бюджетов в сторону интернет-рекламы приводит к снижению прибыли производителей и распространителей рекламы на радио. Традиционный инструмент для оценки эффективности рекламы на радио — социальный опрос — требует времени и денег. Это, безусловно, отталкивает рекламодателей, несмотря на то, что на локальных рынках реклама на радио по-прежнему является весьма эффективной, так как каждую неделю его слушают около 80% россиян в возрасте от 12 лет и старше [3].

Мы считаем, что для возвращения доли радиорекламы рекламодателям в первую очередь нужны эффективные инструменты аналитики и мониторинга. В нашей статье мы исследуем способ повышения эффективности рекламных кампаний на радио путем интеграции с цифровыми инструментами мониторинга Яндекс.Метрика.

СМИ оказывают различное влияние на непосредственное и долгосрочное поведение потребителей [7]. Например, телевидение позволяет транслировать аудиовизуальный контент высокого качества, который подходит для категорий товаров, требующих демонстрации. Реклама на радио предлагает аудиоконтент и подходит для предприятий, работающих на местных рынках. С течением времени влияние различных медиаплатформ на память потребителей меняется [5].

Например, изначально телевизионная реклама оказывает сильный эффект, но в долгосрочной перспективе исчезает. Напротив, реклама в журналах действует слабее, но в памяти остается надолго.

Интернет играет огромную роль в формировании нового экономического пространства для ведения бизнеса и имеет значительное функциональное преимущество [6]. Он более привлекателен по сравнению с газетами и журналами, так как предлагает пользователям контент по их выбору [7]. Реклама в нескольких различных диджитал-каналах имеет синергетический эффект и оказывает существенное влияние на выбор потребителя [8].

Радио слушают, например, автомобилисты и те, кто отдыхает на природе. При этом эффективность минутного радиоспота (радиоролика, аудиоспота) составляет примерно 75% от эффективности стандартного 30-секундного телеролика, а его цена — в 5–6 раз меньше.

Реклама на радио — это мощный инструмент, который имеет высокое значение ключевого показателя ROAS (Return on Ad Spend) — популярной метрики в современных исследованиях [9, 10], которая вычисляется как отношение прибыли к затратам на рекламу.

$$ROAS = \frac{R - I}{I}, \quad (1)$$

где I — затраты на канал рекламы;

R — выручка компании.

Анализ доходности сегментов бизнеса позволяет найти рациональные и эффективные решения по увеличению или снижению объемов продаж того или иного товара. Он необходим при управлении расходами, установлении структурных сдвигов, а также важен при формировании стратегии развития компании и для увеличения сегментов географического присутствия [11].

Заказчик рекламной кампании имеет в своем распоряжении несколько инструментов, например соцсети, Яндекс.Директ, наружную и радиорекламу. На каждый инструмент выделяется определенный бюджет I (investment), за счет которого проводится рекламная кампания в заданный временной промежуток. Аудитория взаимодействует с рекламными инструментами и генерирует трафик T_0 на основные каналы заказчика, например, сайт или телефон. Воронка продаж обеспечивает

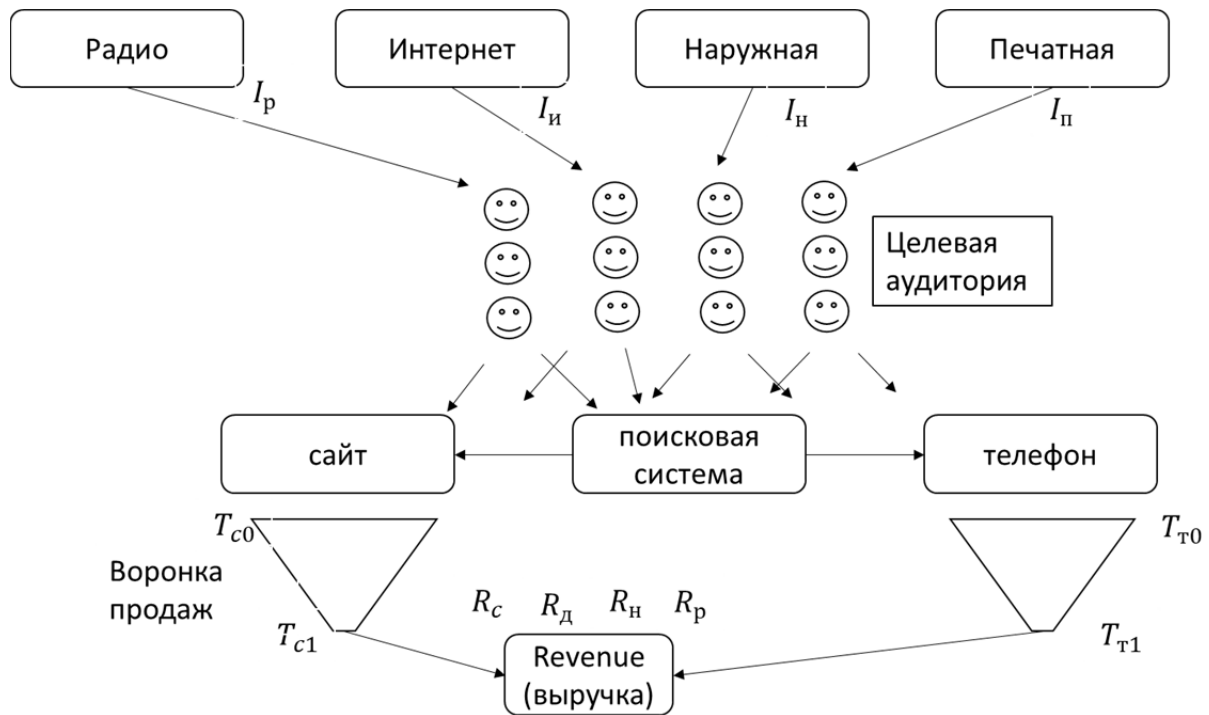

Рис. 1 / Fig. 1. Модель рекламной кампании / Advertising campaign model

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

конверсию посетителей в трафик продаж T_1 , и в результате формируется выручка заказчика (рис. 1).

Известно, что информацию можно рассматривать как один из современных факторов производства [1]. Для рекламных диджитал-инструментов не составляет труда определить источник трафика, оценить долю в общей выручке и посчитать ROAS. Однако существенная доля трафика не позволяет напрямую определить, откуда «пришел» пользователь. Выделение доли трафика от радиорекламы является еще более сложной задачей. Для ее решения традиционно используют опрос клиентов или выделенный телефонный номер.

Мы предлагаем новый метод повышения и оценки эффективности радиорекламы, основанный на интеграции традиционных каналов и веб-инструментов.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Сайт radioskidki.ru представляет собой агрегатор УТП (уникальных торговых предложений) всех заказчиков рекламы на радио (рис. 2).

В рекламных роликах, транслируемых на радио, сайт radioskidki.ru указывается как дополнительный канал взаимодействия с заказчиком. Часть аудитории, охваченная радиорекламой,

переходит на данный сайт, где представлены карточки с УТП заказчиков, а затем — на их сайты, при этом сохраняется информация об источнике перехода, доступная для дальнейшей аналитики.

Интеграция radioskidki.ru с инструментами Яндекс.Метрика позволяет получить информацию об общем трафике на сайте заказчика рекламы, что дает возможность оценить показатель TOAS (Traffic on Ad Spend) отдельно для каждого источника трафика.

$$TOAS = \frac{T \cdot PPC - I}{I}, \quad (2)$$

I — затраты на канал рекламы;

T — трафик посетителей;

PPC — средняя цена за клик (посещение).

Данный показатель вычисляется аналогично ROAS, но вместо выручки используется количество кликов, умноженное на среднюю цену привлеченного клиента (среднюю цену за клик) (PPC , price per click). Он представляет собой отношение стоимости рекламы с неизвестной PPC к трафику с фиксированной ставкой за клик, которая устанавливается, например, в Яндекс.Директ. Положительное значение коэффициента $TOAS$ говорит о том, что эффективность

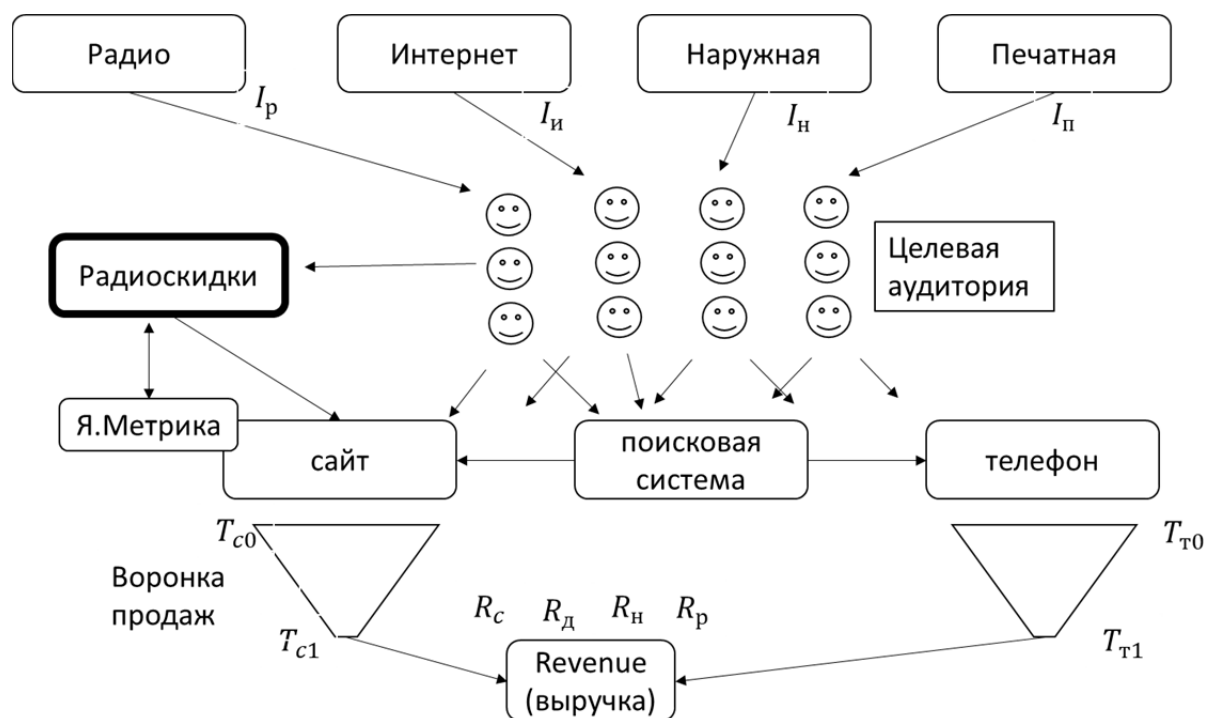

Рис. 2 / Fig. 2. Модель рекламной кампании с использованием инструмента radioskidki.ru / Advertising campaign model using the tool radioskidki.ru

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

выше, отрицательное — ниже. Для выяснения доли трафика от рекламы на радио строится модель линейной регрессии.

$$T_{model} = I_{radio} \cdot C_{radio} + C_0 + \varepsilon, \quad (3)$$

T_{model} — смоделированный трафик;

I_{radio} — затраты на радиорекламу;

C_{radio} — коэффициент регрессии радиорекламы;

C_0 — постоянная составляющая;

ε — ошибка модели.

Коэффициент регрессии C_{radio} имеет размерность [клик/руб.], он позволяет связать затраты с полученным результатом — трафиком от рекламы на радио. Подставляя C_{radio} в формулу (2), получаем выражение:

$$TOAS_{radio} = \frac{I_{radio} \cdot C_{radio} \cdot PPC - I_{radio}}{I_{radio}} = C_{radio} \cdot PPC - 1. \quad (4)$$

$TOAS_{radio}$ показывает, насколько выгоднее привлечь клиентов через радио, чем через диджитал-каналы, для которых установлено известное значение PPC . Таким образом, radioskidki.ru позволяют оценить долю от радиорекламы в общем трафике и ее эффективность по сравнению с диджитал-инструментами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные, полученные в результате измерения затрат на рекламу и трафика на сайте заказчика в течение одного месяца, приведены в таблице.

В течение месяца заказчик имел три канала рекламы:

- кампания в соцсетях;
- Я. Директ;
- кампания на радио.

Кампания в соцсетях проводилась с 1 по 15 число и имела стоимость 7500 руб., средние затраты I_c составили 500 руб./день. Объем переходов из соцсетей известен, он приведен в колонке T_1 . Трафик с Яндекс.Директ оплачивался по фиксированной ставке (7 руб./клик), его объем приведен в колонке T_2 . Кампания на радио проводилась в период с 15 по 20 число и имела стоимость 22 500 руб., в среднем затраты $I_p = 1500$ руб./день (рис. 3).

В результате измерения трафика получены значения, агрегированные по дням (рис. 4).

В результате вычислений получена следующая модель трафика:

$$T_{model} = I_{radio} \cdot 0,23 + 145 + \varepsilon,$$

$$TOAS_{radio} = 0,23 \cdot 7 - 1 = 0,6.$$

Таблица / Table

**Затраты на рекламу и результаты измерения трафика /
Advertising costs and traffic measurement results**

День	I1	I2	I3	T1	T2	T3	T4	Sum
1	500	105	0	15	15	146	10	186
2	500	280	0	37	40	156	7	240
3	500	140	0	20	20	162	5	207
4	500	280	0	35	40	111	10	196
5	500	231	0	40	33	193	8	274
6	500	126	0	23	18	190	8	239
7	500	133	0	31	19	143	5	198
8	500	105	0	12	15	65	12	104
9	500	77	0	12	11	175	6	204
10	500	105	0	12	15	125	12	164
11	500	77	0	12	11	143	15	181
12	500	266	0	37	38	124	10	209
13	500	210	0	32	30	147	11	220
14	500	266	0	37	38	155	15	245
15	500	210	1500	32	30	254	17	333
16	0	63	1500	10	9	496	15	530
17	0	140	1500	13	20	460	13	506
18	0	238	1500	7	34	478	12	531
19	0	210	1500	12	30	427	20	489
20	0	238	1500	14	34	554	23	625
21	0	77	1500	10	11	571	19	611
22	0	98	1500	12	14	474	15	515
23	0	119	1500	13	17	473	17	520
24	0	245	1500	15	35	492	14	556
25	0	294	1500	9	42	598	17	666
26	0	266	1500	8	38	424	19	489
27	0	168	1500	7	24	587	32	650
28	0	84	1500	6	12	459	27	504
29	0	84	1500	4	12	559	15	590
30	0	259	1500	3	37	458	16	514

Источник / Source: составлено авторами по данным медиахолдинга «Радиосити» / compiled by the authors based on the data of Media holding "Radiocity".

Рис. 3 / Fig. 3. График затрат на рекламу / Chart of the advertising costs

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

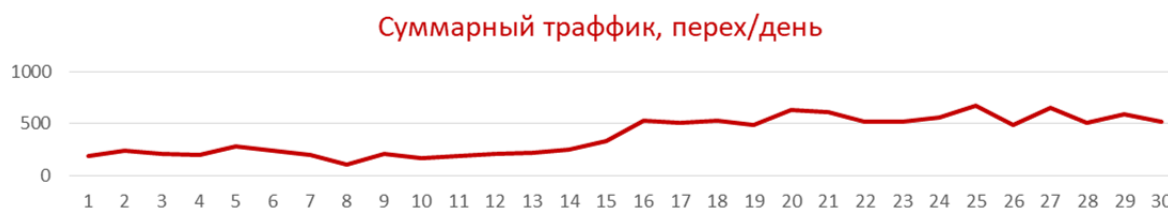

Рис. 4 / Fig. 4. Агрегированный трафик на сайте заказчика / Aggregated traffic on the customer's website

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что размещать рекламу на радио в среднем на 60% выгоднее, чем использовать диджитал-инструменты. Следует заметить, что эта оценка дана лишь для первичного трафика в воронке продаж. Для полноценного анализа необходимо вычисление показателя ROAS. Нужна информация о затратах заказчика на остальные каналы рекламы и реальная выручка, но заказчик не всегда готов делиться этой информацией, однако при необходимости он может провести аналитику своими силами.

Простая линейная модель не учитывает корреляцию между источниками трафика. Проведение кампаний на радио, как правило, приводит к увеличению частоты ключевых запросов в поисковых системах. Пользователи видят рекламу в выдаче и переходят по рекламным ссылкам. Это приводит к повышению трафика из диджитал-каналов, хотя, по сути, источником является реклама на радио.

Также следует отметить, что для продвижения сервиса radioskidki.ru необходима консолидация усилий всех компаний, предоставляющих рекламные услуги на радио.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Масленников В. В., Сорокин Д. Е. и др. Оценка Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период 2019–2024 годов (сентябрь, 2019 г.). *Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):126–130. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-126-130>
2. Белоусов Ю. В., Тимофеева О. И. Методология определения цифровой экономики. *Мир новой экономики*. 2019;13(4):79–89. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-79-89>
3. Назаров А. И. Аудиореклама в цифровом формате. *Интернет-маркетинг*. 2019;(2):86–94.
4. Berkowitz D., Allaway A., D'souza G. The impact of differential lag effects on the allocation of advertising budgets across media. *Journal of Advertising Research*. 2001;41(2):27–27.
5. Ali B. J. Assessing (The impact) of advertisement on customer decision making: Evidence from an educational institution. *Afak for Science Journal*. 2021;6(01):267–280.
6. Николаев Р. Ю. Реклама на радио: состояние, тенденции, проблемы. *Электронный сборник статей по материалам VII студенческой международной научно-практической конференции*. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования»; 2018.
7. Doyle P., Saunders J. Multiproduct advertising budgeting. *Marketing Science*. 1990;9(2):97–113.

8. Sama R. Impact of media advertisements on consumer behaviour. *Journal of Creative Communications*. 2019;14(1):54–68.
9. Mishra V., Vashiath A. Is advertising medium an important constraint in consumer purchase intention: The theoretical foundation. *Journal of General Management Research*. 2017;4(1):38–45.
10. Moon H., Lee T., Seo J., Park C., Eo S., Aiyanyo I.D., Park J., So A., Ok K., Park K. Return on Advertising Spend Prediction with Task Decomposition-Based LSTM Model. *Mathematics*. 2022; 10(10):1637. <https://doi.org/10.3390/math10101637>
11. Куприянова Л. М., Шнайдер О. В. Анализ доходности сегментов бизнеса. *Мир новой экономики*. 2020;14(1):54–61. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-1-54-61>.

REFERENCES

1. Maslennikov V.V., Sorokin D.E. Assessment of Forecast of Social and Economic Development of the Russian Federation for 2019–2024 (September, 2019). *Finance: Theory and Practice*. 2019;23(5):126–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-126-130>
2. Belousov Yu.V., Timofeeva O.I. Methodology for Defining the Digital Economy. *The world of new economy*. 2019;13(4):79–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-79-89>
3. Nazarov A.I. Audio advertising in digital format. *Internet Marketing*. 2019;(2):86–94. (In Russ.).
4. Berkowitz D., Allaway A., D'souza G. The impact of differential lag effects on the allocation of advertising budgets across media. *Journal of Advertising Research*. 2001;41(2):27–27.
5. Ali B.J. Assessing (The impact) of advertisement on customer decision making: Evidence from an educational institution. *Afak for Science Journal*. 2021;6(01):267–280.
6. Nikolaev R. Yu. Radio advertising: status, trends, problems Electronic collection of articles based on the materials of the VII student international scientific and practical conference. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Mezhdunarodnyj centr nauki i obrazovaniya»; 2018.
7. Doyle P., Saunders J. Multiproduct advertising budgeting. *Marketing Science*. 1990;9(2):97–113.
8. Sama R. Impact of media advertisements on consumer behaviour. *Journal of Creative Communications*. 2019;14(1):54–68.
9. Mishra V., Vashiath A. Is advertising medium an important constraint in consumer purchase intention: The theoretical foundation. *Journal of General Management Research*. 2017;4(1):38–45.
10. Moon H., Lee T., Seo J., Park C., Eo S., Aiyanyo I.D., Park J., So A., Ok K., Park K. Return on Advertising Spend Prediction with Task Decomposition-Based LSTM Model. *Mathematics*. 2022;10(10):1637. <https://doi.org/10.3390/math10101637>
11. Kupriyanova L.M., Schneider O.V. Analysis of Profitability of Business Segments. *The world of new economy*. 2020;14(1):54–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-1-54-61>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Евгений Ильич Кублик — доцент департамента анализа больших данных и машинного обучения, Финансовый университет, Москва, Россия

Evgeny I. Kublik — Associate Professor of the Department of Big Data Analysis and Machine Learning, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7312-4763>
eikublik@fa.ru

Андрей Иванович Лабинцев — доцент департамента анализа больших данных и машинного обучения, Финансовый университет, Москва, Россия

Andrey I. Labintsev — Associate Professor of the Department of Big Data Analysis and Machine Learning, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5167-2689>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
ailabintsev@fa.ru

Михаил Сергеевич Чипчагов — доцент департамента анализа больших данных и машинного обучения, Финансовый университет, Москва, Россия

Mikhail S. Chipchagov — Associate Professor of the Department of Big Data Analysis and Machine Learning, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2038-9108>

mschipchagov@fa.ru

Максим Алексеевич Шилов — учредитель ООО «Медиа холдинг «Радиосити»»

Maxim A. Shilov — founder of Ltd “Media holding “Radiocity””

<https://orcid.org/0009-0002-9750-125X>

m.shilov@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Е.И. Кублик — разработка общей концепции статьи.

А.И. Лабинцев — подготовка рукописи.

М.С. Чипчагов — проведение вычислительных экспериментов.

М.А. Шилов — сбор и предварительный анализ данных.

Authors' contribution:

E. I. Kublik — development of the general concept of the article.

A. I. Labintsev — preparation of the manuscript.

M. S. Chipchagov — conducting computational experiments.

M. A. Shilov — collection and preliminary analysis of data.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.02.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.02.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-129-134
УДК 008:304.4(045)

Минархизм как философская основа конвергенции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции в России

П. С. Селезнев, А. Д. Крамер

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос о факторах конвергенции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции в России на основании минархизма как философской основы. Методология работы выстроена за счет комбинации структурного и сравнительного анализа. Авторы раскрывают вопрос о соотношении классической вариации философии минархизма и ее формы, трансформированной лидерами общественного мнения внутри несистемной оппозиции. Сделан вывод о том, что на данный момент минархизм играет роль основы для идеологического объединения правого и либерального сегментов несистемной оппозиции. При этом оппозиционеры восприняли преимущественно не ортодоксальную форму минархизма, а его вульгаризированный вариант, в рамках которого изначальная концепция была переработана в ключе элитизма и социал-дарвинизма. Данная вариация минархизма по содержанию представляет собой политический миф, функции которого сводятся к стигматизации лоялистов и укреплению ингруппового фаворитизма противников действующей власти. Особенности указанного мифа дают возможность дегуманизировать сторонников существующего строя и в то же время — конструировать положительный образ будущего на основе потребительских ценностей и достижения квазисправедливости по принципам рыночного агонизма. **Ключевые слова:** несистемная оппозиция; Россия; минархизм; философская основа; консерваторы; правые; либералы

Для цитирования: Селезнев П. С., Крамер А. Д. Минархизм как философская основа конвергенции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):129-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-129-134

ORIGINAL PAPER

Minarchism as a Philosophical Basis for the Convergence of the Right and Liberal Segments of the Non-Systemic Opposition in Russia

P.S. Seleznev, A.D. Kramer

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the question of the convergence factors for the right and liberal segments of the non-systemic opposition in Russia on the basis of minarchism as the philosophical fundament. The methodology of the work is built on a combination of structural and comparative analysis. The authors reveal the relation between the classical variant of the minarchism philosophy and its form transformed by the public opinion leaders within the non-systemic opposition. The authors come to conclusion that minarchism plays the role of the basis for the ideological unification of the right and liberal segments of the non-systemic opposition now. At the same time the oppositionists mainly adopted not the orthodox form of minarchism, but its vulgarized version, within which the original concept was reworked in the key of elitism and social Darwinism. This variation of minarchism is actually a political myth, the functions of which is to stigmatize the loyalists and strengthen in-group favoritism of the current government's opponents. The features of this myth make it possible to dehumanize supporters of the existing system and at the same time construct a positive image of the future which is based on consumer values and achieving false justice according to the principles of market agonism.

Keywords: non-systemic opposition; Russia; minarchism; philosophical basis; conservatives; rightists; liberals

For citation: Seleznev P.S., Kramer A.D. Minarchism as a philosophical basis for the convergence of the right and liberal segments of the non-systemic opposition in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):129-134. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-129-134

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день несистемная оппозиция выступает в качестве одного из основных источников рисков для политической стабильности в России. Для нее характерны высокая степень неконвенциональности, наличие развитой и устойчивой системы связей с внешними политическими акторами, а также склонность к политическому экстремизму. Длительное время деструктивный потенциал несистемной оппозиции ограничивала ее разобщенность. Однако приблизительно с первой половины 2010-х гг. фиксируются тенденции к сближению разных групп несистемной оппозиции, в первую очередь — в идеологическом плане (достаточно вспомнить, например, об участии А.А. Навального в «Русском марше» или ситуативных альянсах разных групп «несистемщиков» в ходе «болотных протестов»). При этом особенно активно протекает конвергенция правых и либералов [1, с. 111].

Последнее закономерно поставило перед экспертным сообществом вопрос о том, за счет чего и в каких формах происходит это идеологическое сближение.

В представленном исследовании соответствующая проблематика раскрывается на основе кейса минархизма как общего элемента парадигм идеологических конструктов указанных политических групп [2, с. 15].

КЛАССИЧЕСКАЯ ВАРИАЦИЯ МИНАРХИЗМА И ЕЕ КРИТИКА

В рафинированном виде минархизм представляет собой модель государственного устройства, в рамках которого полномочия институтов публичной власти сведены к «необходимому минимуму», предполагающему наличие у них ресурсов и полномочий для защиты базовых прав и свобод граждан, а также обеспечения обороны от внешних угроз [3, с. 263].

Данная модель государственного устройства традиционно служит предметом активных дискуссий в научном сообществе, в первую очередь — в силу своего идеального характера. Сторонники разных вариаций концепции функционального представительства (включая как неокорпоративизм, так и неоплюрализм) отмечают наличие очевидных диспропорций в степени доступа разных групп интересов к инструментам воздействия на публичную

власть и, как следствие, отсутствие равной репрезентации элитных групп и макросоциальных корпораций в системе государственного управления. Последнее делает невозможным перманентное пребывание институтов публичной власти в состоянии универсального модератора и медиатора, а также реализацию на практике минархистской модели, где государство должно выступать в качестве равноудаленного от всех групп интересов актора. Институты публичной власти в рамках данной системы неизбежно будут отображать баланс экономического, силового и правового потенциалов крупных заинтересованных групп. Последнее, в свою очередь, открывает для конкретных групп влияния легальные возможности с точки зрения продвижения собственной повестки в ущерб интересам конкурентов. В итоге государство перестает играть роль защитника интересов каждого гражданина или социальной корпорации [4, с. 26].

Поводом для критики в адрес минархизма служит и игнорирование тенденций, характеризующих развитие свободной конкуренции в экономике в рамках реальных моделей. Отсутствие корректирующего воздействия государства в данных условиях с течением времени неизбежно приводит к установлению олигополии, а затем — монополии. Таким образом, доведение принципа экономической свободы на рынке до логического завершения способствует его ликвидации [5, с. 91].

Наконец, минархизм предполагает наличие базового противоречия в рамках реализации двух задач — обеспечения максимальной свободы граждан внутри государства и должного уровня защиты от внешних угроз. На практике решение второй задачи может предполагать необходимость мобилизации экономики, внедрения всеобщей воинской повинности, расширения полномочий спецслужб и иных мер, суть которых напрямую противоречит идее поддержания прав и свобод граждан на максимально высоком уровне [6, с. 53].

Обозначенные противоречия минархизма широко обсуждаются в том числе на популярном и научно-популярном уровнях. Однако это способствует снижению интереса к данной концепции среди представителей как правового, так и либерального крыла внутри несистемной оппозиции [7, с. 36].

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ МИНАРХИЗМА НЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Причиной последнего является то, что и концепция либерализма, и система традиционных консервативных ценностей претерпевают серьезные трансформации в рамках восприятия российской несистемной оппозицией.

Изначально ни либерализм, ни консерватизм в фундаментальных формах не подразумевают ярко выраженного элитизма. Либерализм предполагает отстаивание равенства всех граждан в рамках системы прав первого поколения. Консерватизм предписывает сообществу необходимость определенного «чувства ранга», но в то же время — консолидации общества, поддержки солидарности и выработки чувства ответственности за судьбу социальной корпорации у представителей истеблишмента [8, с. 59].

Однако лидеры общественного мнения в рамках соответствующих групп несистемной оппозиции отвергают данные подходы. В частности, можно упомянуть позицию иноагента Ю.Л. Латыниной относительно необходимости отмены всеобщего избирательного права. Помимо того, она настаивала на необходимости отказа от признания приоритетности прав человека (обозначая их как атавизм, утративший функциональное значение после завершения «холодной войны»), в первую очередь — любых социальных прав и гарантий, а также требовала поражения в правах национальных меньшинств. При этом допускалась возможность переустройства общества насильственными методами, включая открытый террор против политических оппонентов. Показательны и требования Е.А. Просвирнина взимать налог со всех этнических русских, желающих использовать данное обозначение в отношении себя. Обозначенные подходы предполагают отрицание базовых принципов либерализма, консерватизма и правых политических учений на основе элитистских концепций в целом [9, с. 115].

Это становится возможным за счет такой специфической черты правых и либералов внутри несистемной оппозиции, как понимание природы человека и концепта рациональности в исключительно эгоцентрическом, анархо-капиталистическом ключе [10, с. 157].

В соответствии с данным подходом человеку в принципе мало свойственна эмпатия,

в силу чего эгоизм и игнорирование интересов и потребностей окружающих оцениваются как сущностная черта *homo sapiens*. Коллективизм и солидаризм при этом описываются как установки, противоречащие природе человека, в силу чего основанные на них социальные и политические концепции рассматриваются как априори нежизнеспособные. Аналогичным образом отрицается возможность и необходимость равенства в какой-либо формах. Более того, попытки его обеспечения расцениваются как деструктивная активность. Как правые, так и либералы внутри несистемной оппозиции рассматривают в качестве базовых ценностей успешность и агонизм. Равенство, с их точки зрения, представляет собой нарушение принципов агонизма, приводящее к блокированию потенциала успешных людей в интересах широких масс. При этом подразумевается, что успешные люди в принципе не связаны никакими обязательствами по отношению к массам. Одновременно происходит абсолютизация значимости частного успеха. В качестве главной движущей силы в рамках развития человечества рассматривается именно частная инициатива, ориентированная на извлечение коммерческой прибыли. И государство, и основная масса населения в рамках данной парадигмы представляются как структуры, паразитирующие на элитах [11, с. 46].

Данное обстоятельство приводит к тому, что первоначальный смысл понятия «минархизм» искажается. Государство уже не рассматривается как равноудаленный медиатор, защищающий базовые интересы всех граждан, а представляет собой паразитическую бюрократию, которой предписывается максимально сократить свое присутствие в жизни общества. При этом ограничение его активности осуществляется в первую очередь в интересах элит [12, с. 45].

Такая трансформация понятия становится возможной за счет искажения классических концепций либерализма и консерватизма в элитистском ключе, выстроенном на основе социал-дарвинизма [13, с. 74].

Именно элитизм и социал-дарвинизм являются наиболее значимыми установками, объединяющими как правых, так и либералов внутри лагеря несистемной оппозиции. После переосмысления на их основе изначально демократическая концепция минархизма утрачивает такие свойства, как ориентация

на обеспечение гармонии интересов личности и общества. Парадигмой видоизмененного минархизма становится обеспечение интересов элиты, точнее, бизнес-элиты [14, с. 20].

При этом данная интерпретация носит достаточно гибкий характер, позволяющий привлекать к данной концепции людей, не относящихся к истеблишменту либо контрэлитам. Несистемные оппозиционеры интерпретируют социально-экономические реалии России таким образом, что значительная часть представителей российских деловых элит являются «ложными», поскольку их статус обусловлен якобы преимущественно поддержкой со стороны государства либо конкретных официальных лиц. Согласно «оппозиционному мифу» при переходе к «нормальному минархизму» большинство противников действующей власти благодаря своим способностям и талантам легко вошли бы в состав бизнес-истеблишмента либо открыли свое успешное дело, в то время как лоялисты (в силу приписываемой им бесталанности и безынициативности) оказались внизу социальной иерархии. При этом приписываемая носителям оппозиционной идентичности экзистенциальная успешность служит в данном случае инструментом выработки ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, т.е. ресурсом укрепления и воспроизводства групповой протестной модели самоопределения. Как и большинству политических мифов, данной системе представлений присущ манипулятивный характер. Однако в силу наличия символической составляющей (характерным

примером чего могут служить произведения популярной культуры, такие, как роман «Атлант расправил плечи») она может восприниматься даже своими создателями за счет воздействия механизма эмоционального заражения [15, с. 285].

ВЫВОДЫ

В целом можно сказать, что в настоящее время минархизм выступает в качестве основы для интеграции правого и либерального сегментов несистемной оппозиции. Однако речь идет не об ортодоксальной форме данной концепции, а о трансформированной в ключе элитизма и социал-дарвинизма системе представлений о «минимальном государстве». Последняя представляет собой политический миф, призванный стигматизировать лоялистов и укреплять ингрупповой фаворитизм противников действующей власти. Специфика данного мифа позволяет дегуманизировать сторонников существующего строя и одновременно формировать позитивный образ будущего на основе потребительских ценностей и достижения квазисправедливости по принципам рыночного агонизма.

При этом данная вариация минархизма естественным образом ограничивает численность числа сторонников либералов и консерваторов среди несистемной оппозиции, поскольку она построена на отрицании как концептуальных основ соответствующих политических учений, так и универсальных ценностей — эмпатии и альтруизма.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was written basing on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков И. Несистемная оппозиция. *Свободная мысль*. 2011;(3):109–118.
2. Селезнев П. С., Челнокова М. Л. Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;(1):14–19.
3. Надскакула-Качмарчик О. Политический капитал несистемной оппозиции в России. Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Мат-лы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. М.: Московский педагогический государственный университет; 2019.

4. Челнокова М.Л. Образ российской несистемной оппозиции в Рунете: технологии формирования. *Общество: политика, экономика, право*. 2022;(3):25–30.
5. Челнокова М.Л. Российская несистемная оппозиция как социально-политический феномен. *Социально-гуманитарные знания*. 2021;(1):89–98.
6. Гаджиев Д. В. Анархо-капитализм в контексте рыночных отношений. *Вопросы политологии*. 2017;(3):52–56.
7. Поляков Д.Б. Анархо-капитализм. безвластие и экономика свободного рынка. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2015;(4):33–37.
8. Фомкин Ф.С. Минархизм и либертарианство. Философия. Политология. Мат-лы 57-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет; 2019.
9. Кузнецова Н.А., Орлинская О.М., Молокина Е.Г. Либертарианство в России и США: к вопросу о различиях. *Власть*. 2018; (9):114–116.
10. Яблочкин А.С. Социально-политические идеи в либертарианизме. *Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку*. 2020;(1):155–163.
11. Хохлова Д.Д. Слепая зона политической науки: общества за пределами государств. *Вопросы политологии*. 2017;(3):43–51.
12. Пахомова Е.А., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Слабости современной российской либертарианской правовой концепции. *Правовое государство: теория и практика*. 2018;(1):43–48.
13. Кабацкий М.С. Современные либертарианские организации и движения. *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2019;(3):71–79.
14. Карнаушенко Л.В. Либертарианство как политико-правовой феномен. *Закон и право*. 2021;(10):17–21.
15. Михайлюк В.В. Идеологические основы и способы политического просвещения либертарианской партии России (ЛПР). Гуманитарные, естественно-научные и технические аспекты современности. Мат-лы XXXIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП); 2021.

REFERENCES

1. Bolshakov I. Non-systemic opposition. *Svobodnaya mysl' = Free thought*. 2011;(3):109–118. (In Russ.).
2. Seleznev P.S., Chelnokova M.L. Non-systemic opposition in Russia: features of the formation and strategy of political activity. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;(1):14–19. (In Russ.).
3. Nadskakula-Kaczmarczyk O. Political capital of the non-systemic opposition in Russia. Trajectories of political development in Russia: institutions, projects, actors. Materials of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Academy of Pedagogical Sciences with international participation. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2019. (In Russ.).
4. Chelnokova M.L. The image of the Russian non-systemic opposition in Runet: technologies of formation. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2022;(3):25–30. (In Russ.).
5. Chelnokova M.L. Russian non-systemic opposition as a socio-political phenomenon. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2021;(1):89–98. (In Russ.).
6. Gadzhiev D.V. Anarcho-capitalism in the context of market relations. *Voprosy politologii = Questions of political science*. 2017;(3):52–56. (In Russ.).
7. Polyakov D.B. Anarcho-capitalism. anarchy and free market economics. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Transbaikalian State University*. 2015;(4):33–37. (In Russ.).
8. Fomkin F.S. Minarchism and libertarianism. Philosophy. Political science. Proceedings of the 57th International Scientific Student Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 2019. (In Russ.).
9. Kuznetsova N.A., Orlinskaya O.M., Molokina E.G. Libertarianism in Russia and the USA: on the issue of differences. *Vlast' = Power*. 2018;(9):114–116. (In Russ.).
10. Yablochkin A.S. Socio-political ideas in libertarianism. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku = Bulletin of the Russian Economic University. G. V. Plekhanov. Introduction. The path to science*. 2020;(1):155–163. (In Russ.).

11. Khokhlova D. D. The blind spot of political science: societies beyond states. *Voprosy politologii = Questions of political science*. 2017;(3):43–51. (In Russ.).
12. Pakhomova E. A., Salnikov M. V., Fomichev M. N. Weaknesses of the modern Russian libertarian legal concept. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Rule of law: theory and practice*. 2018;(1):43–48. (In Russ.).
13. Kabatsky M. S. Modern libertarian organizations and movements. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii) = Abyss (Issues of philosophy, political science and social anthropology)*. 2019;(3):71–79. (In Russ.).
14. Karnaushenko L. V. Libertarianism as a political and legal phenomenon. *Zakon i parvo = Law and law*. 2021;(10):17–21. (In Russ.).
15. Mikhailyuk V. V. Ideological foundations and methods of political education of the Libertarian Party of Russia (LPR). Humanities. natural scientific and technical aspects of modernity. Materials of the XXXIII All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP); 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci (Political Sciences), Associate Professor, First Deputy Dean, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Professor, Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
sps@fa.ru

Анна Даниловна Крамер — старший преподаватель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna D. Kramer — Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9710-3633>
neporussky@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-135-140

УДК 316.346.32-053.6(045)

Особенности восприятия молодежью образа политического лидера в СМИ

О.В. Федорищева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Окружающая действительность воспринимается человеком не сама по себе, а посредством отображения в виде образов. Мы редко задумываемся, почему один образ запоминается легче, другой труднее, а третий вообще не задерживается в памяти. Под воздействием разных обстоятельств в сознании складывается и закрепляется определенная оценка достоинств и недостатков политического лидера, вынуждающая его поступать в соответствии с общественными ожиданиями. В данной статье на примере Г.А. Явлинского изучается взаимосвязь образа политика в печатных СМИ и его восприятия молодежью.

Ключевые слова: политические лидеры; молодежь; восприятие; образ политического лидера

Для цитирования: Федорищева О.В. Особенности восприятия молодежью образа политического лидера в СМИ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-135-140

ORIGINAL PAPER

Peculiarities of Youth Perception of a Political Leader's Image in the Media

O.V. Fedorishcheva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The surrounding reality is perceived by a person not in the way it really is, but in the form of images. We rarely think about why one image is easy to remember, while another one is more difficult and whereas the third one does not linger in memory at all. Under the influence of various circumstances, a certain assessment of the advantages and disadvantages of a political leader is formed and fixed in mind, which forces him to act in accordance with public expectations. This article studies the relationship between the image of a politician in print media and his perception by young people using the example of G.A. Yavlinsky.

Keywords: political leaders; youth; perception; image of a political leader

For citation: Fedorishcheva O.V. Peculiarities of youth perception of a political leader's image in the media. *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):135-140. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-135-140

Рациональные суждения о политиках и их оценки могут быть вербализированы и осознаны, поэтому они фиксируются методом прямого опроса. При этом они чаще всего группируются в три обобщенных смысловых блока: «сила», «активность», «привлекательность». Но при анализе эмоционально-ассоциативного восприятия фокус смещается. Эмпирические данные, полученные в ходе политико-психологических исследований, позволяют сделать вывод о том, что между этими двумя контурами восприятия имеется определенный зазор. Нередки случаи, когда политический лидер набирает высшие

баллы по значимым для рациональной оценки показателям (честность, компетентность и т.д.), однако его успехи на выборах оказываются весьма скромными и не изменяются при какой-либо активности кандидата [1].

Причина кроется в том, что у большинства избирателей образ политика связан с какими-то нежелательными для него бессознательными ассоциациями, в чем никто из них не отдает себе отчет. Автор предприняла попытку исследовать степень совпадения и расхождения образа политика в СМИ и его восприятия молодежью на примере лидера партии «Яблоко» Г.А. Явлинского. Временными рамками

исследования стал период между выборами (апрель 2000 — декабрь 2002 г.). Данный период одновременно и ретроспективен, и специфичен тем, что имидж лидера отражается в СМИ естественнее, чем в период предвыборной гонки.

По сути дела, окружающая действительность, и в том числе ее отдельные элементы, воспринимается человеком не сама по себе, а «через их отображения в формах его внутренней психической жизни» [1]. Поэтому все объекты, с которыми мы имеем дело, существуют для людей в виде образов, т.е. важны исследования субъективной картины действительности, которую человек формирует для самого себя.

Под образом в данном исследовании будет пониматься субъективная картина мира или его фрагментов, что предполагает интерпретацию лавинообразного потока информации, получаемой органами чувств, на основе сложившейся у человека категориальной системы [2].

Многие исследователи отмечают, что в нашем общественном мнении слабо различаются механизмы, функции и институты власти, роли и действие конкретных лиц (лидеров), наделенных властью [3]. В какой-то степени это говорит о слабой дифференциации общества, об отсутствии горизонтальных связей, где главной опорой является властная вертикаль.

В отношении лидера нас в большей степени интересует то, что А. Захаров назвал «образными репрезентациями», т.е. представления о лидере, существующие в головах людей [4].

Студенты — это будущие и нынешние избиратели, их восприятие наименее «загрязнено» любыми стереотипами, поэтому данное исследование может помочь в работе с молодежным электоратом. В рамках социальной психологии распространено понятие о базовой структуре человеческой личности, которая обычно складывается к моменту достижения индивидом зрелости и относительно мало меняется в дальнейшем. «Ранняя социализация представляется более весомой, чем поздняя» [5].

Теоретическим основанием исследования стал политико-психологический подход (А. Н. Леонтьев, Т. В. Евгеньева), теория каузальной атрибуции Г. Келли, теория социальной перцепции Г. М. Андреевой, теория установок Д. Н. Узнадзе. Принципиально важными для выработки методологического инструментария исследования стали приемы политико-

психологического анализа. Психологические процессы переходного периода в России исследованы в трудах Г. Г. Дилигенского, Л. Я. Гозмана, Е. Б. Шестопал [6–8].

Мы рассматриваем гипотезы указанных авторов о рассогласованности компонентов установок, связанных с противоречием декларируемых ценностей и тех, что заложены базовой политической социализацией. Наша главная задача — не получение обобщенного представления о политике, а выявление в восприятии молодежи его характерных черт, влияющих на формирование образа лидера, а также определение их изменчивости и устойчивости.

После 1991 г. в России на первый план вышла потребность в знании методик воздействия СМИ на массовое сознание. О. И. Гордеева считает, что характер воздействия средств массовой информации на аудиторию содержит широкие возможности контроля над сознанием, психикой, эмоциональной сферой людей, закладывая в них алгоритмы оценок, поведения, ценностные фильтры [9]. А. Ослон пишет о прямом влиянии СМИ на ситуацию во время выборов 1993 г., в частности о телевидении [10]. Автор обнаружил четкую корреляцию между объемом политической рекламы и индексом запоминаемости. При этом большинство теоретиков и практиков, занимавшихся данными вопросами у нас в стране, почти без изменения восприняли идеологические установки и методологические подходы, обоснованные и неоднократно апробированные американскими специалистами в этой области.

Однако, как и следовало ожидать, применение коммуникативных технологий без учета национальной специфики часто приводило отнюдь не к ожидаемым и спрогнозированным результатам. «Универсальные» методики необходимо было скорректировать, учитывая ментальные установки россиян и национально-культурные традиции нашего населения. Это обусловило более пристальный интерес к исследованию феномена массовых коммуникаций в отечественной науке (прежде всего в социологии и политологии). Однако и работы более позднего периода грешили так называемым «американизмом», т.е. попытками искусственной подгонки американско-европейской теории манипулирования к российской политической действительности. Правда, многие работы, не-

смотря на недостатки, стали значительным этапом в развитии отечественной политической и социологической мысли.

В середине 1990-х гг. изучение СМИ перешло в прикладную плоскость. Из огромного списка необходимо выделить книгу И. Дзялошинского «Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности», вышедшую в 1995 г., которая практически полностью посвящена противодействию манипулятивным технологиям [11]. А первой в отечественной практике экспериментальной проверкой гипотезы о влиянии сообщений СМИ на массовое политическое сознание и электоральное поведение россиян стало исследование И. Задорина, Ю. Буровой и А. Сюткиной «Влияние СМИ на электоральные предпочтения России» [12]. Авторы обнаружили неоднозначное воздействие СМИ на избирателей и подтвердили, что электоральная база различных политиков и партий характеризуется разной степенью информационной чувствительности.

Еще один блок исследований посвящен изучению механизмов восприятия политических лидеров массовым сознанием.

Значительно реже ученых интересует, как политические лидеры оцениваются со стороны. В США этим вопросом занимались Д. Киндер, С. Фиске, Ф. Гринстайн, А. Миллер, М. Херманн, Л. Милбрах и др. [13]. В России эта проблема освещалась Е. В. Егоровой-Ганман [14], Е. Б. Абашкиной и Ю. Н. Косолаповой [15].

Однако большинство исследователей делали акцент, скорее всего, на личности политика, а оценке лидеров гражданами уделялось значительно меньше внимания. Д. Киндер и С. Фиске задавались вопросом о существовании идеальных прототипов, но не исследовали специальные факторы, влияющие на отношение граждан к реальным политикам [16].

Непосредственное значение для понимания формирования образа политиков имеют исследования установки.

Политические установки — отношение субъектов к политическим решениям — имеют свою специфику. Они являются важным механизмом для политической жизни, так как определяют готовность субъекта так или иначе реагировать на политические события. Г. Г. Дилигенский считает, что в политике установки могут быть не связаны с прошлым опытом и играть роль «компенсатора когнитивного дефицита», т. е.

моделировать реакцию людей на малознакомые социально-политические ситуации [6].

Американский исследователь Г. Олпорт под политическими установками понимает систему аттитюдов. В рамках теории черт было проведено огромное количество исследований, данные которых противоречили друг другу, и в конечном счете под вопрос были поставлены даже такие качества, как решительность и сила воли. Олпорт указывал, что из 17 тысяч слов, описывающих личность, каждое может служить характеристикой лидера, но, с другой стороны, данные многочисленных социологических исследований показывают, что в головах обычных людей существуют вполне очерченные идеальные прототипы политических лидеров [17].

Применение коммуникативных технологий без учета национальной специфики часто приводило отнюдь не к ожидаемым и спрогнозированным результатам. «Универсальные» методики необходимо было скорректировать, учитывая ментальные установки россиян и национально-культурные традиции нашего населения.

В данном исследовании мы будем, прежде всего, опираться на концепцию Д. Н. Узнадзе [18], который смог обнаружить то реальное психическое состояние, которое выражает predisposition человека к определенному поведению. Узнадзе показал, что, прежде чем заняться какой-либо деятельностью, человек заранее внутренне и психологически готовится к ее осуществлению, хотя данный факт может совершенно не осознаваться им. При этом под влиянием некоторых факторов у него создается соответствующая данной деятельности психологическая готовность, установка, которая определяет его поведение даже в том случае, когда он не думает об этом.

В социальной и политической психологии в структуре установки принято выделять три составляющих: когнитивную, эмоциональную

(аффективную) и поведенческую. Когнитивная предполагает наличие у человека предварительных знаний и интереса к политике. Этим объясняется индивидуальный отбор информации по политическому. Эмоциональное отношение к политическому (нравится — не нравится), как правило, предшествует критическому осмыслению такой информации. Наконец, поведенческая составляющая — это готовность к действию, например осознанное намерение проголосовать за кандидата.

В рамках исследования когнитивистского направления политической психологии акцент был сделан на том, чем руководствуется взрослый человек в своем политическом выборе. При этом существенно важной является работа английского политического психолога Н. Himmelweit, которая предложила «потребительскую модель», где проводит аналогию между принятием политического решения и выбором покупателем того или иного товара. Избиратель, отдающий свой голос, ищет максимального соответствия или наименьшего несоответствия между набором установок и партийными программами. «Привычка голосовать за определенную партию сходна с привязанностью к определенному магазину или фирме, а воздействие референтных групп напоминает то, как образ жизни наших друзей или коллег направляет наши пристрастия» [19]. В дальнейшем работы когнитивистов показали, что в странах со стабильной политической системой у избирателей действительно есть привычка (установка) голосовать за определенную партию.

Эти же выводы в большей степени подтверждаются автором данной статьи, которая считает, что, несмотря на то, что в литературе накоплен достаточно большой теоретический и эмпирический материал, именно восприятие образов реальных политиков недостаточно исследовано.

Таким образом, было проведено многоступенчатое эмпирическое исследование для выявления степени совпадения и расхождения образа политика (Г.А. Явлинского) в СМИ и его восприятия студентами. В соответствии с указанной целью были выявлены установки по отношению к политическому; определены печатные СМИ, популярные у студентов столичного вуза; проведен их анализ; изучен транслируемый в них образ политика; выявлены представ-

ления об образе лидера в сознании респондентов и пр.

В результате было определено следующее:

1. Образ политика в СМИ различается для респондентов с положительной, отрицательной и нейтральной установками.

2. Именно установка определяет выбор газеты, а не наоборот.

3. На восприятие публикаций в печатных СМИ преимущественно влияет установка респондента.

4. В публикациях читатель воспринимает только то, что совпадает с его установкой.

5. Образ политика не претерпевает существенных изменений в сознании респондентов после прочтения ими публикаций в печатных средствах массовой информации.

Анализ восприятия образа политика в печатных СМИ выявил существование трех групп респондентов с установками по отношению к политическому лидеру. Для каждой из них существует свой круг печатных СМИ, выбранных согласно их положительной, отрицательной или нейтральной установке. В условиях данной установки образ политика в сознании респондентов не претерпевал существенных изменений после прочтения ими публикаций, где он упоминался.

С учетом феномена каузальной атрибуции уже сформированная установка (процесс ее формирования не входил в задачи данного исследования) о каком-либо политическом играет первостепенную роль при чтении публикаций о нем. В целом, респонденты не анализируют информацию в прессе, она проходит «сквозь них».

Характерной чертой восприятия образа политика студентами столичного вуза, согласно исследованию, является то, что он в сознании респондентов многослоен и порой противоречив. Но самое главное состоит в том, что они либо не видят публикации, не соответствующие их установкам по отношению к политическому, либо отказывают им в достоверности. Данное положение было проверено не количественными, а качественными методами, что вряд ли позволяет говорить о тенденции в восприятии образа политика молодыми людьми в СМИ, — речь идет лишь о характерных чертах данного процесса. Но автор полагает, что полученные в результате качественного исследования данные могут быть проверены количественными

методами анализа в ходе современного крупномасштабного исследования.

Таким образом, можно предложить ряд политических технологий. Представляется нецелесообразным вкладывать большие суммы в рекламу политика в печатных СМИ, так как читатель с отрицательной установкой все равно будет воспринимать лишь публикации с отрицательной оценочной характеристикой кандидата, публикации с положительной составляющей он будет пропускать либо не поверит им. Напротив, кажется важным обра-

щать как можно больше внимания на группу с несформированной политической установкой.

Анализируя образ конкретного политика в СМИ и его восприятие молодыми людьми, автор все же предполагает наличие тех же тенденций в восприятии ими любого политического лидера или власти. Данную гипотезу планируется проверить на более широком эмпирическом поле.

Проведенное исследование может послужить началом крупномасштабных изысканий по данной проблематике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. Политическая психология. М.: Юрайт; 2002.
2. Егорова-Гантман Е.В., Плешков К.В. Политическая реклама. М.: Центр политического консультирования «Николо М»; 1999.
3. Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия. *Мониторинг общественного мнения*. 1998;(5):9–15.
4. Захаров А. Народные образы власти. *Полис*. 1998;(1):23–36.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. *Полис*. 1997;(4):6–33.
6. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука; 1994.
7. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс; 1996.
8. Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики на рубеже 90-х. М.: РОССПЭН; 2000.
9. Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании. Технология и организация выборов компаний. Зарубежный и отечественный опыт. М.: Российская академия управления; 1993.
10. Ослон А. Социология и телевидение. Политическая сила телевидения: реальность мифа? *Полис*. 1994;(6):155–179.
11. Дзялошинский И. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности. М.: Студия «Викон»; 1995.
12. Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость. URL: <http://www.mediasprut.ru/info/bibliothek/ru/smi-polit.shtml?ysclid=lot2zn9uwi592953333>
13. Kinder D., Peters M., Abelson R., Fiske S. Presidential prototypes. *Political behavior*. 1980;(2):315–338.
14. Егорова Е.В. Психологические методы исследования личности политических лидеров капиталистических стран. М.: Искан; 1988.
15. Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. О теориях лидерства в современной политической психологии. *США: экономика, политика, идеология*. 1993;(4):31–21.
16. Kinder D., Fiske S. Presidents in the Public mind. *Political psychology*. 1984;(1):193–218.
17. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М.: Мысль; 1978.
18. Узнадзе Д.Н. Теория установки. М.: Институт практической психологии; 1997.
19. Himmelweit H. How Voters Decide? L.: Academic Press; 1981.

REFERENCES

1. Andreev A. Political psychology. Moscow: Yurayt; 2002. (In Russ.).
2. Egorova-Gantman E.V., Pleshkov K. V. Political advertising. Moscow: Center for Political Consulting “Nikolo M”; 1999. (In Russ.).
3. Levada Yu. The phenomenon of power in public opinion: paradoxes and stereotypes of perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring of public opinion*. 1998;(5):9–15. (In Russ.).
4. Zakharov A. Folk images of power. *Polis = Policy*. 1998;(1):23–36.
5. Inglehart R. Postmodernity: Changing Values and Changing Societies. *Polis = Policy*. 1997;(4):6–33. (In Russ.).

6. Diligensky G.G. Socio-political psychology. Moscow: Nauka; 1994. (In Russ.).
7. Gozman L. Ya., Shestopal E. B. Political psychology. Rostov-on-Don: Phoenix; 1996. (In Russ.).
8. Shestopal E. B. Psychological profile of Russian politics at the turn of the 90s. Moscow: ROSSPEN; 2000. (In Russ.).
9. Gordeeva O. I. Political image in the election campaign. Technology and organization of elective companies. Foreign and domestic experience. Moscow: Rossijskaya akademiya upravleniya; 1993. (In Russ.).
10. Oslon A. Sociology and Television. The Political Power of television: the reality of the myth? *Polis = Policy*. 1994;(6):155–179. (In Russ.).
11. Dzyaloshinsky I. Russian mass media in the election campaign: lessons of efficiency. Moscow: Studiia "Vikon"; 1995. (In Russ.).
12. Zadorin I., Burova Yu., Syutkina A. Mass media and mass political consciousness: mutual influence and interdependence. URL: <http://www.mediasprut.ru/info/bibliothek/ru/smi-polit.shtml?ysclid=lot2zn9uwi592953333> (In Russ.).
13. Kinder D., Peters M., Abelson R., Fiske S. Presidential prototypes. *Political behavior*. 1980;(2):315–338.
14. Egorova E. V. Psychological methods of personality research of political leaders of capitalist countries. Moscow: Iskan; 1988. (In Russ.).
15. Abashkina E. B., Kosolapova Yu. N. On theories of leadership in modern political psychology. *SSHA: ekonomika, politika, ideologiya = USA: economics, politics, ideology*. 1993;(4):31–21. (In Russ.).
16. Kindle D., Fiske S. Incidents in the Republic mind. *Political psychology*. 1984;(1):193–218.
17. Ashin G. K. Criticism of modern bourgeois concepts of leadership. Moscow: Mysl'; 1978. (In Russ.).
18. Uznadze D. N. Theory of installation. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii; 1997. (In Russ.).
19. Himmelweit H. How Voters Decide? L.: Academic Press; 1981.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Оксана Владимировна Федорищева — доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия

Oxana V. Fedorishcheva — Associate Professor of the Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0001-3028-7116>

ovfedorishcheva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.06.2023; принята к публикации 15.07.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.06.2023; accepted for publication on 15.07.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146
УДК 1(045)

Идентичность: виртуальная или реальная?

М.В. Клементьева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Что происходит с идентичностью человека, когда он погружается в виртуальный мир, присоединяясь к онлайн-сообществам или как-то иначе, действуя в сети Интернет? Она остается прежней или возникает что-то новое? На эти вопросы мы хотели бы ответить в данной статье, рассмотрев понятие и статусы *виртуальной идентичности* — технологически опосредованного образа «Я», моделируемого самим пользователем в виртуальной среде, по отношению к личности носителя. С этой целью был применен разработанный нами оригинальный опросник оценки статусов виртуальной идентичности среди 268 студентов в возрасте от 17 до 24-х лет. Материалы статьи формируют основу для будущих психологических исследований идентичности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: виртуальная идентичность; статус; свойства личности; цифровое пространство; пользователь

Для цитирования: Клементьева М.В. Идентичность: виртуальная или реальная? *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):141-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146

ORIGINAL PAPER

Identity: Virtual or Real?

M.V. Klementyeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

What happens to a person's identity when they dive into the virtual world, joining online communities or being active on the Internet otherwise? Does the identity remain the same or does something new arise? We would like to answer this question in this article by considering the concept and statuses of virtual identity — a technologically mediated image of the "I", modeled by the user himself in a virtual environment, in relation to the user's personality. For this purpose, we used an original questionnaire which was developed by us to assess the status of virtual identity among 268 students aged 17 to 24 years. The materials of the article form the basis for future psychological studies of identity in the digital space.

Keywords: virtual identity; status; identity properties; digital space; user

For citation: Klementyeva M.V. Identity: Virtual or real? *Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(5):141-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-141-146

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир представляет собой гибридную реальность, где гаджеты — не просто развлекательные устройства, а средства, связывающие цифровые и реальные среды в единую экосистему. Современные молодые люди являются представителями «цифрового поколения», выросшего с планшетами и смартфонами. Они функционально не различают цифровые и физические среды, их личность формируется в ходе взаимодействия с виртуальными субъектами (например, чат-ботами).

Хотя виртуальные среды способствуют формированию виртуальной идентичности, исследования в этой области в основном сосредоточены на корреляции психологических

переменных с «экранным временем» (частотой и длительностью действий с цифровым устройством), атрибутивными характеристиками аватаров и цифровых профилей, что приводит к упрощенным выводам. На сегодня существует очень мало изысканий, предметом которых являются статусы виртуальной идентичности в связи с личностными особенностями ее носителей.

Впервые термин «идентичность» появился в 1950-х гг. в трудах Э. Эриксона как осознание временной преемственности и переживание единства и уникальности «Я» в общности с социальными образцами группы, к которой личность себя причисляет [1]. В дальнейшем психологическая операционализация

конструкта была осуществлена Дж. Марсиа, который выделил четыре основных статуса идентичности, а затем Д. Маттесон представил механизм дифференциации статусов идентичности как обусловленный взаимодействием двух факторов — поиска и принятия. Таким образом, статусы идентичности приобрели новое психологическое содержание в рамках *типологической модели*: (а) достигнутая идентичность (принятие, основанное на исследовании альтернатив); (б) отчужденная или предпринятая идентичность (принятие, основанное на незначительном изучении альтернатив или их отсутствии); (в) мораторий (выбор, который осуществляется в настоящее время и еще не завершен); (г) диффузная идентичность (отсутствие поиска и принятия). Растущий объем исследований убеждает в том, что статусный тип идентичности представляет собой целостный профиль по ключевым параметрам личностных особенностей: индивидуально-психологические свойства личности и образа «Я», паттерны поведения, уровень психологического благополучия, а также характеристики межличностных отношений. Хотя в психологической литературе представлено много исследований идентичности, они в основном базируются на содержании показателей, разработанных в 1960–1980-х гг., поэтому могут быть не столь актуальными для современных людей [2]. Очевидным вызовом для исследователей выступает тематика статусов виртуальной идентичности.

Итак, виртуальная среда предлагает нам новые возможности в исследовании и подтверждении идентичности, которые сопряжены с рисками для личности. Чтобы понять историю идентичности в цифровом мире, необходимо осознать значение виртуальных сред в этом процессе.

Как социокультурный и психологический феномен реконструкция идентичности в виртуальной среде привлекала внимание ученых еще в XX в. [3]. Однако они касались частных аспектов онлайн-взаимодействия, но не изучали психологические механизмы становления идентичности. Актуальность вопроса соотношения виртуальной и реальной идентичности приобрел тогда, когда расширились пользовательские возможности и многие сферы жизни человека стали связаны с цифровыми технологиями.

Тезис о том, что виртуальная идентичность замещает реальную, в наше время стал предметом дискуссий. Некоторые исследователи (Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов, Е. А. Войскунский, Y. B. Kafai, С. Ну и др.) считают, что виртуальная идентичность будет отличаться от любой формы идентичности, проявляющейся в реальных (повседневных) средах. А, например, M. D. Back, P. M. Valkenburg, M. Wängqvist, I. Granic отмечают, что идентичность в онлайн-пространстве отражает существенные свойства любой другой формы идентичности, т. е. рефлекслируемый социально желательный образ пользователей, который удовлетворяет их потребность в самопрезентации, обуславливая поведенческие паттерны, способствующие формированию ожидаемого впечатления у других. Однако *устойчивые личностные характеристики* — индивидуально-психологические свойства, включая диспозиции, особенности образа «Я» (например, самооценку); паттерны поведения; уровень психологического благополучия; а также характеристики межличностных отношений, которые демонстрирует личность в виртуальной среде — не отличаются существенно от реальной жизни.

Мы полагаем, что необходима теоретическая основа, в рамках которой можно объяснить процесс становления виртуальной идентичности, например эпигенетическая концепция Э. Эриксона. В рамках данной концепции виртуальная идентичность как цифровой опосредованный образ «Я» может проявляться в виде четырех статусов — в зависимости от результата взаимодействия факторов «поиска» и «принятия» (табл. 1).

Типологическая модель виртуальной идентичности описывает не только содержательные, но и функциональные аспекты.

Представим эмпирическое обоснование данной типологии виртуальной идентичности в контексте соотношения со свойствами реальной личности пользователя.

МЕТОД

Выборка. В опросе приняли участие 268 студентов, обучающихся в Финиуниверситете, в возрасте 18–24-х лет. Из них: 69,8% — женщины и 30,2% — мужчины.

Методика. Использован оригинальный авторский опросник оценки виртуальной идентичности, включающий 24 утверждения,

Таблица 1 / Table 1

**Типологическая модель статусов виртуальной идентичности /
A typological model of virtual identity statuses**

Шкала 1		Шкала 2	
		Поиск	
		Наличие	Отсутствие
Принятие	Наличие	Достигнутая виртуальная идентичность (принятие идентичности, основанное на исследовании альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)	Предрешенная виртуальная идентичность (принятие идентичности, основанное на отсутствии альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)
	Отсутствие	Мораторий виртуальной идентичности (выбор альтернативных паттернов поведения в виртуальной среде)	Диффузная виртуальная идентичность (отсутствие поиска и принятия паттернов поведения в виртуальной среде)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

сформированные в 4 шкалы. Применен метод экспертных оценок и фокус-групп с использованием коэффициента Каппы ($\kappa_{\text{эмп}} \geq 0,86$).

Помимо авторской методики, применены шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера [4], самодерминации [5], диспозиции «большой пятерки» личности [6].

Стратегия анализа. Оценка структуры проведена с использованием ЭФА (эксплораторный факторный анализ с альфа-факторизацией и вращением варимакс). Оценка согласованности пунктов шкал проведена с использованием показателя α -Кронбаха. Нормальность распределения — при помощи теста Колмогорова-Смирнова. Проверка связи показателей виртуальной идентичности со свойствами личности осуществлена посредством корреляционного анализа. Сравнительный анализ показателей — с использованием t-критерия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате процедуры ЭФА получены 4 фактора с собственным значением больше 1,0, с общей объясненной дисперсией 33,5%. Интерпретируя факторы, можем выделить следующие шкалы: «Мораторий виртуальной идентичности» — фактор 1 (10,2% объясненной дисперсии); «Предрешенная виртуальная идентичность» — фактор 2 (8,4% объясненной дисперсии); «Диффузная виртуальная идентичность» — фактор 3 (7,5% объясненной

дисперсии); «Достигнутая виртуальная идентичность» — фактор 4 (7,4% объясненной дисперсии).

В табл. 2 представлены статистические показатели модели, демонстрирующие ее пригодность и подтверждающие факторную валидность психометрической модели виртуальной идентичности.

Показатели согласованности пунктов в шкалах и статистика распределения, представленные в табл. 3, подтверждают надежность психометрической модели виртуальной идентичности.

Интерпретируя данные, отметим следующее.

Шкала моратория свидетельствует о том, что современная молодежь, вопреки восторженным утверждениям об успехах «цифрового поколения» в виртуальной жизни, по всей видимости, испытывает сложности в конструировании идентичности и самоопределении. **Шкала предрешенной идентичности** говорит о том, что молодые люди, вопреки мнению о «цифровом разрыве поколений» все еще нуждаются в поддержке со стороны родителей не только в реальном, но и виртуальном мире. Современные студенты находятся на пути к взрослению и поэтому демонстрируют некоторые черты инфантильности (финансовая зависимость от родителей, учебная деятельность вместо трудовой, отложенное родительство и пр.). Однако тот факт, что мно-

Таблица 2 / Table 2

Мера адекватности и критерий Бартлетта / Measure of adequacy and Bartlett criterion

Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина		0,7
Критерий сферичности Бартлетта	Хи-квадрат	1519,3
	Степень свободы	276
	Значение р-уровня	0,000

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 3 / Table 3

Статистика согласованности и распределения показателей / Consistency and distribution statistics

Шкала	α-Кронбаха	Тест Колмогорова-Смирнова (ρ-уровень)
Мораторий виртуальной идентичности	0,70	0,052
Предрешенная виртуальная идентичность	0,68	0,114
Диффузная виртуальная идентичность	0,63	0,061
Достигнутая виртуальная идентичность	0,65	0,072

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 4 / Table 4

Корреляции статусов виртуальной идентичности со свойствами личности / Correlation of virtual identity statuses with personality traits

	Диффузная виртуальная идентичность	Предрешенная виртуальная идентичность	Мораторий виртуальной идентичности	Достигнутая виртуальная идентичность
Удовлетворенность жизнью	0,12*	0,07	-0,07	0,16**
Экстраверсия	-0,02	-0,04	-0,16**	0,13*
Доброжелательность	0,13*	-0,01	0,09	0,11
Добросовестность	0,13*	0,03	-0,04	0,12*
Нейротизм	0,05	-0,04	0,20**	-0,01
Открытость	0,05	-0,08	0,07	0,22**
Самодетерминация	0,03	-0,14*	0,07	0,23**

Примечание: * — корреляция значима на уровне 0,05; ** — корреляция значима на уровне 0,01.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

гие молодые люди предпочитают самостоятельность в организации своей виртуальной жизни, указывает на тенденцию освоения взрослого субкультурного пространства преимущественно в онлайн-контексте. За явлением *диффузной виртуальной идентичности*,

по-видимому, скрывается общее безразличное, отстраненное отношение к жизни в целом, а не только в отношении виртуальной среды. Молодежь сталкивается с проблемой спутанной идентичности на фоне отсутствия выраженных образцов, демонстрирующих

целевые ценностно-смысловые ориентиры поведения. Показатели *достигнутой виртуальной идентичности* вполне соответствуют данным многочисленных социальных опросов и описательных психологических исследований, выявляющих тенденцию современных молодых людей к самоопределению в интернет-пространстве и виртуальной среде.

Однако, на наш взгляд, полученные результаты следует рассматривать не дифференцированно (раздельно анализируя показатели отдельных шкал), а в интегративном единстве.

Сравнительный анализ показал, что *достигнутая виртуальная идентичность* в группе студентов демонстрируется статистически значимо чаще, чем другие статусы ($p < 0,01$).

Корреляционный анализ показателей статуса виртуальной идентичности с возрастом демонстрирует статистически значимое возрастное повышение диффузной ($p = 0,03$) и предпринимательской ($p = 0,01$) виртуальной идентичности. Данный факт может указывать на «*цифровой разрыв*» у поколения современных студентов, обусловленный чересчур стремительными изменениями виртуальной среды. Учащиеся младших курсов, включенные в виртуальную среду на более раннем этапе развития, чем старшекурсники, лучше адаптированы к ней и самостоятельнее в стратегиях онлайн-самоопределения.

Корреляционный анализ (табл. 4) демонстрирует связи между показателями статусов

виртуальной идентичности и устойчивыми свойствами личности.

Итак, мы видим, что диспозиции личности связаны со статусом виртуальной идентичности. Удовлетворенными жизнью, открытыми к новому опыту и способными к самодетерминации являются те, кто демонстрировал достигнутую виртуальную идентичность — они уверены в себе, любопытны, способны самостоятельно определять меру своей ответственности и проявляют тенденцию к социализации. Эмоционально нестабильны и интеровертированы те, кто переживает мораторий виртуальной идентичности — они находятся в поиске своего «Я» в виртуальном мире и испытывают по этому поводу тревогу — в реальном.

ВЫВОДЫ

Цифровые инструменты опосредствуют все сферы жизни современного человека, фокусируя внимание ученых на изучении механизмов развития личности в виртуальных средах. Мы провели исследование, в котором установили связи между диспозициями личности и статусами виртуальной идентичности, подтвердив устойчивость личностных характеристик реального «Я» в онлайн-среде. Данная работа подтверждает эвристический потенциал нашей типологической модели и может служить основой для дальнейших исследований виртуальной идентичности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Автор благодарит за помощь в обработке данных опроса лаборанта Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга ФСНИМК А.О. Сейранян.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was funded by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

The author would like to thank A. O. Seyranyan, laboratory assistant at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the FSNI MK, for her assistance in processing the survey data.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато; 1996. 592 с.
2. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. Handbook of identity theory and research. N.Y.: Springer Science; 2011. 1040 p.
3. Myers D. "Anonymity is part of the magic": Individual manipulation of computer-mediated communication contexts. *Qualitative Sociology*. 1987;(10):251–266. DOI: 10.1007/BF00988989
4. Аргайл М. Психология счастья. Пер. с англ. СПб.: Питер принт; 2003. 270 с.
5. Барабанщиков В.А., ред. Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Издательство «Институт психологии РАН»; 2010. 888 с.

6. Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К. Дж., Джон О.П. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;18(1): 7–33. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33

REFERENCES

1. Erikson E. *Childhood and society*. St. Petersburg: Lenato; 1996. 592 p. (In Russ.).
2. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. *Handbook of identity theory and research*. N.Y.: Springer Science; 2011. 1040 p.
3. Myers D. “Anonymity is part of the magic”: Individual manipulation of computer-mediated communication contexts. *Qualitative Sociology*. 1987;(10):251–266. DOI: 10.1007/BF00988989
4. Argyle M. *The Psychology of Happiness*. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter print; 2003. 270 p. (In Russ.).
5. Barabanshchikov V. A., ed. *Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects*. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN»; 2010. 888 p. (In Russ.)
6. Kalugin A. Y., Schebetenko S. A., Mishkevich A. M., Soto K. J., John O. P. Psychometrics of the Russian version of the Big Five Inventory-2. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021;18(1):7–33. (In Russ.). DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Марина Владимировна Клементьева — доктор психологических наук, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Marina V. Klementyeva — Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8712-9282>

MVKlementeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.07.2023; принята к публикации 30.07.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.07.2023; accepted for publication on 30.07.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-147-152
УДК 316.453(045)

Технологии и принципы формирования мировоззрения студентов на примере Финансового университета при Правительстве РФ

Н.М. Печенкин, К.Р. Самыловских

Государственный академический университет гуманитарных наук; Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье описаны принципы формирования системы мировоззрения студентов, закладываемые Финансовым университетом в основу воспитательной деятельности: выстраивание конструктивного диалога на темы актуальной повестки; осмысление важности культурных и духовных ценностей, профессиональной этики; ориентация на традиции, упор на инновации; разносторонний взгляд на вызовы, стоящие перед обществом; важность уважения к государству и обществу; доброжелательные отношения студентов, преподавателей и сотрудников университета. В рамках системы формирования ценностных установок рассмотрены технологии, предусматривающие гармоничное развитие личности студента во время его обучения касательно образовательного процесса, внеаудиторной работы, студенческих объединений, мер социальной поддержки и каналов коммуникации в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: формирование мировоззрения; мировоззрение студентов; система высшего образования; высшая школа; Финансовый университет.

Для цитирования: Печенкин Н.М., Самыловских К.Р. Технологии и принципы формирования мировоззрения студентов на примере Финансового университета при Правительстве РФ. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(5):147-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-147-152

ORIGINAL PAPER

Technologies and Principles of Students' Worldview Formation on the Example of Financial University under the Government of the Russian Federation

N.M. Pechenkin, K.R. Samylovskikh

State Academic University of Humanities; Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article discusses the principles of the students' worldview system formation, which is conducted by the Financial University as the basis of its educational environment. These principles include building a constructive dialogue concerning the topics of the current agenda; understanding the importance of cultural and spiritual values, professional ethics; orientation to traditions, emphasis on innovation; a versatile view of the challenges which society is facing; the importance of respect for the state and society; benevolent attitude of the student, teachers and staff of the university. Within the framework of the values system formation, technologies are analyzed, as the authors believe that they provide for the harmonious development of a student's personality during the studying process: the educational process and the process of extracurricular work, work with student associations, social support measures and online communication channels.

Keywords: worldview formation; students' worldview; higher education system; higher school; Financial University

For citation: Pechenkin N.M., Samylovskikh K.R. Technologies and Principles of Students' Worldview Formation on the Example of Financial University under the Government of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2023;13(5):147-152. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-147-152

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования определяется тем, что сегодня к основным задачам высшего образования относится не только подготовка высококвалифицированных специалистов, отвечающих актуальному запросу рынка и государства, но и формирование личности, способной к быстрой адаптации в крайне динамично изменяющихся экономических, политических и культурных реалиях. Мировоззренческая функция высших учебных заведений во многом претерпела колоссальные изменения и повлияла на ту систематичность, которая существовала во времена Советского Союза, задававшего четкие установки в воспитании личности. В условиях, которые процесс глобализации обозначил как культурную и духовную интеграцию, все больше встает вопрос сохранения традиционных национальных моральных и культурных ценностей. Это и является одной из причин развития и преобразования методов формирования мировоззренческих установок в системе высшего образования с целью подтолкнуть молодых людей к ответу на вопрос об их месте в обществе, моральных принципах (в том числе профессиональных) и общечеловеческих ценностях. Совокупность профессиональных и моральных ценностей станет определять качество и объективность решений, принимаемых будущими специалистами. Выявление конкретных каналов и технологий взаимодействия с обучающимися высшей школы может способствовать улучшению эффективности работы по выстраиванию системы мировоззрения студентов.

Методология исследования включает: бихевиористский подход (изучение влияния мировоззрения на поведение студентов), структурно-функциональный анализ (изучение методов формирования мировоззрения с позиции определенного функционального значения каждого из них), социологическое исследование (включенное наблюдение), историографический анализ (изучение научных трудов по теме исследования), системный подход (рассмотрение совокупности методов системы формирования мировоззрения как единого целого), нормативный метод (определение значения методов формирования мировоззрения).

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

В исследовании Т.В. Васильевой [1] говорится о том, что при помощи создания благоприятной эмоциональной обстановки достигается крайне высокая степень эффективности фактора формирования нравственных ценностей, а кризис, поставивший

значительную часть российского студенчества в «режим выживания», побуждает многих из них к проявлению девиантного поведения. Центральным в исследовании является тема результативности подходов к формированию мировоззрения учащихся высшей школы; в нем выделены компоненты ценностной ориентации.

В работе Т.Н. Новожиловой [2] доказывается необходимость формирования ценностных и моральных ориентаций студентов вузов посредством конструирования учебно-воспитательного процесса на основе синергии и использования междисциплинарного подхода к работе преподавателя. В статье актуализируется взаимосвязь между ценностями личности и ее способностью осуществлять социально приемлемый выбор в условиях неопределенности в современном мире.

О поиске ключевых способов формирования ценностных ориентаций студентов в рамках обучения в высшей школе говорится в совместной работе Т.М. Кононова, О.М. Горева, С.С. Ситева [3]. Главенствующую роль в этом процессе занимают создание гуманистической системы; совершенствование студенческих научных обществ; формирование у будущих специалистов чувства любви к Родине, политической культуры; развитие клубной и досуговой деятельности; поддержка студенческих объединений. В статье сделан вывод о важности комплексного подхода для видоизменения ценностных установок обучающихся с учетом оказания социальной поддержки.

По мнению Г.К. Бабаяна и Е.В. Егорычевой [4], физическая культура оказывает влияние не только на здоровье, но и на формирование нравственных, эстетических и прочих ценностей. Авторы представляют данные о ее воздействии на интеллектуальные способности, структуру научного мировоззрения, самоконтроль, самовоспитание.

Ж.В. Пузанова и Т.И. Ларина [5] приводят данные, относящиеся к изменению ценностных установок студентов российских вузов, касающиеся жизненных ценностей, лидеров мнений, личностных характеристик и т.д. В работе показана роль университета в становлении патриотических установок и появлении кумиров.

В исследовании В.Ю. Леденевой [6], затрагивающем трансформацию ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности, обозначены тенденции, демонстрирующие значимость вовлеченности молодежи в онлайн-сетевую среду. Автором проделана работа по определению набора установок, стоящих за утверждениями

о неактуальности образования в классическом виде и необходимости его замены на самообучение.

Переоценка идеалов и ценностей современного российского студенчества, по мнению Е. Ю. Пономаревой [7], соотносится с такими факторами, как влияние процесса образования в высшей школе, поведение студентов в соответствии с социальными ситуациями и структурой индивидуальности, что позволяет лучше понять результативность существующих методов воздействия на мировоззрение обучающихся и осуществлять точечную работу с группами студентов.

Влияние ценностных установок на политическое поведение современной российской молодежи отражено в исследовании Ю.А. Кудриной, Н.М. Печенкина, А.А. Косаревой [8], где авторами выделены основные формы участия молодых людей в политической жизни и продемонстрировано проецирование ценностей на политическую активность.

Процесс инфантилизации современного общества, причины межпоколенческих разрывов, формирование мировоззрения современной молодежи — эти вопросы отражены в работе А.Б. Шапилова [9]. Определены такие сферы дестабилизации общественных отношений, как обострение взаимоотношений «отцов и детей», разрушение традиционных институтов, создание атмосферы межпоколенческой фобии и пр.

ОБУЧЕНИЕ В РАМКАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Проведя анализ учебного плана, можно сделать вывод, что такие дисциплины, как «история», «философия и право», «физическая культура и спорт», являются обязательными для всех направлений, а «политология», «экономическая теория» (и также ее профильные ответвления) по большей части характерны для программ подготовки специалистов гуманитарной направленности.

Основой в процессе формирования мировоззрения студентов в рамках образовательного процесса выступает рабочая программа изучаемого предмета. Важно осознать, какие цели и задачи ставятся для отдельно взятой дисциплины, какие компетенции должны быть выработаны у студента по итогам завершения ее изучения. Следует обратить внимание на философию, историю и политологию. Можно сказать, что политология собирает воедино основные аспекты двух других дисциплин и переносит их в плоскость общественно-политических отношений, встраиваясь в процесс формирования мировоззрения человека. Для большей эффективности изучение

политологии следует ввести на всех факультетах и направлениях подготовки специалистов с целью адаптации знаний, навыков и умений студентов, полученных в рамках других дисциплин, к сфере политики.

Однако эти механизмы следует рассматривать в неотъемлемой связи с влиянием преподавателей, лекторов, т.е. авторитетных для студентов людей, состав которых включает в себя руководство Финансового университета, наставников, кураторов и т.д. Их роль в вопросе формирования как профессионального, так и морально-ценностного мировоззрения студента носит первостепенный характер. Однако нельзя не упомянуть важность деконструкции и выражения порой полярных мнений по определенным аспектам общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни общества, что позволяет студентам в ходе диалогов и дискуссий находить ответы на множество актуальных вопросов. Вклад преподавателя в процесс формирования мировоззрения обучающихся через образовательный процесс определяется его педагогическим мастерством в отношении выстраивания доверительных отношений со студентами и проведения лекций и семинаров. Внимательный подход к работе со студентами — неотъемлемая компетенция преподавателя высшей школы. Таким образом, одна из технологий — влияние преподавательского состава и выработка дополнительных компетенций по работе с разными студентами.

Мы подразделяем обучающихся на следующие группы: с протестным потенциалом; воспринимающих и транслирующих прогосударственную повестку; с нейтральными взглядами. Следует говорить о необходимости применения метода рационально организованного коллектива, инструментом реализации которого должна стать трансляция ценностей через лидеров группы и старост (с которыми должна быть проведена предварительная образовательная работа).

В Финансовом университете существует крайне результативная практика обсуждения актуальной повестки, нацеленная на коррекцию мировоззренческой надстройки и не способствующая развитию у студента деструктивных мировоззренческих позиций. Следует упомянуть о том, что большее влияние на мировоззрение студентов оказывается на определенных направлениях подготовки специалистов, которые в силу своей профессии обязаны обладать широким кругозором, четко следовать определенным принципам и иметь верные жизненные установки. Примером может служить

совокупность методов, реализуемых на факультете социальных наук и массовых коммуникаций, в особенности — на направлении «политология», где проводится правильная работа со студентами в рамках обозреваемой в данной статье темы.

Увеличение публикационной активности в студенческой среде также будет способствовать формированию ценностных установок через анализ достоверных источников, работ авторитетных авторов — посредством экстраполяции полученных в ходе исследований знаний в общественно-политическую плоскость. Достижению этого будет способствовать упрочение связей между студенческим сообществом и профессорско-преподавательским составом.

ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА

Направления данного вида работы в Финансовом университете включают: культурные и спортивные мероприятия, студенческие организации самоуправления, исследовательскую внеучебную деятельность.

Первый тип культурных мероприятий — те, что направлены на развитие творческих навыков студентов: вокальных, инструментальных, театральных, хореографических и т.п. Все это широко представлено в Финансовом университете. Второй тип — периодически организуемые литературные вечера, походы в музеи и т.п. с представителями профессорско-преподавательского состава.

Одним из основополагающих элементов образовательно-воспитательной системы высшего образования являются студенческие объединения, нацеленные на выработку и развитие профессиональных навыков и знаний и достигающие большой эффективности в формировании мировоззрения молодых людей за счет внутригруппового диалога — объективного и непредвзятого, не имеющего цели повлиять на их установки извне, не вызывающего отторжения. Здесь важным является курирование студенческих объединений профессорско-преподавательским составом.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СТУДЕНТОВ

Финансовый университет реализует ряд программ. Так, при Управлении социальной работы организована служба психологической помощи и поддержки студентам, аспирантам и работникам университета для решения проблем, связанных с депрессией, потерей мотивации, лидерством, психологической напряженностью и т.п. Это важно для формирования и сохранения конструктивных мировоззренческих

установок в периоды тяжелого эмоционально-психологического состояния.

Также стоит отметить и другие направления социальной работы Финансового университета, включающие: стипендиальные выплаты, периодическую и разовую материальную поддержку социально незащищенных студентов, оздоровительные программы для льготных категорий обучающихся первых и вторых курсов в УОК «Лесное озеро», участие в льготной программе РЖД, пособия по беременности и родам. Студентам, обучающимся на коммерческой основе, предоставляется возможность получить скидку и перевестись на «бюджет» по итогам отличной успеваемости, что выступает стимулом к усердной учебе.

Качественная реализация социальной политики способствует формированию доброжелательного отношения студентов к университету.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Онлайн-пространство Финансового университета располагается в рамках сообщества VK, интернет-сайта университета, Telegram-канала, YouTube-канала ФНТВ и т.д. В этом контексте взаимодействие в цифровом пространстве со студенческим сообществом осуществляется в виде информационной поддержки студенческих объединений и проектов внеаудиторной работы, освещения новостей Финансового университета; проведения онлайн-конференций и лекций, интервью и программ ФНТВ («Профессорский клуб»; «Экономика будущего»; «Фестиваль научного кино»; «Летние лекции»; «Бизнес-инкубатор»; «Подкасты» и др.).

Важно выделить серию вебинаров в рамках мероприятия «Мудрецы онлайн» с участием ведущих сотрудников Финансового университета и приглашенных экспертов: А.Б. Шатилова, К.В. Симонова, С.Ю. Белоконова, Е.В. Бродовской, В.Ш. Каганова, А.О. Безрукова, А.В. Иванченко и др., в рамках которых затрагивались вопросы политического и социального характера, а также экономического развития России.

ВЫВОДЫ

В Финансовом университете при Правительстве РФ существует инновационная система формирования мировоззрения студентов, основанная на принципах гармоничного воспитания личности, направленная на создание доброжелательной атмосферы между студентами и сотрудниками университета, уважительное отношение к государству и его истории, выстраивание конструктивного диалога на

актуальные темы, осмысление важности культурных и духовных ценностей, соблюдение профессиональной этики, и предполагающая разносторонний взгляд на вопросы, стоящие перед обществом. Кроме того, университет опирается на важность инноваций в системе общественных отношений, что отмечено в его девизе: «Помним прошлое, строим будущее». Система формирования ценностей в Финансовом университете отражает разные точки зрения на вопросы философии, истории, права и других дисциплин, что, в свою очередь, способствует развитию правильного мировоззрения.

К технологическому сопровождению реализации системы формирования мировоззрения относятся: конструирование рабочих программ преподаваемых дисциплин с опорой на ценностные ориентиры; введение общеобязательного изучения политологии для всех направлений подготовки специалистов; усиление роли преподавательского состава и выработка дополнительных компетенций по работе с разными группами студентов; создание рационально организованного коллектива при помощи

внутригрупповых лидеров; курирование работы студенческих объединений профессорско-преподавательским составом; организация культурных мероприятий членами профессорско-преподавательского состава; наличие службы психологической помощи и других программ социальной поддержки; проведение дискуссионных и прочих образовательных онлайн-передач на актуальные темы с привлечением экспертного сообщества; организация массовых мероприятий, в том числе отражающих культурную идентичность России.

Применение совокупности технологий формирования мировоззрения усиливает восприятие студентами тех ценностей, которые преподносятся им в период обучения, что способствует минимизации внешнего деструктивного влияния. В завершение отметим, что обязательным принципом в системе формирования мировоззрения должна стать ориентация на долгосрочную перспективу. Опыт Финансового университета может использоваться другими образовательными организациями высшего образования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта FZNF-2022-0012 — Международный исторический опыт формирования мировоззрения в системе высшего образования при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

ACKNOWLEDGMENT

The research was carried out at GAUGN within the project FZNF-2022-0012 — “International historical experience of building mindsets through higher education systems” supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильева Т.В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов. *Вестник КемГУ*. 2014;2(58):87–90.
2. Новожилова Т.Н. Формирование ценностных ориентаций студентов вуза культуры в контексте их профессиональной подготовки. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2021;1(40):122–132.
3. Кононова Т.М., Горева О.М., Ситева С.С. Система высшего образования как сфера формирования ценностных ориентаций молодежи. *Современные проблемы науки и образования*. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21398>
4. Бабаян Г.К., Егорычева Е.В. Влияние физической культуры на формирование личности. *Международный студенческий научный вестник*. 2015;(5–3):444–445.
5. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Влияние обучения в вузе на изменение ценностных ориентаций обучающихся. *Высшее образование в России*. 2021;(4):99–111.
6. Леденева В.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022;(3):295–304.
7. Пономарева Е.Ю. Ценностные ориентации в структуре индивидуальности обучающихся высшей школы. *Гуманитарные науки*. 2022;2(58):149–152.
8. Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):142–150.

9. Шатилов А.Б. Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):17–21.

REFERENCES

1. Vasilyeva T.V. The problem of formation of value orientations of students. *Vestnik KemGU = Bulletin of the KemGU*. 2014;2(58):87–90. (In Russ.).
2. Novozhilova T.N. Formation of value orientations of students of the university of culture in the context of their professional training. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv = Culture and education: a scientific and informational journal of universities of culture and arts*. 2021;1(40):122–132. (In Russ.).
3. Kononova T.M., Goreva O.M., Siteva S.S. The system of higher education as a sphere for the formation of value orientations of youth. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21398> (In Russ.).
4. Babayan G.K., Egorycheva E.V. Influence of physical culture on personality formation. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik = International Student Scientific Bulletin*. 2015;(5–3): 444–445. (In Russ.).
5. Puzanova Zh.V., Larina T.I. Influence of education at the university on the change in the value orientations of students. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;(4):99–111. (In Russ.).
6. Ledeneva V. Yu. Transformation of value orientations of student youth in the conditions of digital reality. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships*. 2022;(3):295–304. (In Russ.).
7. Ponomareva E. Yu. Value orientations in the structure of the individuality of students of higher education. *Gumanitarnye nauki = Humanitarian sciences*. 2022;2(58):149–152. (In Russ.).
8. Kudrina Yu.A., Pechenkin N.M., Kosareva A.A. Political Participation of Youth in the State Duma Elections in 2021: Value Attitudes, Electoral Preferences and Political Behaviour. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):142–150. (In Russ.).
9. Shatilov A.B. The Infantilism of Modern Society and the Problem of Electoral Age: A Rational View. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):17–21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Николай Михайлович Печенкин — лаборант Государственного академического университета гуманитарных наук; научный сотрудник и преподаватель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Nikolai M. Pechenkin — Laboratory Assistant at the State Academic University of Humanities, Researcher and Lecturer at the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>

Автор для корреспонденции / Corresponding Author:

nick_pechyonkin@mail.ru

Кирилл Романович Самыловских — лаборант Государственного академического университета гуманитарных наук; бакалавр факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Kirill R. Samylovskikh — Laboratory Assistant at the State Academic University of Humanities, Bachelor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4157-6615>

K.Samylovskikh@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.02.2023; принята к публикации 28.07.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.02.2023; accepted for publication on 28.07.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

«Япония должна быть связана с Россией»: интервью с независимыми японскими экспертами / “Japan must be connected with Russia”: Interviews with Independent Japanese Experts

Японское правительство объявило о планах по изменению оборонной стратегии: передислокации и увеличению в три раза сил подразделений самообороны Японии, оснащенных системами ПРО, а также об уменьшении зависимости от США, на которые после войны Япония полагается в вопросах национальной безопасности согласно Договору о взаимодействии. На оборонные расходы будет выделено 6,82 трлн японских йен из 114,38 в бюджете 2023 финансового года¹ и 43 трлн йен (318 млрд долл.) в течение последующих пяти лет.

Это нарушит негласное правило послевоенной Японии: не тратить на оборону более 1% ВВП², а также заставит повысить налоги, за счет которых будут на четверть компенсированы данные расходы.

Необходимость таких беспрецедентных мер уже в 2022 г. была объяснена общественности «войной на Украине, китайской военной активностью в морях и небе вокруг Тайваня и испытаниями ядерного оружия Северной Кореей как наиважнейшими факторами влияния на перспективы национальной безопасности»³.

Несмотря на открытую милитаризацию, Япония продолжает заявлять о себе как о миролюбивом государстве, много сделавшем для стабильности в АТР и для так называемого «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [Free and Open Indo-Pacific (FOIP)], укрепляющем имидж Японии за границей и связи с соотечественниками и их потомками за рубежом, но считает, что в ситуации, когда международное сообщество сталкивается с переломными изменениями и вызовами, необходимо перейти к новой парадигме внешней политики⁴.

В новую парадигму, судя по содержанию встреч действующего премьер-министра Фу-

мио Кисида с американскими партнерами по G7, где Япония председательствует в 2023 г., входит укрепление билатеральных соглашений со странами западного меньшинства и блоков антикитайской и антироссийской направленности.

Выстраивание же отношений внутри сообщества азиатских государств, которое становится центром нового мирового порядка, аккумулируя большинство мировых ресурсов, — задача, которая решается Японией с меньшим энтузиазмом и почти без успеха.

Для Южной Кореи Япония — агрессор и колонизатор, и такие обвинения продолжаются⁵, несмотря на некоторое оживление комплиментарной официальной корейской риторики⁶.

Северная Корея тренируется «над головами» японцев в использовании межконтинентальных баллистических ракет. На что японское правительство отвечает готовностью усовершенствовать действующую на территории всей страны систему раннего предупреждения о чрезвычайных ситуациях J-ALERT для оповещения населения о запусках ракет.

КНР имеет к Японии целый ряд «трудных» вопросов, среди которых территориальный — вокруг Сэнкаку, концептуальный — по поводу Тайваня, а также торговый — в связи с последствиями аварии на Фукусиме. Попытки сдерживать настойчивое желание Китая прояснить данные вопросы предпринимаются Японией в диалогах в рамках QUAD⁷ и с другими партнерами, большинство из которых в той же степени, что и Япония, зависят от США. Иных инструментов сдерживания Китая японское политическое руководство не имеет, ограничиваясь регулярными выражениями Китаю «серьезной озабоченности» по поводу его во-

¹ URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/02/c61411e2f722-japan-lower-house-oks-record-114-tril-yen-budget-for-fy-2023.html>

² Стрельцов Д. В. Мэверик японской политики эпохи холодной войны (к 100-летию со дня рождения накасонэ ясухиро). Ежегодник Японии. 2018;(47):9–28.

³ URL: <https://orcasia.org/2022/08/japan-security-policy/>

⁴ Diplomatic Bluebook 2022. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100387219.pdf>

⁵ URL: api-esp-ap.piano.io/-c/14/72/6245/9383364/126380/26a9d4cf179b92543fc7d772c92ee14a/70/43341474?attrs=0&order=2

⁶ URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/03/3d039138feed-s-koreas-yoon-says-japan-changed-from-aggressor-to-partner.html>

⁷ Стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе

енной активности (в том числе совместной с Россией) рядом с Японией⁸.

Эффективность данных способов обещанной правительством «защиты японского населения» крайне сомнительна: не понятно, как защитит более раннее понимание, что Северная Корея запустила очередную ракету. 91 объект американской военной инфраструктуры, расположенный на японских островах (75% из них — только на одном из них — Окинава), может поставить японцев под удар в возможном конфликте США с Китаем по поводу Тайваня.

В таком контексте довольно сложных взаимоотношений с соседями по Азиатскому континенту в феврале 2022 г. японское правительство поддержало усилия США по эскалации конфликта на Украине и санкционному давлению на Россию, спровоцировав полный разрыв японско-российского диалога. Так, например, 21 марта 2022 г. российское правительство вышло из обсуждения мирного договора о предоставлении облегченного режима посещения южных Курильских островов для японцев⁹. Фумио Кисида 7 февраля 2023 г. на ежегодном Общенациональном митинге за возвращение северных территорий выразил сожаление по поводу отсутствия мирного договора и решимость добиваться возвращения всех четырех островов или, для начала, уже апробированного «безвиза»¹⁰. Но Россия не видит возможности для возобновления внешнеполитического диалога с Японией.

Сближение и взаимодействие с Россией долгое время понималось как важнейшая задача японской дипломатии («азиатский поворот»). Но теперь можно говорить об убийстве не только Абэ Синдзо, но и связанной с ним политики разумного баланса и учета взаимных национальных интересов в отношениях Японии с Россией.

Заинтересованность к возвращению такой политики и нормализации японско-российского диалога не является предметом официально-

го дискурса. Тем не менее опасения по поводу разрыва связей с Россией обсуждаются теми немногочисленными специалистами, которые решились противопоставить свое мнение официальному. Они ведут в интернете наступательную информационную войну, отвоевывая у мейнстрима победу над здравым смыслом, одержанную им в начале украинского конфликта при помощи видеоматериалов, изобразивших Россию для всего западного мира как иррационального агрессора. Благодаря этой ежедневной битве за умы и совесть рядовых японцев существуют перспективы нормализации японско-российских отношений.

Вторым инструментом нормализации японско-российских отношений является торгово-экономическое сотрудничество. Нет японских компаний, работающих в России, которые бы уже с марта 2022 г. ни испытывали сильнейшее внешнее и внутреннее давление: опасение репутационных рисков на фоне призывов со стороны японского правительства к социальной ответственности, усложнение логистики и увеличение расходов и пр. Тем не менее бизнес прагматичен и понимает риски ухода в виде замещения освободившихся ниш китайскими или южнокорейскими компаниями. Отчасти поэтому большинство японских компаний остается в России, сохраняя штаты российских сотрудников, а также уважение и доверие партнеров, с которыми они выстраивали отношения в течение десятилетий¹¹.

В предлагаемой читателю беседе, которая проходила в Токио, приняли участие два японских эксперта, выражающих мнение меньшинства, продолжающего работать с Россией и в России в целях сохранения японско-российского партнерства — политический обозреватель, аналитик и влиятельный ютубер **Юсихиса Оикава** (ЮО) и президент японской корпорации «Токио Бозки Евразия» **Кэйдзи Такигава** (КТ).

ГНТ: Почему начался украинский конфликт, на Ваш взгляд?

ЮО: Сначала надо определить, когда он начался. 24 февраля 2022 г. можно считать стартом? Или конфликт начался раньше? От ответа на этот вопрос зависит понимание происходящего. Я внимательно наблюдал за событиями на Украине в 2014 г. — с Крыма и даже раньше,

⁸ Japan, China agree to hold talks “at all levels” to improve ties. KYODO NEWS. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/02/a2d470509f32-breaking-news-foreign-ministers-of-japan-china-hold-phone-talks-source.html>

⁹ Заявление Министерства иностранных дел России «Об ответных мерах на решения Правительства Японии». URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/

¹⁰ Japan raps Russia’s ‘illegal occupation’ of disputed islets in rally. KYODO NEWS. Feb 7, 2023. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2023/02/ce107e6fb50d-japan-raps-russias-illegal-occupation-of-disputed-islets-in-rally.html>

¹¹ Японский бизнес в России: уход отменяется. URL: <https://inosmi.ru/20220623/rossiya-254642708.html>

когда начался Майдан. Понятно, что до 2022 г. в течение 8 лет на Донбассе шли военные действия. Я видел, что украинская армия убивает украинцев. Это было похоже на геноцид и являлось, по сути, геноцидом. Чтобы это остановить, предпринимались дипломатические усилия, постоянно шли переговоры. Принимались Минские соглашения, но Украина их сразу нарушила. В конце концов, Президент Путин 24 февраля 2022 г. начал специальную военную операцию. То есть старт сегодняшней ситуации был дал не в 2022 г., а, как минимум, в 2014 г. и даже раньше — с «Оранжевой революции» в 2004–2005 гг. Именно тогда началось то, что мы имеем сейчас. Далее надо понять, кто за этим стоит. Есть честно разбираться в ситуации, то понятно, что конфликт создан американским правительством. Но здесь важно уточнить, что, на мой взгляд, есть разные группы в Америке и разные «Америки». То, что мы имеем сейчас, начали неоконсерваторы, которым нравятся войны, и они их разжигают по всему миру. Вот сейчас выбрали этот регион.

ГНТ: Входит ли Япония в эти «разные Америки» и неоконсервативные проекты американских элит? Как союзник Япония поддерживает Америку и западные страны. При этом — является ли она западной или восточной страной — это отдельный интересный вопрос, касающийся японской идентичности. Но, например, и в 2004–2005 гг., и в 2014 г. Япония придерживалась своей позиции, предпочитая не давать собственную оценку действиям России, не поддерживать санкции, не разрушать отношения, а продолжать их, несмотря на давление. В 2022 г. все изменилось — пока продолжается работа над проектом «Сахалин-2», но Япония решила разорвать все, что связывало ее с Россией. Почему такая внезапная перемена?

ЮО: Это зависит от текущего политического лидерства в лице нынешнего японского премьер-министра.

ГНТ: Если бы лидером был Синдзо Абэ, такого не могло случиться, так?

ЮО: Конечно. Синдзо Абэ, когда он был премьер-министром, очень дорожил отношениями с Россией. И это было правильно, на мой взгляд. Безусловно, отношения с Америкой он сохранял, но считал важными и отношения с Россией. Умеющих удерживать такой баланс японских лидеров почти нет, в прошлом их было

несколько, и Синдзо Абэ — среди них. Вы упомянули позицию Японии в 2014 г. Синдзо Абэ тогда оказался в очень сложном положении: возникла украинская ситуация, и Обама собирался ввести санкции против России. Япония не хотела их поддерживать. Это было во время заключения мирного договора, и тут поддержка санкций была бы очень некстати, но давление правительства Обамы было огромным.

ГНТ: То есть политическое лидерство очень важно, так? Но Фумио Кисида входил в команду Синдзо Абэ, был министром иностранных дел — участвовал во встречах с российской стороной, поддерживал взгляды Синдзо Абэ и разделял его позицию.

ЮО: Да, но правление Синдзо Абэ отличалось тем, что сила была только у него, ни у кого в его команде ее не было. Талант Синдзо Абэ проявлялся в международных делах и в национальной безопасности. В экономике он был слаб. «Абэномика» (экономическая реформа Синдзо Абэ) была не так плоха. Но она была придумана не им — до того, как стать премьер-министром, он выслушал мнения разных специалистов и их собрал вместе — и это привело к успеху. Но все-таки он был силен в международных отношениях. Синдзо Абэ сам давал указания чиновникам в министерстве иностранных дел, а министр ничего не делал.

ГНТ: То есть можно сделать вывод о том, что у российско-японских отношений почти нет будущего, если не поменяется лидер страны, так?

ЮО: Да, пока Фумио Кисида — премьер-министр, нет никакого будущего не только для японско-российских отношений, но и для самих японцев. Экономика становится все хуже и хуже.

КТ: Сегодняшним результатом украинского конфликта является то, что не только у российско-японских, но у российско-европейских отношений на ближайшие двадцать лет нет перспектив. Не только страны ЕС, но и Великобритания испытывает проблемы. Британская экономика в критическом состоянии. Возникает вопрос: такого ли результата хотело добиться американское правительство?

ЮО: Я не член американского правительства и не могу ответить на этот вопрос с уверенностью. Но могу сказать, что правительство Байдена, американское либеральное правительство, в данном случае ошиблось. Все страны Европы имеют проблемы в результате развязанного украинского конфликта. Поэтому многие запад-

ные лидеры вынужденно сохраняют отношения с Америкой, но стараются найти какие-то связи с Россией. Среди всех западных стран единственный лидер, который вообще ни о чем не думает — это Фумио Кисида.

КТ: Возвращаясь к вопросу о причинах украинского конфликта и об американских неоконсерваторах, которые как одна из политических групп разжигают войны по всему миру, — почему они выбрали Украину? В мире много конфликтных точек, почему именно в это время именно таким образом понадобилось разжигать конфликт именно на Украине?

ЮО: Я с 2017 г. веду свой канал в YouTube. И все время искал ответ на этот вопрос. Свой вывод я изложил и в последней книге, вышедшей в конце 2022 г.: целью стратегических планов Америки всегда была не Украина, а Россия, которую они хотят разрушить, разделив на несколько мелких государств, подконтрольных Америке, с возможностью использовать российские природные ресурсы. Но реальность помешала этим планам — Германия начала сближение с Россией. Если бы в 2021 г. Германия одобрила запуск «Северного потока — 2», все европейские страны при помощи энергетического сотрудничества сблизилась бы с Россией. В этой ситуации проблемы возникли бы только у Америки. Германия и Россия вместе представляют силу, которой нет равных в мире с точки зрения экономического и военного потенциала, поэтому Америка никак не могла допустить сотрудничество Германии и России. Разрушить «Северный поток» и в это время разжечь конфликт — другого решения у Америки, на мой взгляд, не было. И думаю, что украинских нацистов она начала готовить к такой роли в 2014 г. и даже раньше — с 1991 г. Тактика неоконсерваторов везде одинакова — вторжение в страну и изменение режима. Для этой цели украинские нацисты очень удобны.

КТ: По мнению японцев, присутствие на Украине нацистов — это предлог, которым пользуется Россия для оправдания своей операции. Обычным японцам Украину в медиа представили как очень миролюбивую, демократичную европейскую страну. Так как я занимался бизнесом на Украине и много раз бывал там, я видел совершенно другую страну. В 2015 г. я жил там и наблюдал из окон гостиницы в самом центре, откуда, кстати, никому не рекомендовали выходить, вооруженные столкновения на Майдане — это была довольно страшная картина. Видел уро-

вень коррупции, который гораздо выше российского, на мой взгляд. В 2017 г. я в последний раз приехал на Украину и чувствовал себя там как в России 90-х. Конечно, Россия 90-х, в которой проживало более 100 национальностей, после распада СССР сталкивалась с сепаратистскими движениями, но смогла объединиться. Украина не справилась с задачей создания нации и объединения страны — там возникли националистические движения, продолжались столкновения на этой почве, появились радикальные националисты. Я понимаю, что существуют разные мнения о том, можно ли называть нацистами или, точнее, националистами радикалов на Украине, но часть из них использует символы и лозунги нацистов, поэтому их движение можно называть неонацистским. В любом случае активность этих радикалов возрастала и то, что правительство не смогло поставить их под контроль, — это признак его слабости.

ГНТ: То есть возвращаемся опять к теме политического лидерства. Вы оба утверждаете, что слабый лидер — причина конфликта. Но, оставив слабых политических лидеров в стороне и согласившись с тем, что при Фумио Кисида в качестве премьер-министра ничего хорошего с японско-российскими отношениями не будет, давайте поговорим о других силах. Может быть, деятельность в сетях и в экономике способна стать инструментом с точки зрения будущего японско-российских отношений? Можно ли рассчитывать на изменение общественного мнения японцев в результате вашей работы в интернете?

ЮО: Мнение уже меняется. Год назад японцы в целом думали, что Россия виновата, а Украине надо помогать. Я говорил обратное еще до того, как начался военный конфликт. И в моем канале была сплошная критика в мой адрес. Обычно во время программы приходит примерно 800 комментариев, а с момента начала украинского конфликта — 2500. Сначала в основном звучала критика: «Почему Вы не поддерживаете Украину? Вы говорите странные вещи» и т.д. А сейчас часто пишут: «Я думал, что Россия не права, но, слушая Ваши передачи, узнал правду». И количество таких комментариев растет.

ГНТ: Это как раз то, что вселяет надежду, не так ли?

ЮО: Да, конечно. Год назад несколько человек говорили то же, что и я. И нас называли

«очень плохими аналитиками». Но сейчас я стал «хорошим».

ГНТ: Почему поменялось отношение? Не потому ли, что ситуация в конфликте изменилась? Если бы Россия проигрывала, японцы продолжали бы громко поддерживать Украину и обвинять Россию. Но сейчас несколько поменялась обстановка, не правда ли?

ЮО: Нет, японцы ничего не знают о текущем состоянии конфликта, эта информация до них не доводится. «Зеленский плохой лидер» — это сейчас является довольно распространенным мнением. Японцы видят, как он ездит к разным западным лидерам с целым списком требований. Его передвижения и высказывания произвели очень негативное впечатление.

ГНТ: А где им это объясняют? Если смотреть японские медиа, все копируют CNN. Американцы могут смотреть, допустим, Fox News. Но в Японии нет Fox News.

ЮО: Да, японцам не известен Fox News. Но среди них появляются люди, на которых активность Зеленского производит плохое впечатление, и они начинают самостоятельно делать выводы. Кроме того — это результат активности в соцсетях, включая мою работу: мнение, звучащее в интернете, заставляет японцев задумываться и сомневаться, так как информация в сетях изменилась.

ГНТ: И сколько сейчас таких членов группы «плохих аналитиков», которые, как и Вы, предлагают альтернативную версию и факты?

ЮО: Сначала было три человека: Муцуо Мабути (посол Японии на Украине и в Молдавии в 2005–2008 гг.), нон-фикшн писатель Кейко Кавасоэ и я. Мы все говорили примерно одинаковые вещи. Существовало еще несколько, но их почти не было слышно, они не вели каналов.

КТ: А Сакаи Танака?

ЮО: Он только блог ведет, поэтому его мало знают.

ГНТ: Сейчас важна визуализация, надо «показать лицо». Доверие возникает, когда человек говорит умно и выглядит так же. Хорошо, год назад вас было трое. А сейчас, например, сколько?

ЮО: Сейчас много, даже не могу посчитать, запомнить все имена. Точно — в десять раз больше. Все молодые. Потому что японские консерваторы, главным образом, пожилые люди — за 70, они не могут поменять свое мнение.

ГНТ: Это те университетские профессора, выступающие по телевизору по поводу украинского конфликта, слушая которых я всегда удивляюсь их экспертному уровню и предвзятости.

ЮО: А других не пускают на телевидение. Приглашают только тех, кто скажет то, что надо. У них нет своей позиции, они просто говорят то, что от них ждут. Японские консерваторы отличаются от других. На мой взгляд, их нельзя назвать настоящими консерваторами: они какие-то странные. Например, говорят, что CNN лжет. Критикуют Байдена и утверждают, что либералы не правы и левые не правы. Но почему-то касательно украинского конфликта разом поменяли свое мнение и согласились, что американские неоконны в этом вопросе не правы. Все, кто смотрит интернет, удивились такому единодушию. К слову, по поводу вакцинации было много критики, но по поводу Украины — единодушная поддержка. Думаю, это только в Японии такая ситуация.

КТ: В то же время среди части японцев существует устоявшееся восприятие России как агрессивного государства, которое отправило японских военнопленных в сибирские лагеря, нарушило условия японско-российского договора о ненападении в 1945 г. Рисуемый сегодня имидж России как агрессивной страны им, возможно, созвучен.

ЮО: Есть такие настроения. Но что меня удивляет — таких высказываний не было при Синдзо Абэ. Тогда все говорили хвалебные слова о России и Путине.

ГНТ: Более того, среди японской молодежи наблюдался рост симпатий к России, процентов 30 думали о ней позитивно. То есть опять причина в текущем политическом лидерстве. Но, помимо этого, есть странность и в освещении текущего украинского конфликта, как Вы говорите: даже те, кто критиковал Байдена решили, что он прав относительно Украины.

ЮО: Да, и тут я вижу серьезнейшую проблему, как японец. Что является проблемой сегодняшних японцев — это неумение думать самостоятельно. Они верят тому, что говорит кто-то, например правительство, медиа, начальник.

ГНТ: Так это зона комфорта. Думать самостоятельно — опасно.

ЮО: Конечно. Можно не продвигаться в карьере, стать изгоем в коллективе, с тобой не

захотят общаться. Год назад я был таким изгоем в сообществе авторов соцсетей. Сейчас героем не стал, но перестал быть плохим.

КТ: По мере того, как увеличивается количество информации, все больше людей замечают несоответствия в ее потоке и начинают задумываться о том, что им предлагают странную картину происходящего.

ЮО: Конечно. Вот сейчас вопросы и сомнения возникли, потому что Зеленский постоянно в разных странах просит оружие и деньги и переусердствовал с этим.

КТ: Это также касается того, как медиа освещают борьбу с коррупцией на Украине. То, что сейчас на Украине она есть, всем известно, и японские медиа начали говорить об этом открыто, потому что скрывать это дальше невозможно. Но они намеренно комментируют факты коррупции в украинском правительстве в контексте героизма Зеленского, который борется с ней на государственном уровне. При этом те люди, которые постоянно следят за информационным полем, знают про обвинения Зеленского в личной коррумпированности. Но эти факты больше не обнародуются. А если и говорят об этом, то называют причину: дурное влияние России, из-под которого Украина вышла и начала бороться с коррупцией. Далее рассказывают про Зеленского, который пришел победить коррупцию. Констатируют, что пока ему это не удалось, опять же — из-за дурного влияния России в течение долгих лет совместной экономической деятельности, основанной на коррупции. Но такие факты, как рейтинг коррумпированности страны, который за годы президентства Зеленского снижается, замалчиваются. На самом деле Украина в 2018 г. была на 120-м месте в рейтинге наименее коррумпированных стран, и в 2021 г. опустилась на 122. Исходя из этого, можно сделать вывод, что приход Зеленского в 2019 г., который, идя на выборы, обещал расправиться с коррупцией, ситуацию только ухудшил: столько лет борется с Россией, но коррупцию как результат российского влияния победить не может. Такие очевидные выводы японские медиа не делают и скрывают факты.

ЮО: Верно. Но что бы ни утверждали японские медиа, их влияние на общество практически отсутствует. Никто не смотрит телевизор и не читает газет.

ГНТ: А Yomiuri — самую высокотиражную газету в мире?

ЮО: Никто ее не читает. Ее массово печатают и массово раздают — это японская традиция. У телевидения тоже низкий рейтинг популярности. Телевизионные программы выживают за счет рекламы, верно? Сейчас японские производители не вкладываются в телевизионную рекламу, потому что мало телезрителей. Вся реклама — в сети.

ГНТ: Тогда откуда японцы взяли информацию, что Россия виновата?

ЮО: Когда конфликт только начался, телевидение очень повлияло, показав видеосюжеты.

КТ: Для японцев, которые привыкли к миру, новость о том, что где-то начались военные действия, и видео, которые им показывали, были огромным шоком. Тот, кто начал — а японские медиа объяснили, что это Россия — оказался виноватым.

ГНТ: Но до этого был Афганистан. Трагедия, массовые жертвы, не правда ли? Но японцы по этому поводу не волновались и этим не интересовались. Почему тогда Украина, значительно более далекая от Японии, вызвала такой резонанс?

ЮО: Совершенно верно. И это удивительно. Афганские события вообще не освещались в японских медиа, а украинским уделяется огромное внимание. Более того, к Афганистану и Средней Азии в целом японцы не испытывают никакого интереса.

ГНТ: Вы из Азии?

ЮО: Японцы не думают о себе, как об азиатах. В европейских странах люди считают, что они европейцы. Возможно, у жителей других стран Азии есть представление, что они азиаты.

ГНТ: Есть. И гордость по этому поводу есть.

ЮО: А у японцев нет. Японцы сами по себе. Японцы — это японцы.

ГНТ: Значит, японцы «иные»? Это трудный выбор? Меняется мировой порядок, Азия становится его центром, здесь живет большинство людей. Не в Европе, не в США, а в Азии, где находится Япония. Японцы раздумывают о своем месте в этом новом мировом порядке?

ЮО: Современные японцы думали об этом раньше, а теперь они думают только о себе. Даже о своей стране размышляют, а уж об Азии — тем более. Здесь я, как японец, вижу большую проблему будущего Японии и ее выживаемости. В мире, в Азии, частью которой Япония, несомненно, является, она ощущает себя отдельным элементом. Это опасное самоощущение.

ГНТ: А как получилось, что раньше задумывались о месте Японии в мире, а сейчас нет. Это намеренная работа над идентичностью? Америка «помогла» создать такую идентичность?

ЮО: Да. Но это также последствия социализма. Япония во всех отношениях — социалистическая страна. Для ее жителей важны только собственные интересы. При этом есть уверенность, что можно не работать, так как правительство даст денег. Вот в этом направлении развивается японское общество. Для социализма самые нежелательные элементы — это страна, религия, национальная история. Для современного японца японская история не важна, религию он не любит, правительству не верит. Такое общество в современной Японии.

ГНТ: Но Япония в этом отношении не одинока. Развитые западные страны такие же. Швеция, допустим, тоже соцстрана. Япония, правда, имеет более уязвимое географическое положение. В отличие от Швеции, рядом с которой есть другие европейские страны, Япония — островное государство в Азии. Не лучше ли ей «уточнить» в этой ситуации азиатский компонент в своей идентичности? Географическое положение обязывает о нем задуматься, прояснить ответственность и роль в мировом сообществе. Что будет с Японией в случае тайваньского конфликта, например, не очень понятно.

ЮО: Верно. Но несмотря на это, японцев не интересует Тайвань.

КТ: Это может быть такой тенденцией, при которой людям свойственно, живя в благополучной богатой стране, терять интерес к окружающему миру, или же результатом образования.

ЮО: Из системы образования и воспитания «вынули» важнейшие компоненты, такие как история страны, мораль, религия. Таких уроков в школе больше нет, а ведь это основы формирования национального сознания. Детей воспитывают в понимании того, что, если есть деньги, все будет хорошо.

КТ: Безусловно, общество стало потребительским. Как Вы думаете, это произошло потому, что до войны была чересчур строгая система образования, в которую, возможно, в чрезмерном объеме были инкорпорированы эти элементы?

ЮО: Многие думают, что довоенная система была чересчур строгой, поэтому ее потом

реформировали. Но, на мой взгляд, и до войны система образования была плохой. Вот Путин, который уже в 2000 г. поставил вопрос о необходимости возрождения православия и наладил успешное взаимодействие с РПЦ, сделал правильный выбор.

ГНТ: Итак, понятно, что в деле нормализации японско-российских отношений полагаться на лидеров мы не можем.

ЮО: Пока не уйдет Фумио Кисида, не можем.

ГНТ: Но он скоро поменяется.

ЮО: В этом году.

ГНТ: Но даже если поменяется, особо надеяться не на кого. Второго Синдзо Абэ мы не найдем.

ЮО: Не найдем.

ГНТ: Значит, оставив надежды на элиты, можно надеяться на массы? Мы констатировали, что общественное мнение меняется, японцы начинают сомневаться, задавать вопросы. Японского обывателя раздражает мелькание Зеленского и длинные списки того, что он просит у лидеров разных западных стран. Из-за этого происходит эскалация конфликта, люди погибают. Японцы это видят и делают выводы. Интернет доносит эти факты, его влияние растет. То есть с общественным мнением можно работать через сети, как делаете Вы? Сколько лет понадобится, чтобы вернуть нормальность в наши отношения?

ЮО: В первую очередь надо заканчивать военные действия.

ГНТ: Важная мысль, согласна.

ЮО: А потом Япония посмотрит, как западные страны начнут выстраивать отношения с Россией в новой реальности.

ГНТ: Опять будет смотреть на Запад? Мы же разобрались, что Япония сама по себе. Надо ли копировать Запад или можно выработать свой путь?

ЮО: Пока в Японии такое политическое лидерство, она не примет самостоятельного решения.

ГНТ: А экономика? Между Россией и Японией все еще существуют экономические связи. Можно ли надеяться на экономическую дипломатию?

КТ: Западные страны, точнее, США, стремятся отделить российскую экономику от западной, изолировать Россию, создать для нее проблемы, прекратить в России бизнес-активность. Это

искреннее желание Америки, думаю, но оно невыполнимо. В Москве, например, есть продукция почти всех западных производителей и американских в том числе. Без российских природных ресурсов мировую экономику развивать очень трудно. Бизнес находит и будет находить возможность продолжать взаимодействие с Россией.

ГНТ: То есть, помимо работы соцсетей, можно надеяться на экономические связи и бизнес-дипломатию?

ЮО: Точно. Уже ясно, что без России развитие мировой экономики невозможно. Это все в бизнесе понимают. Возражают только некоторые политики. Но так как им принадлежит власть, часть экономики зависит от их решений и должна делать вид, что она им подчиняется. Вот когда война закончится, когда правительство Байдена уйдет...

ГНТ: Так это уже в следующем году. И Фумио Кисида тоже к тому времени уйдет. Но мы обсудили, что на лидеров рассчитывать нельзя. А японско-российские отношения

надо налаживать.

ЮО: Да, обязательно. Девиз моих программ на эту тему — Япония должна быть связана с Россией. В моей книге об этом написано. Япония и Россия должны вернуться к вопросу о Мирном договоре.

ГНТ: Да, я читала Вашу книгу. Но Россия в марте 2022 г. сказала Японии, что не вернется за стол переговоров.

ЮО: Это Фумио Кисида виноват.

ГНТ: Опять Фумио Кисида во всем виноват. Опять сожалеем, что нет с нами Синдзо Абэ. Кстати, кому понадобилось убить Синдзо Абэ? Были похороны, соответствующие статусу, даже чересчур дорогие, а настоящего расследования не было.

ЮО: Есть разные версии. Наверное, за этим стоит какая-то группа... Или какая-то страна...

ГНТ: Значит, остается самостоятельно работать над улучшением японско-российских отношений в сетях и путем экономического сотрудничества. Хочу поблагодарить всех за участие в беседе.

Галина Юрьевна Никипорец-Такигава — доктор политических наук, кандидат филологических наук, профессор департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Galina Yu. Nikiporets-Takigawa — Dr. Sci. (Politics), Cand. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia
Gnikiporets-takigawa@hse.ru